DB 83
.P26

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class DB85
Book .P15

YUDIN COLLECTION

LECTION
3 85
15

АВСТРІЯ

СО ВРЕМЕНИ РЕВОЛЮЦІИ 1848 ГОДА.

С. Н. Палаузова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
У Книгопродавца-издателя Д. Е. Кожанчикова
1860.

АВСТРІЯ СО ВРЕМЕНИ РЕВОЛЮЦІИ 1848 ГОДА.

Avstriia

АВСТРІЯ

СО ВРЕМЕНИ РЕВОЛЮЦІИ 1848 ГОДА.

Palauzov, Spiridon Nikolaevich

С. И. Палаузова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

У Книгопродавца-издателя Д. Е. Кожанчикова

DB83
.P26

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 17 Ноября 1859 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. И. КЛОЧКОВА
Спб. Литейный, 55

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП., ТОРГОВАЯ, 17

1860.

ID June 22-1973

Конгрессомъ 1815 года Австрія была возведена на степень первенствующихъ европейскихъ державъ, съ правомъ предсѣдательства на сеймѣ германскаго союза. Изъ послѣдняго обстоятельства слѣдуетъ ли сдѣлать заключеніе, что государство это содержитъ въ себѣ чисто германскій элементъ, что ядро его населенія, какъ напримѣръ въ Россіи, Франціи, Англіи беретъ перевѣсъ надъ прочими народностями, входящими въ его составъ? На это можно отвѣчать утвердительно только тогда, когда примемъ во вниманіе чисто германское правительство Австріи и династію его представляющую. Здѣсь преданіе, направленіе и языкъ — чисто германскаго начала и развитія. Но разсматривая австрійскую имперію со стороны элементовъ, ее составляющихъ, если сравнить число жителей германскаго происхожденія, съ прочими племенами, входящими въ ея составъ, и такъ судорожно порывающимися заявить свои національныя права, если вникнуть въ смыслъ того лихорадочнаго движенія, которое искони бродило въ отдѣльныхъ народностяхъ Австріи, и еще такъ недавно пожарнымъ заревомъ разливалось во время переворота 1848 года, — то всѣ эти обстоятельства естественно приведутъ насъ къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ относительно матеріальнаго пе-

24 мр 73

ревѣса чисто германскаго элемента въ обширныхъ предѣлахъ австрійской имперіи. Нельзя не отдать всей справедливости изворотливому дипломатизму, холодно-расчетливому уму австрійской политики и администраціи, которыми она умѣла утвердить и поддержать владычество свое надъ племенами въ шестеро многочисленнѣйшими, нежели ея господствующій элементъ. Доказательство ея моральнаго превосходства заключается въ самомъ фактѣ ея владычества. Между тѣмъ племена, признававшія до позднѣйшаго времени преобладаніе надъ собой собственно такъ называемой Австріи, безсильныя противодѣйствовать ей открыто, вдругъ выступили на сцену дѣйствій, и движимыя сознаніемъ своихъ силъ, вдохновенныя идеями вѣка, одни изъ нихъ съ твердостію протестуютъ противъ ея ненормальнаго владычества, другія отказываются служить и развиваться подъ ея знаменемъ. Племена эти, долгое время игравшія роль автоматовъ, страдательно и безотвѣтно подчиненныя безусловной ея власти, какъ бы по волшебному мановенію сознали свое племенное значеніе, и германское населеніе Австріи вдругъ увидѣло себя окруженнымъ шестью различными народностями, готовыми оспоривать у ней политическое первенство, готовыми объявить ей свои притязанія или на безусловную независимость, или на равенство отдѣльныхъ племенъ, обитающихъ въ ея границахъ. Эта протестація вынудила австрійское правительство обнародовать извѣстный законъ — der Gleichberechtigung, — законъ о равенствѣ всѣхъ племенъ имперіи, который однакожъ только временно могъ успокоить ея народы.

Трудно, почти невозможно прослѣдить и представить прагматически исторію австрійской имперіи въ какой бы то нибыло ея эпохѣ. Если, какъ обыкновенно говорятъ, настоящее, объясняется прошедшимъ, то нигдѣ это прошедшее не было такъ намѣренно искажено, представлено въ совершенно ложномъ видѣ, какъ въ Австріи. Исторія этого государства извѣстна гораздо менѣе, чѣмъ исторія другихъ народовъ. Іезуиты, бывшіе долгое время исключительными властелинами Австріи, въ-особенности при Фердинандѣ II, и при Леопольдѣ, съ какою-то непонятной дерзостью, неслы-

ханнымъ безстыдствомъ искажали смыслъ событій до того, что баронъ Гормайеръ, бывшій въ двадцатыхъ годахъ директоромъ вѣнскихъ архивовъ, называетъ предшествующую исторію Австріи *заказнымъ трудомъ, условленною баснею.* Подлогъ и обманъ не изводились на верхнемъ Дунаѣ. Государи, не довольствуясь тѣмъ что управляли этой странной хитростью и грубою силой, хотѣли ввести также въ заблужденіе и будущія поколѣнія тѣмъ, что часто обнародывали подложные акты. Ни одинъ историкъ не могъ пользоваться государственными бумагами даже посредственной важности. Архивы, будто недоступные гробы усопшихъ, находились подъ ненарушимою печатью.

«Подлоги — говоритъ Гормайеръ въ своихъ *Апетопен*, — распространенные вѣками, подобно ископаемымъ костямъ, содѣлались какъ бы неизбѣжны въ исторіи Австріи. Большинство, взросшее на данныхъ фактахъ, не зная ничего болѣе, удивляется, приходитъ даже въ раздраженіе, если хотятъ исправить давнопрошедшія ошибки. Имъ кажется, что хотятъ измѣнить истину, исказить событія собственно изъ страсти къ нововведеніямъ, изъ слѣпаго и враждебнаго увлеченія». — И далѣе онъ сравниваетъ оффиціальныя лѣтописи Австріи съ фабрикой фальшивыхъ монетъ. Если-бъ и явился желающій проникнуть въ этотъ добровольный мракъ бытописаній и разсѣять эти систематическія ошибки, то неумолимый *damnatur* австрійской цензуры, сковавшей всякую благородную мысль, остановилъ бы её въ самомъ началѣ ея проявленія.

Было время, когда это таинственное государство вовсе или мало обращало на себя вниманіе историковъ. Исторія тридцати-лѣтней войны знаменитаго поэта, появившаяся въ концѣ прошлаго столѣтія (1791), первая обратила вниманіе на Австрію, а драма его *Валленштеинъ* усилила любопытство, возбужденное уже предшествовавшимъ ей историческимъ трудомъ. Труды Вилльяма Кокса, [1]) *записки графа Никло*, [2]) и

1) Исторія австрійскаго дома, 1807 года.

2) Mémoires du comte Betlem Niclos, напечатаны въ VI томѣ Histoire des révolutions de Hongrie. A La Haye. 1739.

общеизвѣстная и болѣе бывшая въ ходу *Исторія революціи въ Венгріи,* [1]) вовсе неудовлетворяютъ тѣмъ потребностямъ, которыя такъ необходимы для познанія исторіи Австріи. При томъ труды эти слишкомъ поверхностны, и преобладаніе въ нихъ анекдотическаго разсказа покрываетъ другой, существеннѣйшій недостатокъ, — историко-политическую судьбу Австріи. Не говоря уже о томъ, что этимъ писателямъ и думать нельзя было проникнуть въ тайники вѣнскихъ архивовъ, имъ не была извѣстна, напримѣръ, книга кардинала Караффы, бывшаго апостольскаго нунція въ Германіи при Фердинандѣ II, этомъ страшномъ гонителѣ протестантовъ, ужасѣ несчастной Чехіи, которая въ нѣсколько лѣтъ потеряла вслѣдствіе его религіознаго фанатизма, лучшій цвѣтъ своей націи. Книга Караффы, Germania sacra restaurata, появившаяся во Франкфуртѣ въ 1641 году, содержитъ въ себѣ множество любопытныхъ и драгоцѣнныхъ открытій, относящихся къ австрійской политикѣ. Фанатическій Караффа, съ какою-то наивною откровенностію описываетъ ужасныя сцены и истязанія, производимыя надъ *схизматиками*, и историкъ найдетъ въ его книгѣ множество любопытныхъ данныхъ объ инквизиціозной управѣ Австріи въ несчастныхъ земляхъ славянскихъ и въ Венгріи.

Но совершенно другаго рода извѣстія, взятыя изъ вѣнскихъ архивовъ. Историкъ Ранке въ сочиненіи своемъ объ *Исторіи Германіи во время Реформаціи* пользовался, но только отчасти, и то съ величайшими ограниченіями, извѣстіями этихъ архивовъ. Никто однакожъ не принесъ въ этомъ отношеніи столько пользы исторической наукѣ, какъ баронъ Гормайеръ. Назначенный въ 1803 году директоромъ государственныхъ и дворцовыхъ архивовъ династіи Габсбурговъ, онъ, управляя ими втеченіе двадцати пяти лѣтъ, имѣлъ полную возможность узнать настоящую исторію своей родины. Въ 1828 году Людвикъ, король баварскій, предложилъ ему, въ слѣдствіе возникшихъ между имъ и вѣнскимъ дворомъ непріятностей, оставить Австрію и переселиться въ Мюнхенъ. Гормайеръ переѣхалъ границу, но не одинъ: онъ

---

1) Histoire des révolutions de Hongrie. A La Haye.

перевезъ съ собою какъ страшное, обличительное оружіе своего врага, множество замѣчаній, выписокъ и драгоцѣнныхъ актовъ, списанныхъ съ оригиналовъ, хранившихся въ архивахъ, бывшихъ подъ его вѣдѣніемъ. Часть этихъ документовъ была напечатана имъ въ *Карманной книгѣ для отечественной исторіи*, [1]) издававшейся втеченіе почти сорока лѣтъ. Другіе акты были изданы имъ въ его Anemonen [2]), въ Lebensbilder aus dem Befreiungskriege [3]), и въ не большомъ отрывкѣ, напечатанномъ послѣ его смерти: *Францъ* и *Меттернихъ* [4]). Громадныя изысканія Гормайера, его рѣдкая проницательность, изумительная историческая ученость и начитанность, ставятъ въ непремѣнную необходимость всякаго историка, занимающагося бытописаніемъ австрійской монархіи, прибѣгать къ его изданіямъ не только какъ къ пособію, но и какъ къ непремѣнному источнику. Безъ его содѣйствія, не только исторія Австріи, но и исторія Германіи невозможна.

Историческая изобличительность въ отношеніи къ Австріи, такъ смѣло поднятая Гормайеромъ, нашла себѣ достойнаго подражателя въ дрезденскомъ архиваріусѣ, докторѣ *Феезе*. Въ своей *Исторіи германскихъ дворовъ* [5]) онъ собралъ множество весьма любопытныхъ и дотолѣ неизвѣстныхъ документовъ, которые значительно пополняютъ данныя, представленныя Гормайеромъ. Нельзя не упомянуть также о панегиристѣ габсбурскаго дома, знаменитомъ Гуртерѣ. Въ его исторіи о Фердинандѣ II [6]) онъ невольно коснулся такихъ событій, подтвердивъ ихъ документами, что раскрылъ ими факты невѣроятныхъ истязаній, преступныхъ замысловъ и

---

1) Taschenbuch für vaterländische Geschichte. Штутгардтъ, съ 1830 г.

2) Четыре части, въ Іенѣ, съ 1845—1847 годъ.

3) Въ трехъ частяхъ.

4) Чтобы пополнить списокъ сочиненій и изданій Гормайера упомянемъ еще объ его *Исторіи Вѣны, Австрійскомъ Плутархѣ* въ двадцати частяхъ, *Историческіе архивы* съ 1810—1823 г., *Исторія Тироля* и *Всеобщая исторія новѣйшихъ временъ*.

5) Geschichte der deutschen Höfe seit der Reformation. Hamburg. 1851 *Исторія австрійскаго двора и дворянства и австрійской дипломатіи* начинается съ седьмаго тома.

6) Geschichte Kaiser Ferdinands II und seiner Eltern. Schaffhausen. 1857.

возмутительнаго произвола Габсбурговъ, не смотря на то, что сочинитель старается всячески оправдать ихъ дѣйствія. Изъ совокупности этихъ данныхъ, мы будемъ имѣть ниже случай коснуться традиціональной политики Австріи въ отношеніи румынскихъ господарствъ Молдавіи и Валахіи, которыя она, во время занятія ихъ въ 1854 году, всячески старалась удержать за собою.

Изъ ежедневныхъ извѣстій мы видимъ, что современная Австрія вовсе не измѣнила своей исконной политикѣ; но проникнуть въ тайныя ея дѣйствія возможно будетъ только тогда, когда второй Гормайеръ раскроетъ затаенныя пружины, движущія ея частною и общественною жизнію. Нѣсколько словъ, сказанныхъ нами о достовѣрности исторической австрійской монархіи, достаточно указываютъ въ какой мѣрѣ слѣдуетъ принимать ея стремленіе къ возрожденію народностей, живущихъ въ ея предѣлахъ. Изъ послѣдующаго разсказа неоднократно можно будетъ видѣть, что либеральная вспышка ея послѣ переворота 1848 года, была новымъ расчетомъ — сильнѣе сдавить народности ея подданныхъ и всевозможными средствами сгладить ихъ подъ однимъ господствующимъ германизмомъ.

I

Въ чемъ и изъ чего состоитъ эта имперія и изъ какихъ живыхъ элементовъ составлено ея цѣлое? Народонаселеніе Австріи простирается до 39 милліоновъ [1]), населяющихъ 12,122 географическихъ квадратныхъ мили. Не смотря на то, что до новѣйшихъ ревизій въ администраціи Австріи не доставало единства дѣйствій въ ревизіонномъ контролѣ имперіи, вышеозначенную цыфру можно однакожъ принять если не безусловно, по крайней мѣрѣ приблизительно. Обыкновенно австрійская статистика, приступая къ обревизованію государства, старалась выставлять количество народонаселенія по провинціямъ и областямъ и по вѣроисповѣданіямъ, всячески избѣгая показывать наличную силу народностей. Причина этому очевидно заключается въ намѣреніи, устранить всякую возможность сравненія между числомъ нѣмцевъ и количествомъ другихъ народовъ. Но если случалось, что правительство вносило въ статическія вѣдомости числовыя показанія отдѣльныхъ народовъ обитающихъ въ Австріи, то оно постоянно находило средства до такой степени раздѣлять и подраздѣлять на мелкія части эти народности, что совокупность ихъ цѣлаго теряла всякую значительность чрезъ это раздробленіе. Такъ напримѣръ, статистика Австріи изобрѣла въ Галиціи двѣ народности единственно потому, что въ этой области господствуютъ двѣ религіи, силясь увѣрить червонорусcовъ, что они не могутъ имѣть ничего общаго въ племенномъ отношеніи съ поляками, единственно потому, что эти послѣдніе исповѣданія католическаго, а тѣ православнаго. Ту-же уловку правительство употребляетъ и въ отношеніи юго-западныхъ славянъ: иллирійское племя подраздѣляется у него на славянъ или вендовъ, а кроаты отдѣлены совершенно отъ сербовъ. Кто знаетъ, — быть можетъ находчивость австрійскихъ статистиковъ изобрѣтетъ и внесетъ

---

1) По оффиціальной цыфрѣ 1854 года 39,411,309 душъ.

въ свои оффиціальныя вѣдомости новый отдѣлъ — военной границы, которой населеніе, простираясь отъ Адріатики до Землина, принадлежитъ къ племени чисто-иллирическому или сербскому. Наконецъ, слѣдуя все-таки способу австрійской ревизіи, въ чехахъ, моравахъ и словакахъ можно будетъ видѣть три совершенно отдѣльныя племени, и два въ ломбардахъ и венеціанахъ.

Только съ 1848 года оффиціальная статистика Австріи начала обращать серьёзное вниманіе на племенной вопросъ имперіи. Впрочемъ правительство нашло уже готовые матеріалы, потому что, разные народы, обитающіе въ Австріи, озаботились гораздо прежде представить наличный составъ своихъ населеній, а также и производительность каждой области. Само правительство незамедлило обнародовать статическія данныя, изъ которыхъ число нѣмцевъ, населяющихъ австрійскую имперію простирается до 7,980,920 [1]). По тѣмъ же самымъ даннымъ славянское населеніе Австріи простирается до 15,170,602. Это населеніе является въ трехъ главныхъ группахъ: польской въ Галиціи, чешской въ Богеміи, Моравіи и сѣверной Венгріи (словаки), и наконецъ иллирійской или южно-славянской, къ которой отчислены штирійцы, карніольцы, каринтійцы, далматы, кроаты, словенцы и сирмійцы. Итальянское населеніе Ломбардо-Венеціи представляетъ цыфру въ 5,063,575 душъ; но въ это число не входятъ жители Фріуля, перемѣшанные почти на половину съ славянскимъ племенемъ, и которыхъ число простирается до 393,954 душъ. Румынское племя, обитающее въ карпатскихъ альпахъ, составляетъ почти исключительное населеніе Трансильваніи, Буковины и отчасти Баната и представляетъ массу народа въ 2,686,492 душъ. Мадярское или венгерское населеніе, вмѣстѣ съ секлерами, восходитъ до 5,418,773. Остальное населеніе австрійской имперіи составляютъ жиды

---

1) Въ это самое число вошло также 1,156,400 душъ нѣмцевъ, живущихъ въ Венгріи, 1,727,950 обитающихъ въ Богеміи и до двухъ милліоновъ разселенныхъ по Штиріи, Каринтіи, по набережью Адріатическаго моря, въ Галиціи, Трансильваніи и отчасти на Военной границѣ. Но надобно замѣтить, что изъ нихъ только живущіе по городамъ отдѣльными общинами, сохранили чисто-нѣмецкую свою національность.

въ числѣ 747,891, незначительное количество армянъ, албанцевъ, грековъ и болгаръ, которыхъ цыфра невполнѣ извѣстна, и наконецъ цыгане, не превышающіе 100,000 душъ.

Каждое изъ этихъ племенъ рѣзко отмѣчено своеобычностью и особенностями. Одно только славянское племя, растянутое сплошною массой отъ устья Котора до предѣловъ червонорусскихъ, не смотря на мѣстныя подраздѣленія, обладаетъ самыми существеннѣйшими данными междуплеменнаго сближенія. Остальныя же племена не связаны никакими узами. Между итальянцами и мадярами, а также между нѣмцами и румынами не существуетъ ни историческихъ, ни традиціональныхъ связей, и въ недавнее еще время ломбардо-венеціане узнали, что на восточныхъ предѣлахъ имперіи существуетъ народъ, близкій по языку къ Италіи, и именующій себя румынами.

Если династія Габсбурговъ чисто нѣмецкаго происхожденія, то она особенно въ послѣднее время пыталась, или принимала на себя видъ попытки отдѣлиться отъ анти-нѣмецкихъ направленій правительства и администраціи. Среди многочисленныхъ членовъ этого семейства, каждый изъ нихъ игралъ до переворота 1848 года отдѣльную, самостоятельную роль въ отношеніи различныхъ народовъ имперіи, и главнѣйшее ихъ значеніе было — сочувствовать съ виду потребностямъ этихъ народовъ, входить въ разбирательство ихъ требованій относительно попранныхъ правъ, и употреблять всѣ усилія къ сохраненію ихъ уваженія и покорности къ царствующей династіи. Въ то время, когда на Меттерниха со всѣхъ сторонъ сыпались явныя и тайныя обвиненія недовольныхъ, эрцгерцоги и императоръ не переставали пользоваться популярностью или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Для доказательства вспомнимъ, какое значеніе имѣлъ, какимъ почетомъ былъ окруженъ въ Венгріи эрцгерцогъ Іосифъ, и послѣ него сынъ его, эрцгерцогъ Стефанъ. Оба они одинъ за другимъ, управляли Венгріей. Преданность къ эрцгерцогу Стефану доходила до того, что тѣ самые венгры, которые такъ неудачно и нерасчитанно подняли оружіе противъ императора, готовы были положить жизнь свою за

Стефана, о которомъ отзывались съ любовью и безграничнымъ почетомъ.

Домъ Габсбурговъ неоднократно подвергался испытаніямъ и ударамъ судьбы, особенно со времени Маріи-Терезіи. Въ эпоху Наполеона I, приведшаго, рядомъ побѣдъ, къ окончательному разрушенію германскій союзъ, Австрія сама явилась на краю погибели. Но никогда Габсбурги не были окружены столь существенными опасностями, какъ въ 1848 и 1849 годахъ. Императоръ Фердинандъ, котораго такъ выхваляли честность, сдержанность и правоту, не былъ въ силахъ бороться съ возставшей бурей. Убѣжавъ изъ возмутившейся столицы, онъ рѣшился сложить съ себя государственное бремя. Первая мысль этого отреченія, какъ увѣряютъ, пришла императрицѣ Маріанѣ, женщинѣ богомольной и благочестивой, но слабой и безхарактерной, для которой императорскій вѣнецъ не имѣлъ особеннаго честолюбиваго значенія. У Фердинанда и Маріаны не было дѣтей, и вѣнецъ имперіи, по наслѣдственному праву, долженствовалъ перейти къ брату его, эрцгерцогу Францу-Карлу, который въ свою очередь отказался отъ правленія, по причинѣ старости. При этихъ обстоятельствахъ на престолъ Австріи возвели юношу, котораго молодость, какъ надѣялись, могла бы искупить черствую, одеревенѣлую рутину старыхъ Габсбурговъ и возродить Австрію на новыхъ началахъ, какъ политическихъ, такъ и административныхъ. Мысль эта, какъ увѣряютъ, принадлежитъ эрцгерцогинѣ Софіи, супругѣ Франца-Карла, которая добровольно принесла ей въ жертву императорскую корону. Софію поддерживали впрочемъ и главнѣйшіе представители Австріи, собранные по этому случаю на верховный совѣтъ, и между ними болѣе всѣхъ отличился банъ Іеллачичъ, думая, что новое правительство станетъ содѣйствовать всѣми мѣрами къ нравственному возрожденію имперіи, къ которому и самъ онъ стремился. Въ то самое время, когда императоръ Фердинандъ слагалъ съ себя корону въ пользу брата своего Франца-Карла, этотъ послѣдній уступалъ въ свою очередь права на имперію сыну своему, Францу-Іосифу, имѣвшему въ то время не болѣе восемнадцати лѣтъ. Избраніе это обнародовано было 2-го декабря

1848 года въ Ольмюцѣ, гдѣ въ то время находился дворъ, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, которыя позволили бы ему возвратиться въ Вѣну.

Новое царствованіе, начатое среди революціоннаго разгара, во время итальянской войны, предшествуемое только не многими днями возстанію венгровъ, было принято большею частію имперіи, какъ знаменательное событіе новой эры. Франъ-Іосифъ, руководимый ловкими политиками, поспѣшилъ выступить на встрѣчу всеобщихъ желаній, поспѣшилъ провозгласить знаменитый законъ племеннаго равенства, — Gesetz der Gleichberechtigung, во имя котораго многочисленнѣйшая часть Австріи, славяне, единодушно приняли сторону своихъ поработителей и массой возстали противъ венгровъ. Увидимъ чѣмъ возблагодарила ихъ съ своей стороны спасенная ими Австрія.

Манифестъ Франца-Іосифа, обнародованный 2-го декабря, принятъ былъ съ восторгомъ славянскими народами Австріи. Въ немъ они видѣли наконецъ осуществленіе своихъ задушевныхъ мыслей и надеждъ. «Полагая въ основаніе нашего царствованія свободу, — говорилъ молодой императоръ, — принимая начало равенства правъ всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ нашей имперіи, равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ, признавая права представителей народа, призванныхъ на помощь нашему правленію, — отечество наше незамедлитъ обрѣсти древнюю свою славу. Зданіе, которое станемъ воздвигать при подобномъ содѣйствіи, не убоится бурь нашего, столь труднаго времени, и подобно обширному, шатру пріютитъ подъ покровительствомъ нашего прародительскаго скипетра различные народы, которыми управлять мы гордимся.» Такъ говорилъ юный императоръ народамъ, нетерпѣливо ожидавшимъ узнать, чѣмъ онъ возблагодаритъ ихъ вѣрность. Что касается Италіи, очевидно было, что только военная сила въ состояніи возстановить связи, которыя приковывали ее къ Австріи. Венгрія же могла въ свою очередь успокоиться однимъ присоединеніемъ къ ней Трансильваніи и Кроаціи. Племенное равенство раздражало еще болѣе венгровъ и усилило ихъ ненависть къ имперіи; но съ другой стороны оно привело, какъ мы сказали, въ восторгъ

пятнадцать милліоновъ славянъ, стремившихся къ уравненію своихъ правъ, съ правами нѣмцевъ.

Закрытіе кремсіерскаго съѣзда, и дарованіе новой конституціи [1]) на мѣсто той, которая долженствовала быть предложенною въ мартѣ 1849 года, охладили нѣсколько восторгъ, возбужденный началомъ новаго царствованія. Само правительство не безъ ужаса увидѣло, что централизація должна рушиться, и что провинціализмъ, долженствовавшій быть основой совѣщательнаго съѣзда въ Кремсіерѣ, возбудитъ съ большею силой и въ большей мѣрѣ мѣстный патріотизмъ областей. Эта мѣра правительства, устранявшая дальнѣйшее развитіе новой конституціи, ближе всего касалась славянъ и румыновъ, которые, ставъ въ защиту габсбургскаго дома, въ правѣ были ожидать благодарности новаго правительства. Уныніе овладѣло этими племенами, поднявшими оружіе противъ мадярскаго возстанія. Это самое уныніе было отчасти причиной временнаго успѣха венгерскаго оружія. Вникнувъ однакожъ нѣсколько въ смыслъ новой конституціи, ясно можно видѣть, что если ея буквальный смыслъ могъ быть примѣненъ къ гражданской жизни славяно-румыновъ, эти послѣдніе все таки остались бы въ выигрышѣ [2]). Притомъ же два эти народа, видя устраненіе давнишняго преобладанія венгровъ, обнадеживали себя тѣмъ, что Австрія не останется неблагодарною къ заслугамъ, которыя они ей оказали. Но не смотря на это, слѣдовало еще разрѣшить вопросъ: какимъ образомъ будетъ примѣнена конституція 4-го марта? Само правительство не менѣе племенъ ему подвластныхъ, было озабочено этою мыслію, и положеніе его въ этомъ случаѣ было въ высшей степени загадочнымъ. Тогда вся мысль, все направленіе австрійскаго кабинета олицетворялись въ человѣкѣ твердаго характера и воли, въ князѣ Шварценбергѣ, министрѣ иностранныхъ дѣлъ и предсѣдателѣ государственнаго совѣта. При содѣйствіи министра внутреннихъ дѣлъ, Баха, и юстиціи. Шмерлинга, Феликсъ Швар-

---

1) Конституція 4-го марта.

2) Конституція 4-го марта 1849 года обѣщала разнымъ племенамъ, обитающимъ въ Австріи, провинціальную свободу.

ценбергъ болѣе всего старался упрочить за нѣмецкимъ племенемъ первенство въ новомъ преобразованіи австрійской имперіи, и слѣдуя этой мысли, онъ всѣми силами приготовился къ борьбѣ съ провинціализмомъ. Впрочемъ ошибочно мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что стремленіе князя Шварценберга было возстановить во всей силѣ безусловную власть императора въ прежней ея формѣ; напротивъ, намѣреніе его было признать буквальный смыслъ конституціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ, чтобы эта конституція, вмѣсто того, чтобы развивать идею провинціализма, облегчила централизацію. Шварценбергъ отнюдь не отвергалъ конституціоннаго начала, но былъ той мысли, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало приступать къ его примѣненію пока административное единство не скрѣпитъ отдѣльныя области, и такимъ образомъ не обезпечитъ имперію отъ могущихъ произойти неурядицъ. Онъ полагалъ утвердить сначала централизацію и затѣмъ ввести конституціонное правленіе. Новое министерство начало съ того, что стало примѣнять конституцію 4-го марта въ области гражданскаго права, имѣя въ виду установить новый порядокъ судопроизводства, вмѣсто существовавшаго дотолѣ хаоса феодальныхъ законовъ.

Со времени возмущенія въ 1846 году крестьянъ въ Галиціи, взаимныя отношенія ихъ и помѣщиковъ содѣлались предметомъ особеннаго вниманія со стороны правительства. Не смотря на это, окончательное рѣшеніе освободить крестьянъ, съ надѣломъ землей, было принято только съ 1848 года. Освобожденіе крестьянъ не повлекло однакожъ за собою окончательнаго уничтоженія барщины и десятины. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, Дублгофъ, предложилъ законъ вознагражденія или выкупа, что вполнѣ соотвѣтствовало смыслу конституціи 4-го марта 1849 года. Это былъ первый шагъ, сдѣланный правительствомъ къ введенію единства въ законодательствѣ, потому что областныя законоположенія, остававшіяся во всей силѣ съ 1848 года естественно истекали изъ поземельной организаціи каждой области отдѣльно. Феодальное начало господствовало болѣе или менѣе въ этихъ областяхъ, за исключеніемъ Ломбардо-Венеціи, гдѣ

временное французское владычество, можно сказать, искоренило всякое поземельное владѣніе на правѣ феодальной ленности. Но съ другой стороны отдѣльныя австрійскія провинціи имѣли свои общіе законы. Переворотъ 1849 года. давшій министерству возможность и даже силу устранить разнообразіе областныхъ узаконеній, былъ для него. такъ сказать, неожиданной находкой. Отъ него зависѣло уничтожить весь существовавшій дотолѣ порядокъ и съизнова поднять административное зданіе имперіи на новыхъ началахъ, предписанныхъ конституціей.

Въ то время, когда министерство приступило къ обнародованію провинціальныхъ уложеній, партія федералистовъ, видя что ея надежды исчезали, начала въ свою очередь сильно волноваться. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ писателей Чехіи, игравшій важную роль на вѣнскомъ сеймѣ, исторіографъ Богеміи Францъ Палацкій, былъ авторомъ проекта относительно предполагаемой федерализаціи австрійскихъ областей. «Что было для чеховъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ религіозное чувство», — говорилъ Палацкій, — «то самое составляетъ для нихъ въ настоящее время чувство народности. Чтобы ни предпринимали для того, чтобы остановить это направленіе, оно остановится только тогда, когда достигнетъ своей цѣли. Начало племеннаго равенства восторжествуетъ во всѣхъ движеніяхъ общественной жизни. Два вѣка тому назадъ, народы почти цѣлой Европы выдержали долголѣтнюю и упорную борьбу, чтобы пріобрѣсти равенство правъ между различными вѣроисповѣданіями; неужели правительство желаетъ, чтобы идея свободнаго развитія народностей возобновила въ наше время ужасное кровопролитіе, вызванное въ тридцатилѣтнюю войну религіозными распрями? Печальный примѣръ тому мы видѣли въ 1848 году, и надѣемся, что кровавая прелюдія остановится на этомъ, но остановится тогда, когда будетъ утверждено и признано равенство правъ между народами. Для этого необходимо, чтобы ни одинъ народъ австрійской имперіи не имѣлъ исключительнаго преимущества надъ другимъ. Всякое преимущество какой либо области или народа должно быть разсматриваемо какъ формальная несправедливость, какъ нарушеніе правъ. Слѣдовательно, вся-

кая гегемонія нѣмца надъ славяниномъ излишня и не должна входить въ область мѣръ государственныхъ. Централизація для Австріи неумѣстна, неразумна, она поведетъ къ деспотизму, къ войнѣ.»

Палацкій не ограничился этимъ. Онъ предложилъ проектъ, котораго примѣненіе было бы полнѣйшимъ осуществленіемъ федеративныхъ идей, и слѣдовательно, было бы совершеннымъ противорѣчіемъ намѣреніямъ новаго министерства. Онъ требовалъ, чтобы правительство предоставило каждому народу права, которыя сходствовали бы и не разнорѣчили съ общими правами имперіи, на чемъ упрочилось бы единство послѣдней. Что же касается центральной власти, то ей предоставлялись высшія инстанціи отдѣльныхъ вѣдомствъ, какъ-то: министерство финансовъ, военное, морское, иностранныхъ дѣлъ и коммерціи. Палацкій предлагалъ также, чтобы министерства внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и просвѣщенія были бы, если невполнѣ отмѣнены и закрыты, по крайней мѣрѣ, значительно ограничены въ кругѣ своихъ дѣйствій и замѣнены учрежденіемъ относительныхъ имъ вѣдомствъ въ каждой націи, входившей въ составъ Австріи, т. е., чтобы власти исполнительная, административная и мѣры народнаго образованія были бы предоставлены отдѣльнымъ областямъ имперіи. Число этихъ отдѣльныхъ министерствъ соотвѣтствовало числу народностей Австріи, т. е., для нѣмцевъ, чеховъ, поляковъ, мадяръ, румыновъ, иллирійцевъ или южныхъ славянъ и итальянцевъ. Каждый изъ министровъ долженствовалъ имѣть свое мѣстопребываніе въ областномъ городѣ съ правомъ собирать мѣстный сеймъ и имѣть въ своемъ вѣдѣніи кассаціонный судъ. Это предложеніе Палацкаго вызвало самые жаркіе споры со стороны федеративной партіи. Органъ кроатской народности, *Славянскій Югъ* рѣзко протестовалъ въ пользу первенства славянскаго племени, и слѣдующія его строки съ жадностью читались въ свое время иллирійскимъ населеніемъ: «нѣмцы удивляются, говорилъ этотъ журналъ, видя, какъ эти славянскіе дикари — diese slavische Wildlinge, — требуютъ правъ. Они возражаютъ намъ, что мы еще не созрѣли для гражданской свободы, что для насъ необходима опека нѣмцевъ. Мы отвѣчаемъ, что напротивъ, сла-

вяне призваны принять на себя опеку надъ нѣмецкимъ племенемъ, по крайней мѣрѣ въ Австріи, потому что одни славяне подняли и въ состояніи поддерживать скипетръ Габсбурговъ, и только подъ тѣмъ условіемъ будутъ продолжать поддерживать его, если Австрія устранитъ всякое преобладаніе одного племени надъ другимъ. Славянинъ никогда не подчинится стремленію пангерманизма, и если эти стремленія будутъ приведены въ дѣйствіе, то возбудятъ собою тотъ панславизмъ, который такъ страшенъ не только для Австріи, но и для Германіи. Эта послѣдняя громко кричитъ о возстановленіи одной цѣлой Германіи; почему же отнимать у насъ право желать одной цѣлой федераціи славянской? Каждый народъ спасаетъ себя отъ погибели всевозможными средствами, а въ Австріи единственный признакъ жизни, которымъ она еще дышетъ, это духъ славянскихъ народностей, самый живучій элементъ въ ея владѣніяхъ. Чѣмъ болѣе Австрія дѣлается германскою, тѣмъ болѣе торопитъ славянъ къ панславизму. Стремленіе Австріи къ централизаціи влечетъ къ онѣмеченію, а это послѣднее насиліе племенъ не можетъ быть принято славянами, какъ не было принято ими преобладаніе мадярскаго элемента. Безъ сомнѣнія, если бы въ минуту ихъ торжества, славяне слѣдовали эгоистической политикѣ, то они не замедлили бы образовать въ Австріи славянскую централизацію. Но этотъ способъ преобладанія одного племени надъ другимъ не въ духѣ славянства. Славянинъ не ищетъ подчинить слабаго сильному, не ищетъ возвышаться надъ развалинами побѣжденныхъ. Онъ желаетъ всѣмъ свободы. Поэтому централизація въ Австріи несовмѣстна съ подобнаго рода свободой. Примѣръ еще свѣжъ: мадяре погибли и погубили свою родину потому только, что хотѣли насъ омадярить. Если вѣнскій кабинетъ станетъ упорствовать въ намѣреніи своемъ онѣмечить славянскіе народы, то погибель Австріи сдѣлается неизбѣжною.«

Смѣлый голосъ югославянскихъ публицистовъ заставилъ австрійское министерство на минуту усомниться въ успѣхѣ своего предпріятія. Очевидно, что эта демонстрація была не безъ вліянія на установленіе провинціальныхъ учрежденій

въ Кроаціи; но идеи централизаціи явно высказывались также въ этомъ областномъ устройствѣ, послѣдовавшемъ въ январѣ и февралѣ 1850 года. Нельзя отрицать, чтобы провинціальное законодательство, которое Австрія хотѣла ввести въ свои области, не было бы въ сущности своей либеральнымъ. Каждой провинціи назначалось особенное народное собраніе, въ составъ котораго входили представители всѣхъ сословій общества, депутаты, какъ дворянства, такъ и купечества и ремесленниковъ.

Партія федералистовъ требовала, чтобы Австрія была раздѣлена на семь отдѣльныхъ администрацій, соотвѣтственныхъ семи различнымъ народамъ, входящимъ въ ея составъ на что новое министерство не только что изъявило свое согласіе, но даже предложило увеличить число областныхъ администрацій и тѣмъ еще болѣе подраздѣлить бывшее дотолѣ раздѣленіе Австріи. Собственно австрійское эрцгерцогство осталось раздѣленнымъ въ прежнемъ своемъ видѣ, то есть, на верхне-эннскую Австрію, имѣющую столицей Вѣну, и нижне-эннскую. Зальцбургъ, Тироль и Форальбергъ составили двѣ провинціи, которыя вмѣстѣ съ эрцгерцогствомъ долженствовали представить ядро германской части австрійской имперіи. Партія федералистовъ, состоявшая въ началѣ исключительно изъ славянъ, протестовала противъ рѣшенія министерства раздѣлить въ административномъ отношеніи Штирію, Каринтію, Карніолію и Истрію. Чисто славянское населеніе этихъ провинцій изъявляло желаніе принять общее имя *Славянъ*; они желали, кромѣ того, составить одну провинцію, съ Кроаціей, Далмаціей, Славоніей и сербской Воеводиной и слѣдовательно подчинить ихъ однимъ формамъ правленія. Эта мысль округленія юго-славянскаго племени въ Австріи, совпадаетъ съ 1848 годомъ. Что же касается Чехіи, которую правительство постоянно держало въ разъединеніи отъ Моравіи и Силезіи, и еще болѣе отъ словаковъ, то эта область, окончательно разочаровалась въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ. Конституція эрцгерцогства австрійскаго подписана была 7 января 1850; чешская же 12 февраля того же года.

Оставалось устроить провинціи, которыхъ организація

требовала болѣе осторожности и предусмотрительности, именно: Ломбардо-Венецію, Кроацію, Венгрію, Трансильванію и, наконецъ, Галицію. Кроація, вмѣстѣ съ Славоніей, получила свою отдѣльную конституцію 12 іюля 1850. Конституція эта ограничилась приведеніемъ въ порядокъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыми пользовались уже обѣ области. Далмація осталась внѣ этой организаціи, не смотря на то, что кроатскій сеймъ, какъ было упомянуто выше, еще съ 1848 года выразилъ желаніе присоединить Далмацію къ Кроаціи. Сербскіе округи, расположенные по Дунаю, и первые поднявшіе оружіе противъ венгерскаго возмущенія, получили особую организацію подъ именемъ Воеводины (18 ноября 1849). Эта область осталась также отдѣльною отъ Кроаціи, не смотря на выраженныя ею желанія присоединиться къ ней и составить одно цѣлое. Устройство Трансильваніи послѣдовало въ концѣ сентября 1849 и администрація ея была отдѣлена отъ Венгріи, къ которой мадяре насильно присоединили это нѣкогда независимое княжество. Нельзя не замѣтить, какія затрудненія встрѣчались при внутреннемъ устройствѣ этой области. Главное и многочисленнѣйшее ея населеніе состоитъ изъ румыновъ; но между ними обитаютъ въ отдѣльныхъ округахъ секлеры, племя мадярское и седмиградскіе саксы, которыхъ имя указываетъ на ихъ германскую народность. Соединивъ эти три народа подъ одно провинціальное управленіе, правительство объявило, что Трансильванія будетъ раздѣлена на отдѣльныя части по племенному происхожденію ея обитателей. Племя румыновъ, находившееся дотолѣ подъ двойнымъ гнетомъ — мадяръ и саксоновъ, не могло радоваться этой новой организаціи, которая далеко впрочемъ не соотвѣтствовала ихъ задушевнымъ желаніямъ. Восточная Венгрія, называемая обыкновенно Темешкимъ банатомъ, населена также румынами. Желаніе трансильванскихъ румыновъ было — соединиться съ единоплеменниками своими, обитающими въ Венгріи. Даже Буковина, которую многіе почитаютъ частію Галиціи, долженствовала быть, поэтому, присоединена къ прочимъ областямъ, обитаемымъ румынами. Но правительство осталось вѣрнымъ своему принципу и не отступило отъ прежняго разграниченія областей. Что же касается Галиціи, то

страна эта никогда не была въ милости у вѣнскаго двора и его правительства. Она осталась почти при тѣхъ административныхъ и гражданскихъ условіяхъ, при которыхъ находилась и прежде, за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, вошедшихъ въ ея провинціальное уложеніе.

Изъ всѣхъ этихъ административныхъ мѣръ, выжатыхъ, такъ сказать, у австрійскаго правительства его угнетенными областями, наиболѣе любопытны тѣ, которыя касались военныхъ поселеній, расположенныхъ по границѣ Турціи, отъ Адріатическаго моря до горъ Карпатскихъ. Конституція, данная этимъ граничарамъ (7 мая 1850 года), тѣмъ болѣе замѣчательна, что эти поселенія, подчиненныя отдѣльному воинскому уставу, не пользовались дотолѣ никакими правами. Услуги, оказанныя ими въ началѣ царствованія Франца-Іосифа, заслуживали вознагражденіе, и банъ Іеллачичъ употребилъ все свое стараніе, чтобы исходатайствовать для нихъ новое уложеніе. Въ силу закона, военныя поселенія граничаръ пріобрѣли отдѣльное управленіе и свое провинціальное собраніе представителей. Что касается воинской службы, поселенія эти оставались въ зависимости отъ исполнительной власти имперіи; но они на столько могли пользоваться всѣми правами, предоставленными прочимъ областямъ конституціей 4 марта, на сколько это совмѣстно съ требованіями исполненія ихъ воинскихъ обязанностей. Нѣмецкій языкъ по прежнему остается языкомъ команды; языкамъ же этихъ граничаръ, какъ-то: иллирійскому, мадярскому, румынскому было усвоено право, подтвержденное закономъ, быть преподаваемыми въ училищахъ, употребляемыми въ судебныхъ преніяхъ и на областныхъ сеймахъ. Что же касается воинскихъ преступленій, то военный уставъ оставался въ прежней силѣ; прочія же преступленія подчинялись общимъ законамъ имперіи. Наконецъ, подчиненные военнымъ обязанностямъ, лежащимъ на нихъ наслѣдственно, граничаре получили въ собственное владѣніе тѣ участки земель, которыми они дотолѣ владѣли на правѣ поссессіонномъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ 1850 года большая часть австрійскихъ провинцій были надѣлены учрежденіями, кото-

рыя, не взирая на то, что раздробили страну на мелкія администраціи, доставили отдѣльнымъ областямъ свободныя начала, бывшія имъ дотолѣ чуждыми. Но задача конституціонной организаціи Ломбардо-Венеціи оставалась все-таки не рѣшеною. Министерство колебалось. Въ Вѣну были приглашены на совѣщаніе представители обѣихъ итальянскихъ областей, но дѣло не шло впередъ и при каждомъ засѣданіи возникали непреодолимыя препятствія. Вѣнскіе бюрократы постоянно выѣзжали на томъ, что только безусловная автократія можетъ удержать въ повиновеніи итальянцевъ и мадяръ, неуспокоенныхъ еще недавнимъ ихъ пораженіемъ. Но какимъ образомъ отказать этимъ областямъ въ томъ, что было даровано другимъ народамъ? Въ отношеніи Ломбардіи, привыкшей издавна къ центральному управленію, и для которой либеральная администрація была бы новостію, затрудненія не казались слишкомъ велики, между тѣмъ какъ Венгрія, страна издревле конституціонная, гдѣ богатая и могущественная аристократія искони была представительницею и двигателемъ мѣстныхъ интересовъ, представляла министерству множество важныхъ затрудненій. Притомъ, во время венгерскаго возстанія, не вся Венгрія принимала участіе въ борьбѣ съ австрійскимъ владычествомъ. Не смотря на то, что раздробленіе этой страны составляло существенную выгоду министерства, это послѣднее не могло однакожъ не пощадить ее, и такъ уже наказанную отдѣленіемъ отъ нея славянъ и румыновъ. Наконецъ, Венгрія пользовалась особеннымъ конституціоннымъ уложеніемъ, упроченнымъ за ней вѣками и неоднократно подтверждаемымъ договорами. Слѣдовательно, было ли возможно отказать этой странѣ въ учрежденіяхъ, которыя даровены были прочимъ областямъ австрійской монархіи? Вопросъ этотъ возбуждалъ тѣмъ большія затрудненія, что тотчасъ послѣ венгерскаго пораженія, консервативная партія мадяръ, не принимавшая никакого участія въ войнѣ, явилась въ Вѣну ходатайствовать о помилованіи возмутившейся части Венгріи. Министерство, желавшее съ одной стороны централизаціи, и думая съ другой, что, ведя ее параллельно съ гражданской свободой, успѣшнѣе можетъ достигнуть своей цѣли, не всегда обращало вниманіе на требованія партіи мадяръ, не бывшей

въ открытой враждѣ съ правительствомъ. Эта партія, сильная еще фамильными связями и своимъ личнымъ значеніемъ, какъ представительница обширной области, была не безъ вліянія на высшую аристократію Вѣны, на правительственныя лица и на самый дворъ, такъ что министерство находилось въ сильномъ затрудненіи, не знало на что рѣшиться. Для проволочки времени оно приступило къ новому разграниченію комитатовъ, а въ отношеніи Ломбардіи, рѣшилось даровать ей статутъ, не удовлетворившій никакимъ требованіямъ этой страны.

Если правительство и имѣло въ виду откладывать политическую организанію Венгріи и Ломбардіи, то съ другой стороны оно не отказывалось предоставить имъ уложенія на тѣхъ основаніяхъ, которыя были уже признаны имъ въ конституціи 4 марта. Во всѣхъ областяхъ Австріи, вновь устроенныхъ, равенство правъ не отмѣняло централизаціи и служило ей, такъ сказать, подспорьемъ въ ея дѣйствіяхъ. Равенство это вызвало не только новый законъ общинъ и судебнаго порядка, но служило также поводомъ къ новой организаціи поземельнаго налога и подати, которому не были подчинены дотолѣ владѣтели обширныхъ имѣній въ Венгріи. Пытались также провести это равенство и въ новыя мѣры, предпринятыя относительно народнаго образованія. Вопросъ о послѣднемъ былъ одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ, съ которымъ выступили отдѣльныя народности Австріи, въ совѣщательныхъ преніяхъ своихъ съ правительствомъ въ 1850 году. Желаніе Австріи было сохранить за нѣмецкимъ языкомъ первенство въ преподаваніи не только въ эрцгерцогствѣ и другихъ населенныхъ нѣмцами мѣстахъ имперіи, но также и въ тѣхъ провинціяхъ, которыя Австрія выдаетъ за онѣмечившіяся, какъ-то: Штирію, Карніолію, Каринтію, Истрію и до самаго Пресбурга. Этотъ конституціонный городъ Венгріи, сохранилъ тройственную свою физіогномію по тремъ элементамъ, въ немъ господствующимъ — мадярскому, славянскому и нѣмецкому. Но энергическій протестъ со стороны народностей заставилъ правительство уважить языкъ каждаго народа. Такимъ образомъ оно видѣло и ежегодно встрѣчало непреодолимыя затрудненія въ самыхъ элементахъ, изъ которыхъ состоитъ государство, и если идея централизаціи могла

даже дойти до того, чтобы подчинить австрійскіе народы однообразію политическихъ и гражданскихъ законовъ, еслибъ она и достигла цѣли ослабить силу провинцій новымъ ихъ раздробленіемъ, то все-таки была бы не въ состояніи пересилить ни народы, ни ихъ языки и должна была уступить ихъ племенной силѣ.

Не надобно упускать изъ виду то обстоятельство, что федерализмъ въ Австріи вовсе не заключаетъ въ себѣ революціонныхъ элементовъ. Федеративная система присуща самому составу имперіи, и ея идея не есть исключительная принадлежность ученыхъ и публицистовъ, постоянно развивавшихъ и развивающихъ ее со стороны сохраненія и развитія народностей, на своеобычныхъ началахъ ихъ частной и общественной жизни. Эта идея племеннаго равенства еще не давно играла крайне консервативную роль во время послѣдней австрійской революціи и въ началѣ этого переворота; если вспомнимъ, она постоянно была, въ лицѣ бана Іеллачича, главною защитницею имперіи. Іеллачичъ явился предводителемъ, верховнымъ вождемъ австрійскихъ славянъ. Извѣстно съ какою преданностію посвятилъ онъ себя императору и мѣстнымъ интерессамъ Кроаціи, куда онъ былъ назначенъ баномъ (въ мартѣ 1848). Стремленіе мадяръ растворить, если можно такъ выразиться, народность кроатскую въ венгерской, поставило бана Кроаціи въ печальную необходимость искать себѣ поддержку въ австрійскомъ правительствѣ, которое поспѣшило съ жадностію принять союзъ, предложенный ему предводителемъ храбрыхъ кроатовъ.

Мы упомянули, что мадяре имѣли могущественныхъ друзей не только въ аристократическихъ кругахъ, но и въ партіи либераловъ, и было время, когда перевѣсъ склонился на ихъ сторону, а банъ кроатскій едва не лишился своего высокаго поста. Іеллачичъ не устрашился приближавшейся грозы, и увѣренный въ своей необходимости относительно поддержки тайныхъ желаній вѣнскаго правительства, отказался покориться временнымъ требованіямъ министерства. Онъ предпринялъ спасти правительство собственными средствами. Этимъ можно объяснить начало и развитіе венгерской кампаніи, имѣвшей столько важныхъ послѣдствій для народовъ

австрійской имперіи, успѣвшей устранить также тѣ великія препятствія, которыя стояли камнемъ преткновенія на пути новой организаціи Австріи. Отсюда объясняется также и тотъ не предвидѣнный, неожиданный фактъ, когда славяне, въ минуту опасности, сплошною массою стали вокругъ престола Габсбурговъ, столько разъ попиравшаго въ прахъ ихъ права и немилосердно топтавшаго ихъ народность, вѣру и преданіе. Іеллачичъ успѣлъ привлечь на сторону императора не только южныхъ славянъ (иллирійцевъ), которыхъ былъ онъ верховнымъ вождемъ, но и славянъ Венгріи, Моравіи, Чехіи и даже отчасти Галиціи. Эти славяне видѣли въ немъ осуществленіе своихъ задушевныхъ мыслей и стремленій. Они были увѣрены, что кроатскій банъ содѣлается ихъ твердымъ ходатаемъ у высшаго правительства, защитникомъ ихъ народныхъ интересовъ, и ему-то Кроація и военная граница обязаны тѣми правами и преимуществами, которыя они получили на первыхъ порахъ.

Внутреннее устройство, которымъ Австрія была занята втеченіе трехъ лѣтъ (1848—1850), составляетъ любопытнѣйшую сторону ея исторіи. Но она не ограничилась однимъ этимъ устройствомъ, и обстоятельства, вызвавшія ее вмѣшаться, при содѣйствіи Россіи, въ дѣла Италіи и Германіи, снова дали ей возможность играть одну изъ первенствующихъ ролей въ европейской политикѣ. Въ Италіи, послѣ новарской битвы, несчастной для Піэмонта, мы видимъ какъ австрійскіе полки врываются въ Парму, Модену, Тоскану и папскія владѣнія. Въ 1848 году владычество Австріи, какъ извѣстно, пошатнулось было въ равнинахъ Ломбардіи, но въ послѣдующихъ двухъ годахъ она возвратила прежнее вліяніе и съ большей противу прежняго силой налегла на эту область. Втеченіе девяти послѣдующихъ затѣмъ лѣтъ, владычество ея непереставало тяготѣть надъ этой страной. Ей недоставало покоренія Рима, чтобы вполнѣ содѣлаться властительницею всей Италіи. Правда, что въ Италіи она сдѣлала папской власти большія уступки (въ апрѣлѣ 1850) уничтоженіемъ всѣхъ препятствій, мѣшавшихъ общенію австрійской католической церкви съ римскимъ престоломъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменитымъ впослѣдствіи конкордатомъ, о которомъ

ниже мы будемъ говорить подробнѣе; но тѣмъ не менѣе вліяніе ея на дѣла Рима было довольно значительно. Не менѣе смѣлымъ было и положеніе Австріи предъ германскимъ союзомъ. Устраненная на нѣкоторое время отъ дѣлъ союза франкфуртскимъ парламентомъ, Австрія снова выступила на сцену и приняла прежнее свое значеніе въ дѣлахъ Германіи. При общемъ содѣйствіи съ Пруссіей, она установляетъ временное правленіе — interim — викаріатъ имперіи, и въ то время, когда срокъ этого interim приходитъ къ концу, она является довольно сильною, чтобы возстановить франкфуртскій сеймъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не удивляться изворотливости и дипломатизму Австріи и тѣмъ успѣхамъ, которыя она въ одно и то-же время пріобрѣтала и въ Италіи и въ Германіи. Руководителемъ новой политики былъ Шварценбергъ, но онъ не ограничился этимъ, онъ хотѣлъ довести австрійское вмѣшательство до послѣднихъ предѣловъ; онъ хотѣлъ ввести въ германскій союзъ и скрѣпить съ его интересами всѣ народы, входящіе въ составъ австрійской имперіи, и этимъ путемъ достигнуть древняго имперскаго значенія, когда австрійскій императоръ былъ въ то-же время и нѣмецкимъ. Но державы, подписавшія вѣнскій трактатъ, воспротивились этому новому проявленію честолюбія Габсбурговъ. Послѣднее обстоятельство, въ мнѣніи вѣнскаго кабинета, было естественнымъ слѣдствіемъ централизаціи, внесенной въ правительственный организмъ имперіи конституціей 4-го марта. Не говоря уже, что введеніе австрійскихъ народовъ въ германскую конфедерацію, является въ высшей степени страннымъ и натянутымъ фактомъ, оно произвело бы въ самой Австріи переворотъ самый неожиданный. Это сближеніе разрушило бы надежды племенъ не-германскаго происхожденія, и, давши итальянскимъ народамъ новый предлогъ къ возстанію, возбудило бы мадяръ и славянъ къ сильнѣйшему, быть можетъ, вооруженному протесту. Австрійскіе славяне, только подъ условіемъ сохраненія своего языка и своей національности, могутъ желать сохраненія цѣлости самой имперіи. Въ противномъ случаѣ, — и это они отнюдь не скрывали, напротивъ того громко и печатано говорили, — если Австрія сдѣлаетъ покушеніе на ихъ народность, языкъ

и права, они обратятся за помощію къ Россіи, державѣ не чуждой имъ ни въ отношеніи языка, ни въ отношеніи племеннаго единства.

Кому не извѣстно вліяніе, какое пріобрѣла Россія на Дунаѣ во время венгерской войны? Извѣстна также защита, какую оказалъ русскій кабинетъ мадярамъ по случаю жестокихъ истязаній, понесенныхъ ими отъ австрійскаго правительства, употребившаго для этого орудіемъ фельдцейгмейстера Гайнау. Но съ того времени, когда Гёрги склонилъ Венгрію къ стопамъ русскаго царя, какъ это было выражено оффиціально, она болѣе не покушалась поднять свое оружіе противъ Австріи.

II.

Плоды новой политики не замедлили появиться. Въ 1850 году Австрія значительно наверстала уступки свои предшествовавшихъ двухъ лѣтъ и могла возгордиться своимъ скороспѣшнымъ возрожденіемъ. Уроки кардинала Караффы, примѣры Фердинанда II, Маріи-Терезіи, Леопольда, не пропадали для нея даромъ, и счастіе, слѣпое счастіе не менѣе прежняго содѣйствовало Габсбургамъ, принявшимъ надмѣнный девизъ — Austriae est imperare orbi Universo! Мы сейчасъ увидимъ примѣръ этому непонятно-слѣпому счастію. Австрійская имперія въ 1848 году неожиданно встрѣтилась лицомъ къ лицу съ такими опасностями, которыя привели бы ее на край погибели, если бы дѣйствія возставшихъ народностей были одновременны и совокупны. Опасности эти были: возмущеніе Италіи, возстаніе венгровъ и революціонное движеніе Германіи, поддерживаемое и направляемое кровнымъ врагомъ Австріи — Пруссіей. Избавившись, но не безъ значительныхъ пожертвованій, отъ первыхъ двухъ, вѣнскій кабинетъ со всею энергіей, приданной ему опасностями, обратился къ Пруссіи. Война дипломатовъ должна была уступить мѣсто кровопролитію. Нѣсколько выстрѣловъ раздалось было въ Фульдѣ, когда вдругъ князь Шварценбергъ

получилъ въ Ольмюцѣ изъ рукъ Мантейфеля капитуляцію Пруссіи и этотъ историческій моментъ можетъ почитаться торжествомъ австрійской политики со времени 1848 года.

Какимъ образомъ могла Австрія такъ неожиданно и съ такою смѣлостью вознестись надъ очевидными опасностями, ей угрожавшими? Какимъ образомъ положеніе ея, быстро поворотившее къ разъединенію, къ паденію имперіи, обратилось въ рукахъ ея государственныхъ людей въ рычагъ, которымъ они развернули новыя административныя и политическія силы въ этомъ государствѣ? Вѣрить ли тѣмъ, которые причину этого переворота видятъ въ томъ составѣ новаго министерства и государственныхъ людей, которые окружили юнаго императора, и будто разорвали всякую связь съ прежнимъ, съ исконнымъ преданіемъ политики Габсбурговъ? Десять лѣтъ правленія новаго императора, при новомъ порядкѣ вещей, даютъ возможность строго и безпристрастно обсудить его дѣйствія и вмѣстѣ съ тѣмъ сказать рѣшительное слово, что онъ далеко не оправдалъ надежды своихъ народовъ. Древняя Греція и Римъ.... но мы возмемъ примѣръ ближе, Россія, напримѣръ, совокупляя въ одно государственное цѣлое удѣльныя княжества, Малороссію, часть Польши, совокупляла вмѣстѣ съ тѣмъ элементы однородные, централизировала, такъ сказать, народы, связанные съ ней или вѣрою, или историческими преданіями, не говоря уже о племенномъ ихъ единствѣ и духовно-религіозномъ общеніи. Ни завоеванія, ни добровольное присоединеніе не могутъ оправдать суприматіи эрцгерцогства австрійскаго надъ разнородными племенами, насильственно стянутыми подъ его скипетръ. Развитіе этихъ племенъ въ частной и общественной ихъ жизни, чисто отрицательное, и звенья, соединяющія ихъ съ народомъ властелиномъ, съ каждымъ днемъ слабѣютъ, разрываются при малѣйшемъ потрясеніи.

Мы видѣли что Францъ-Іосифъ взошелъ на престолъ по случаю отреченія дяди его Фердинанда I и отказа эрцгерцога Франца-Карла, его отца. Когда юный императоръ принималъ въ 1848 году бразды правленія, ему было не болѣе восемнадцати лѣтъ, поэтому онъ не могъ обладать тѣмъ прямымъ и свѣтлымъ умомъ, который дается человѣку вре-

менемъ и главное опытностію. Почти одновременно съ нимъ возвысился и сталъ его сподручникомъ и руководителемъ человѣкъ, игравшій чрезвычайно важную роль въ Австріи въ годину внутреннихъ смутъ и внѣшнихъ не благопріятныхъ обстоятельствъ. Мы говоримъ о князѣ Шварценбергѣ. Велики были услуги, оказанныя имъ императорскому дому. Почти на своихъ плечахъ вынесъ онъ Австрію изъ опасности, и можно сказать, конечной погибели. Къ концу 1850 года ольмюцкій договоръ вознесъ его еще выше, давши ему возможность восторжествовать надъ политикой Пруссіи. Перевѣсъ надъ Австріей, къ которому стремилась эта держава, перевѣсъ въ германскомъ союзѣ, заставилъ габсбургскій домъ стремиться всѣми силами къ достиженію того-же. Еще въ мартѣ 1848 года, когда Фридрихъ-Вильгельмъ привѣтствовалъ революціонное движеніе словами: Preussen muss in Deutschland aufgehen, — Пруссія должна раствориться въ Германіи, — заставили Австрію повторить на дрезденскомъ конгресѣ то-же притязаніе, только въ свою пользу, а въ рѣчи, произнесенной княземъ Шварцбергомъ при открытіи конгреса (въ декабрѣ 1850 года), это желаніе Австріи ясно высказалось. Смыслъ рѣчи Шварценберга былъ тотъ, что имперія желаетъ и должна соединиться съ германскимъ союзомъ, съ тѣмъ, чтобы этотъ послѣдній подчинился исключительному ея вліянію.

Австрія въ своемъ составѣ распадается на двѣ различныя части. Первую изъ нихъ составляютъ области чисто германскаго населенія или уже значительно огерманизованныя. Вторая часть ея діаметрально противоположна первой въ ея народномъ составѣ. Къ первой относятся эрцгерцогство австрійское, Тироль, Форалбергъ, Иллирія, Штирія, Силезія, Моравія, Богемія; ко второй Ломбардо-Венеція, Венгрія, Трансильванія, Кроація и наконецъ Червонная Русь или Галиція. Ни одинъ народъ второй категоріи не принадлежитъ къ германскому племени, а въ первой не всѣ области населены чисто нѣмцами, потому что, какъ выше видѣли, Богемія, Моравія, Силезія, Иллирія и часть Штиріи, составляютъ отдѣльныя вѣтви одного славянскаго корня. Не смотря на это, области сіи, на которыя Австрія указываетъ,

какъ на наслѣдственныя коронѣ Габсбурговъ, были постоянно управляемы центральною властію, въ то время, когда области второй категоріи, имѣли, или вѣрнѣе, только для формы имѣли свои мѣстныя уложенія, свою независимую администрацію, и могли, подобно Венгріи, Трансильваніи и Кроаціи составить нѣчто въ родѣ государства въ государствѣ, въ которомъ императоръ сохранялъ себѣ только титулъ короля или князя. Разницу эту въ областяхъ Австріи мы привели для того, чтобы показать вмѣстѣ съ тѣмъ и разницу отношеній ихъ къ германскому союзу. Наслѣдственныя области австрійской короны, не смотря на преобладаніе въ нихъ славянскаго элемента, однѣ только и были членами германскаго союза, между тѣмъ какъ остальныя не входили въ его составъ.

Рядомъ съ Пруссіей, противоборствовавшей вліянію Австріи въ германскомъ союзѣ, явилась другая держава, бывшая нѣкогда ея союзницей, но обратившая теперь противъ нея орудіе своей политики. Держава эта Англія, которая неограничилась однимъ косвеннымъ вмѣшательствомъ въ дѣла вѣнскаго кабинета касательно его видовъ на Италію и Германію, но перенесла въ самое сердце имперіи дипломатическую борьбу, съ жаромъ принявъ на себя вмѣшательство въ венгерскомъ вопросѣ. Мадяре, не смотря на географическое пространство, раздѣляющее ихъ отъ Англіи, постоянно смотрѣли на эту послѣднюю, какъ на державу, болѣе другихъ сочувствующую ихъ положенію. Эта симпатія мадяръ къ Англіи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Начиная съ первыхъ годовъ настоящаго столѣтія, исторія Великобританіи была постояннымъ идеаломъ для государственныхъ людей Венгріи и ея публицистовъ. Есть разительное сближеніе даже между характерами конституцій этихъ двухъ народовъ. Не меньшее сближеніе представляется и въ судьбѣ племенъ находящихся подъ владычествомъ Англіи и живущихъ въ предѣлахъ Венгріи. Такъ напримѣръ, славянское населеніе Кроаціи можетъ безъ большой натяжки быть сравнено съ Шотландіей, а трансильванскіе румыны, покрытые рубищемъ не напоминаютъ ли Ирландію съ ея нищенскимъ населеніемъ? Неоднократно и сами мадяре вы-

сказывали это сближеніе, лаская себя надеждою возбудить этимъ путемъ сочувствіе къ себѣ свободной націи. Нѣтъ, впрочемъ, никакого сомнѣнія, что англійское правительство, вмѣшиваясь въ дѣла Венгріи, имѣло въ виду совершенно другую цѣль, нежели романическую симпатію между-народнаго соотношенія. Извѣстно, что политика Англіи чужда не только сентиментальности, но и всякой гуманности; однакожъ независимо отъ этого, политическія страсти не совсѣмъ чужды и Англіи. Венгерское возстаніе нигдѣ не было принято съ такимъ привѣтомъ, какъ въ Англіи, и политика ея видѣла въ этомъ возстаніи отпоръ тому славянскому движенію, которое, начавшись въ Австріи, могло бы обнять собою весь славянскій міръ юго-востока, что, въ глазахъ Англіи, могло бы нарушить равновѣсіе Европы. Опасенія Англіи пошли далѣе: она видѣла уже, что Россія, какъ держава единоплеменная южнымъ и западнымъ славянамъ, ставъ въ главѣ этого движенія, начнетъ оспаривать у ней владычество на моряхъ, но опасенія эти были напрасны и вскорѣ она сама увидѣла свою ошибку. Нужно сказать, что Англія, привѣтствуя, какъ мы отозвались выше, возстаніе мадяръ, думала обратить ихъ въ орудіе противъ славянъ Австріи, чтобъ остановить развитіе панславизма, принимавшаго, но только въ ея воображеніи, небывалые размѣры. Вскорѣ однакожъ, она увидѣла, что возстаніе мадяръ не имѣло особенныхъ между-народныхъ послѣдствій, напротивъ, вызвало вмѣшательство Россіи, предъ полками которой мадяре принуждены были сложить свое оружіе. Не смотря на этотъ урокъ, Англія не переставала оказывать особенное покровительство мадярской эмиграціи, и не обратила никакого вниманія на протестъ Австріи въ Константинополѣ (въ іюлѣ и августѣ 1851 года), когда эта держава изъявила ей свое неудовольствіе, по случаю торжественнаго пріема, оказаннаго въ Лондонѣ Кошуту.

Касательно Венгріи слѣдовало разрѣшить другой вопросъ, относившійся къ примѣненію въ этой странѣ конституціи 4-го марта. Мадяре не могли не замѣтить, что въ пресловутомъ равенствѣ правъ, предоставленномъ народностямъ новымъ австрійскимъ министерствомъ, заключался зародышъ новыхъ

раздоровъ. Болѣе всего не нравился имъ парламентскій духъ новой хартіи. Они обращались къ императору съ просьбой возвратить имъ прежнюю ихъ конституцію, двинули впередъ всѣхъ публицистовъ Венгріи, чтобы только скорѣй избавиться отъ новаго уложенія, навязаннаго имъ вѣнскимъ кабинетомъ. Жалобы славянъ были умѣреннѣе. При новомъ порядкѣ племена эти не рисковали, подобно мадярамъ, потерять свое политическое значеніе. Австрійскіе славяне, равняющіеся своею массою почти половинѣ прочаго населенія имперіи, и явившись главною опорою центральной власти, могли всегда имѣть перевѣсъ предъ партіей мадяръ; но не смотря на это, недовѣріе, которое и они оказывали къ конституціи 4-го марта, проистекало изъ того индивидуализма, который ясно отдѣлялъ чеха отъ иллирійца и поляка отъ русина. По смыслу этой конституціи, различіе языковъ и преданія, было сильнѣе племеннаго свойства славянъ, которое, не смотря на усилія нѣкоторыхъ писателей, доказывавшихъ необходимость федеративнаго сближенія, ясно разъединялось въ новомъ уложеніи. Не менѣе важенъ былъ этотъ конституціонный вопросъ и въ Ломбардо-Венеціи. Области эти, казались, однакожъ равнодушными ко всему, что происходило въ Вѣнѣ и въ прочихъ провинціяхъ имперіи. Онѣ, повидимому, рѣшились не имѣть никакихъ связей, никакихъ сношеній ни съ нѣмцами, ни съ славянами, мадярами и румынами. Примѣръ этой апатіи явно высказался въ 1848 и 1849 годахъ. Они даже пренебрегли случаемъ во время венгерскаго возстанія, и казалось едва ли имъ были извѣстны, какіе кромѣ ихъ народы обитаютъ подъ властію одной и той же державы. Революціонная дѣятельность сѣверной Италіи, отдѣленная отъ мадярскаго населенія, отъ поляковъ и румыновъ, племенемъ иллирійскихъ славянъ, не подумала преступать этой живой грани для открытія себѣ союзниковъ, стремившихся къ одной съ ними цѣли. Это отчужденіе Ломбардо Венеціи отъ прочихъ частей австрійской имперіи простиралось и на новую конституцію. Не смотря на то, что итальянскія области не выразили объ ней своего мнѣнія, видно было однакожъ, что и для нихъ конституція 4-го марта не была находкой.

Оказалось, что новая организація имперіи была явленіемъ не только несвоевременнымъ, но и чуждымъ духу народностей Австріи. Вотъ почему примѣненіе ея сдѣлалось невозможнымъ. Само правительство не могло убѣдиться въ этомъ, принявъ во вниманіе поспѣшность, съ какою была составлена эта конституція или проектъ ея въ 1849 году. Дѣйствительно, въ виду угрожавшихъ опасностей, государственнымъ людямъ Австріи, и въ главѣ ихъ, князю Шварценбергу было нѣкогда изучить мѣстныя потребности каждой области имперіи, чтобы тѣмъ вѣрнѣе положить прочное начало новой ихъ организаціи. Самая же конституція 4-го марта есть ничто иное, какъ общія мѣста изъ конституціонныхъ учрежденій другихъ европейскихъ державъ. Вмѣстѣ съ возстановленіемъ общаго спокойствія и установленіемъ порядка, увидѣли ясно невозможность привести въ дѣйствіе новый уставъ, котораго насильственное примѣненіе могло бы возбудить только что устраненные безпорядки. При этихъ обстоятельствахъ Францъ-Іосифъ счелъ наилучшимъ уничтожить, вмѣстѣ съ неудобствомъ новой организаціи государства и самую идею конституціоннаго правленія. Революціонное броженіе было остановлено, чтожъ легче, какъ не возвратиться снова къ абсолютному правленію? Этой мысли былъ также и Несторъ австрійской политики, князь Меттернихъ. Изгнанный въ 1848 году революціей, онъ нашелъ сначала убѣжище въ Англіи, и затѣмъ, возвратившись послѣ усмиренія Германіи въ свое прирейнское имѣніе Іоганнисбергъ, былъ оффиціально вызванъ оттуда въ Вѣну собственноручнымъ письмомъ императора. Князь Меттернихъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не такъ строго судили политическія перемѣны новѣйшаго времени. Ему были близко извѣстны всѣ недостатки старой администраціи отжившаго австрійскаго общества. Онъ по собственному опыту зналъ, какъ трудно было приступать къ преобразованіямъ въ Австріи, въ-особенности въ такое время, какъ въ эпоху переворота 1848 года. Однимъ словомъ, ему легко было понять всю выгоду положенія, какъ государства, такъ и верховной его власти, какую могли они извлечь изъ предстоявшаго обновленія административной и соціальной части австрійской имперіи.

Возвращая въ Вѣну стараго министра, изгнаннаго торжествующей революціей, императоръ хотѣлъ, въ видѣ моральнаго вознагражденія, воспользоваться его совѣтами и опытностію, и съ этой собственно минуты началась реакція въ области австрійской политики.

Эта новая перемѣна была принята областями съ какимъ-то недовѣріемъ. Ясно видѣли, что избѣгнувъ централизаціи, находящейся въ основаніи конституціи 4-го марта, народы Австріи должны были снова подчиниться безусловной власти. Одни мадяре, опасавшіеся, какъ видѣли выше, конституціи 1849 года, обрадовались этой перемѣнѣ. Они надѣялись видѣть у себя возстановленіе прежнихъ законовъ, а отмѣненіе военной администраціи и назначеніе къ нимъ въ правители эрцгерцога Алберта, утвердили ихъ въ этой мысли. Ни одна изъ австрійскихъ провинцій не удостоилась тогда имѣть правителемъ члена императорской фамиліи. Хотя принцъ Албертъ и не былъ облеченъ въ званіе вице-короля Венгріи, придававшее этой странѣ почти полунезависимое значеніе, тѣмъ не менѣе однакожъ его личное достоинство было въ глазахъ венгровъ особеннымъ знакомъ отличія и благоволенія. Они видѣли въ этомъ назначеніи шагъ впередъ, приблизившій ихъ къ утраченнымъ льготамъ и вольностямъ. Пріѣздъ новаго правителя въ Венгрію былъ отпразднованъ съ большею торжественностію, какъ событіе народное, долженствовавшее пробудить довѣріе всего народа. Гордость мадяръ, не образумленная недавнимъ урокомъ, уже рисовала въ ихъ воображеніи не только возстановленіе прежней конституціи страны, но и присоединеніе къ ней Кроаціи съ Славоніей, даже Воеводины и Трансильваніи.

Видя, что система централизаціи, замышленная правительствомъ въ 1849 году была оставлена, славянское и румынское населеніе Австріи было обрадовано не менѣе венгерскаго. Но въ свою очередь, славяне и румыны не могли равнодушно смотрѣть на стремленіе венгровъ возвратиться къ своимъ прежнимъ привиллегіямъ, потому что въ такомъ случаѣ славяне и румыны снова были бы унижены передъ мадярами, какъ это было до 1848 года. Поддерживая съ одной стороны надежды мадяръ, правительство сплилось съ

другой успокоить также славянъ и румыновъ, которымъ неоднократно изъявляло искреннее свое желаніе строго соблюдать начало племеннаго равенства, какъ въ отношеніи ихъ къ верховной власти, такъ и въ отношеніи гражданской ихъ свободы. Рѣшившись окончательно отмѣнить конституцію 4-го марта, оно, казалось, болѣе, нежели когда-либо настаивало на исполненіе своихъ либеральныхъ направленій; по крайней мѣрѣ, начала, обнародованныя въ видѣ общей программы новаго уложенія, не посягали на произвольное раздѣленіе территоріи и на взаимныя отношенія племенъ имперіи. На этомъ основаніи былъ обнародованъ въ концѣ декабря 1851 года декретъ, котораго главными положеніями были — равенство всѣхъ подданныхъ передъ закономъ, отмѣненіе барщины и десятины, взамѣнъ которыхъ устанавливалась законная плата. Далѣе было сказано: «чтобы положить начало «учрежденіямъ, могущимъ удовлетворить нуждамъ нашихъ «народовъ и обезпечить благосостояніе всѣхъ сословій об«щества, для этого будутъ призваны въ помощь опытность, «а глубокое изученіе всѣхъ обстоятельствъ въ частной и «общественной жизни племенъ, будетъ основой новыхъ ор«ганическихъ законовъ имперіи.» Одновременно съ этимъ постановленіемъ было обнародовано и другое, относительно гарантій различныхъ вѣроисповѣданій.

Что же касается взаимно-враждебныхъ отношеній племенъ Австріи, правительство умѣло поставить себя такъ, что племена эти, преимущественно славяне и румыны, смотрѣли на него съ возрастающею надеждой. Не смотря на это, одни мадяре оставались въ постоянномъ волненіи относительно племеннаго вопроса. Они не только держались постоянной мысли преобладанія надъ словаками, но стремились также къ подчиненію себѣ и сербской Воеводины и трансильванскихъ румыновъ. Мысль этого преобладанія такъ сильно вкоренилась въ природу мадяра, что даже самъ Кошутъ, выходя иногда изъ границъ либерализма и становясь демагогомъ, болѣе другихъ проповѣдывалъ въ высшей степени несправедливое и противоисторическое преобладаніе мадяръ надъ племенемъ румыно-славянскимъ. Онъ самъ сознается, что если бы новый переворотъ вызвалъ его снова

къ дѣятельности и власти, то первой непремѣнной заботой его было бы поднять мадярскій элементъ націи и возвести его на степень владычества и побѣды надъ другими племенами. Мысль эту Кошутъ высказалъ уже въ изгнаніи, въ небольшой брошюрѣ, изданной имъ въ Лондонѣ въ ноябрѣ 1851 года, подъ заглавіемъ *Начала будущей организаціи Венгріи.* Мысль эта проглядываетъ также и въ новѣйшемъ его сочиненіи о *вопросѣ національностей* (Question des nationalités. L'Europe, l'Autriche et la Hongrie. Bruxelles 1859), гдѣ онъ, подъ видомъ примиренія, вопреки исторіи прочитъ Венгріи безусловное преобладаніе надъ славяно-румынскимъ племенемъ. Натянутыя притязанія мадяръ въ отношеніи этихъ племенъ прослѣжены у Кошута со всѣмъ упорствомъ слѣпаго фанатизма. Въ своихъ доказательствахъ онъ болѣе всего опирается на разграниченіе территорій, занимаемыхъ этими племенами, забывая, что это-то самое разграниченіе и есть причина ихъ постоянныхъ распрей.

Паденіе Венгріи ясно показало настоящее положеніе Австріи. До революціи 1848 года, государство это представляло собою какой-то хаосъ побѣдителей и побѣжденныхъ, постоянно ослаблявшихъ другъ друга въ ихъ политическихъ и гражданскихъ столкновеніяхъ. Чтобъ установить между ими единство, порядокъ и свободу, слѣдовало разбить ту тѣсную и старую раму, въ которую исторія заключила семь различныхъ народностей. Ни одна изъ этихъ народностей не осталась въ положительномъ выигрышѣ, а Венгрія болѣе другихъ утратила свою самобытность. Припомнимъ здѣсь, что иллирійское населеніе Кроаціи и Славоніи возмутилось для того, чтобы утвердить у себя мѣстную независимость и успѣло освободить себя отъ невыносимаго господства Венгріи. Банатскіе сербы, бывшіе дотолѣ въ зависимости отъ венгерской администраціи, воспользовались случаемъ отдѣлиться и составить отдѣльную область подъ именемъ Воеводины. Наконецъ различныя племена Трансильваніи, которыя революціонное правительство рѣшило въ 1848 году насильственно присоединить къ Венгріи, въ свою очередь были обезпечены въ своей независимости, еще до марта 1849 года, организаціей, которая, не смотря на многіе недостатки,

утвердила за ними нѣкотораго рода независимость. Неукротимость и заносчивость мадяръ послужила имъ же во вредъ Территорія ихъ власти откинута была на востокъ къ Карпатамъ и Трансильваніи, на югъ къ Дравѣ, на западъ къ Штиріи, эрцгерцогству австрійскому и Моравіи, и наконецъ на сѣверъ къ границамъ Галиціи. Если бы въ предѣлахъ этой новой Венгріи населеніе было чисто мадярское, то племенной споръ ихъ съ румынами и славянами незамедлилъ бы прекратиться. Къ несчастію, разграниченіе это неудовлетворяло ни ту, ни другую сторону. Въ пограничныхъ мѣстахъ юго-востока Трансильваніи, въ сосѣдствѣ седмиградскихъ саксовъ, какъ разъ въ срединѣ населенія румыновъ австрійскихъ и румыновъ Валахіи, живутъ общины секлеровъ, которыя сохранили въ себѣ болѣе мадярской самобытности, нежели остальное населеніе венгровъ. Общины эти, вмѣстившись въ карпатскихъ кручахъ и дебряхъ, выдаютъ себя за прямыхъ потомковъ Аттилы и его сподвижниковъ. Съ этой мыслію у нихъ связаны въ высшей степени воинственныя преданія, и во время возстанія 1849 года, храбрость ихъ и приверженность къ мадярскому движенію, оправдали въ глазахъ ихъ родичей громкое происхожденіе отъ воинственныхъ завоевателей. Нѣтъ никакой возможности присоединить клочекъ земли, ими занимаемой, къ остальной Венгріи. Географическая связь для нихъ не существуетъ, потому что они отдѣлены отъ главнаго населенія мадяръ обширнымъ пространствомъ долинъ и лѣсистыхъ горъ. Эта разъединенность ставитъ мадяръ въ необходимость, въ случаѣ народнаго движенія, терять всякое содѣйствіе со стороны секлеровъ, которые, уединившись среди враждебныхъ имъ румыновъ, чувствуютъ себя связанными во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Съ другой стороны, мадяре имѣютъ большое преимущество передъ славянами, изъ которыхъ часть, почти въ два слишкомъ милліона, именно словаки, находится въ самой Венгріи. Южные славяне, въ-особенности тѣ, которые обитаютъ въ Славоніи и Кроаціи, географически совершенно отдѣлены отъ мадяръ рѣкою Дравой, вливающей свои воды въ Дунай. Населеніе обоихъ береговъ этой рѣки совершенно различно другъ отъ друга. Правый берегъ ея обитаемъ мадярскимъ племе-

немъ, лѣвый — славянскимъ. Если мысленно провести линію между сербами и венграми вплоть до сербскихъ населеній въ южной Венгріи, то въ такомъ случаѣ этнографу представились бы новыя затрудненія. Тамъ, гдѣ соприкасаются населенія обоихъ племенъ, нѣтъ никакихъ природныхъ границъ, которыя положительно могли бы опредѣлить, до какого именно пункта та или другая народность въ правѣ простирать свои территоріальныя притязанія. Еще затруднительнѣе провести границу между племенемъ румынскимъ и мадярскимъ, т. е., между Трансильваніей и Венгріей. Извѣстно, что первоначальною гранью этихъ племенъ была рѣка Тисса, но извѣстно также, что по сю сторону этой рѣки образованы были впослѣдствіи нѣсколько венгерскихъ комитатовъ, куда издавна переселялись мадяре изъ-за Тиссы. Дебрецинъ, напримѣръ, мадярскій городъ и центръ инсуррекціоннаго правительства во время венгерскаго возстанія, расположенъ въ нѣсколькихъ верстахъ на востокъ отъ Тиссы, а румынское населеніе начинаетъ появляться у Гроссварадина, не вдалекѣ отъ Дебрецина.

Если представляется столько затрудненій къ обозначенію границъ между племенемъ румынскимъ и мадярскимъ, то почти невозможно провести границъ между этими послѣдними и населеніями словаковъ, не задѣвая въ тоже время выгодъ одной или другой стороны. Страна, обитаемая словаками заключается въ томъ обширномъ пространствѣ лѣсовъ, горъ и тѣхъ плодоносныхъ угорій, которыя тянутся въ сосѣдствѣ эрцгерцогства австрійскаго, вдоль Моравіи и Галиціи, до самой Трансильваніи. Пространство это, дикое и дебристое съ виду, но богатое и плодоносное, заключающее въ себѣ золотыя руды въ Кремницѣ и Хемницѣ, дающее лучшее вино, царь-вино, какъ называютъ мадяре знаменитое токайское, — обитаемо племенемъ славянъ чешской вѣтви, перемежающимся населеніемъ мадярскимъ. Здѣсь высшее дворянство состоитъ изъ мадяръ, поселяне же всѣ словаки. Какимъ же образомъ провести между этими двумя племенами границу? Большинство земель остается за словаками, такъ что въ случаѣ племеннаго разграниченія, мадярское дворянство лишится всей или почти всей поземельной собствен-

ности. Австрійское правительство не рѣшалось прибѣгнуть къ подобной мѣрѣ, и словаки не могли простить ему эту уступчивость въ отношеніи мадяръ. Извѣстно, что славяне и румыны охотно предложили вѣнскому кабинету свое содѣйствіе къ уничтоженію въ самомъ началѣ вспыхнувшаго возстанія мадяризма, вслѣдствіе чего вѣнское правительство не могло не признать за ними законности ихъ общественныхъ интерессовъ. Оно не замедлило внести различныя преобразованія въ ихъ гражданской жизни, въ устройствѣ судовъ, однимъ словомъ во всей мѣстной администраціи и въ особенности тамъ, гдѣ еще во всей силѣ дѣйствовала старая анархія феодализма, не только въ Венгріи, но и въ Трансильваніи, и въ землѣ Кроатовъ. Въ эти три года, съ 1848 по 1850 годъ, Австрія пережила, можно сказать, политическій и общественный переворотъ, подготовленный въ ея нѣдрахъ вѣками. Но этотъ переворотъ заключалъ въ себѣ зародышъ другихъ волненій, гораздо болѣе живучихъ, которыя ждутъ еще разрѣшенія своего въ будущемъ, это вопросъ о народностяхъ, неразрывно связанный съ разграниченіемъ отдѣльныхъ областей Австріи. Нѣкоторыя государства, какъ напримѣръ Франція, Россія, замѣняя областной раздѣлъ государства раздѣломъ по провинціямъ, или губерніямъ, имѣли преимущественно въ виду сгладить мѣстныя, индивидуальныя преданія отдѣльныхъ населеній и слить послѣднія въ одну массу, въ одно ядро государственнаго населенія. Совершенно противное явленіе представляетъ австрійская имперія: здѣсь различныя народности стремятся къ образованію отдѣльныхъ областей съ мѣстными, другъ отъ друга независимыми, учрежденіями. Такимъ образомъ, по предложенію Палацкаго, эрцгерцогство австрійское съ Тиролемъ и Зальцбургомъ составило бы одну нѣмецкую область; Ломбардо-Венеція вторую; Карніолія, Каринтія, Штирія вмѣстѣ съ Истріей, Кроаціей, Славоніей и Воеводиной третью; Буковина, присоединенная къ Трансильваніи — четвертую; Венгрія — пятую; Словаки вмѣстѣ съ Моравами и Чехами — шестую, и наконецъ Силезія съ Галиціей составили бы седьмую область возрожденной Австріи. Правительство испугалось этого новаго движенія. Вопросъ о народно-

стяхъ засталъ его въ-расплохъ, но и тутъ вѣнскій кабинетъ только на время извернулся тѣмъ, что, какъ показали мы выше, безконечнымъ провинціальнымъ раздробленіемъ онъ думалъ остановить идею развитія національностей.

III.

Положеніе австрійской имперіи, значительно измѣнилось со времени венгерской революціи. Едва только успѣло правительство восторжествовать надъ венгерскимъ движеніемъ, съ неожиданной смѣлостью принялось, какъ мы видѣли, за новую систему правленія. Волненія, которыя австрійское правительство вынуждено было подавить оружіемъ, не были возбуждены возстаніемъ всенароднымъ, какъ это часто представляетъ намъ исторія разныхъ народовъ, слѣдовательно, они не имѣли характера демократическаго. Напротивъ, въ Венгріи, въ Галиціи, въ Ломбардіи во главѣ возстанія мы видимъ высшее дворянство, аристократію, связующую свои выгоды съ интересами народа. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ характеръ возстанія былъ совершенно иной. Такъ, напримѣръ, на кремсіерскомъ сеймѣ польскіе крестьяне взяли сторону правительства и явились твердыми защитниками консервативныхъ идей. Эта небольшая партія правительственныхъ приверженцевъ постоянно подавала голосъ въ пользу вѣнскаго кабинета. Однимъ словомъ, возстаніе не вездѣ имѣло одинъ и тотъ же характеръ. Высшее дворянство, явившись въ одной области консервативнымъ, въ другой было чисто революціоннымъ, а народъ бывшій часто послушнымъ орудіемъ возстанія, явился въ Австріи главною опорой верховной власти.

Правительство поняло это положеніе и въ усиліяхъ своихъ, которыя оно употребляло для возстановленія порядка, ни на минуту не упускало его изъ виду. Оно видѣло свою выгоду, сознавало даже своимъ долгомъ улучшеніе низшихъ классовъ народа, и предприняло новое преобразованіе государства въ широкихъ размѣрахъ. Но въ то время, когда

оно привело къ концу преобразованія въ области гражданской жизни, оно весьма ловко нанесло ударъ началамъ, которыя были для многихъ важнѣе и дороже всякаго гражданскаго равенства, а именно началамъ областной свободы и народности. Аристократія была представительницею той административной независимости провинцій, на которую народы, обитающіе въ Австріи, смотрятъ какъ на свою естественную защиту и охраненіе, т. е., на тѣ мѣстныя, областныя права, историческія конституціи, которыя были главной причиной венгерскаго возстанія. Австрійское правительство поспѣшило воспользоваться своимъ преимуществомъ, бывшимъ слѣдствіемъ двухъ пораженій, нанесенныхъ имъ въ одно и то-же время итальянцамъ и венгерцамъ, чтобъ внести въ административную дѣятельность духъ равенства и централизаціи, частію уже внесенный въ сферу гражданскаго вѣдомства. Высшему же дворянству предоставлены были права, не противорѣчившія духу централизаціи. Изъ этого произошло то, что если Австрія при новыхъ государственныхъ мѣрахъ и представляетъ болѣе элементовъ равенства, нежели сколько было ихъ до 1848 года, за то государство лишено всякой политической свободы. Такъ, напримѣръ, провинціальные сеймы верхней и нижней Австріи, Чехіи, Штиріи и Тироля болѣе не существуютъ. Нѣтъ болѣе съѣздовъ въ Кроаціи и Трансильваніи. Нѣтъ болѣе венгерской конституціи. Эти народныя собранія должны были замѣниться вновь учрежденными комитетами; но они не могли имѣть никакого значенія въ судьбѣ народа. Ясно, что правительство взяло вездѣ верхъ, сдѣлалось снова безусловнымъ властелиномъ и продолжало управлять по своему.

Мы видѣли, что представителемъ духа централизаціи былъ князь Шварценбергъ, который съ самого начала новаго царствованія и въ-особенности со времени паденія Венгріи, не переставалъ направлять къ этой цѣли всѣ силы австрійской администраціи. Но Шварценбергъ приближался къ концу своей жизни. Истощенный неутомимой и безпрерывной дѣятельностію, онъ не безъ самодовольствія видѣлъ приближающуюся смерть свою, потому что самообольщеніе этого государственнаго мужа было такъ велико, что только при его содѣй-

ствіи, такъ по крайней мѣрѣ онъ думалъ, Австрія могла спасти себя среди ужасныхъ бурь, которыя потрясли ее въ самомъ основаніи. Князь Феликсъ Шварценбергъ принадлежалъ къ древнѣйшей чешской фамиліи Черногора, издавна онѣмеченной въ Шварценберговъ и тѣсно связанной съ судьбой австрійскаго эрцгерцогства. Онъ былъ сыномъ Шварценберга, бывшаго въ Парижѣ посланникомъ во время женитьбы Наполеона I съ Маріею-Луизой *). Съ молодыхъ лѣтъ Феликсъ Шварценбергъ посвятилъ себя дипломатической службѣ, и первые шаги его на этомъ поприщѣ не предвѣщали ничего, кромѣ горячности и заносчивости въ характерѣ, отличавшихъ его и впослѣдствіи. Только съ 1848 года высказался въ немъ весь изворотливый дипломатизмъ, характеризующій австрійскую политику. Вынужденный оставить свое мѣсто посланника въ Неаполѣ, вслѣдствіе оскорбленій, нанесенныхъ ему со стороны народа, онъ поспѣшилъ укрыться тамъ, гдѣ сосредоточена была тогда настоящая Австрія, т. е., въ арміи Радецкаго. Имѣя чинъ генерала, хотя онъ никогда не былъ дотолѣ въ дѣйствующей арміи и военной службѣ, Шварценбергъ нашелся въ необходимости пересилить всякое предубѣжденіе и показать на дѣлѣ, что онъ достоинъ званія, которое пришлось ему принять въ арміи стараго фельдмаршала. Посланный Радецкимъ въ Инспрукъ, чтобы ободрить императорскую фамилію, находившуюся здѣсь въ изгнаніи, онъ успѣлъ обратить на себя особенное вниманіе императора и эрцгерцоговъ, такъ что послѣ октябрскаго переворота, когда положено было ввести новое преобразованіе въ имперіи, трудное это дѣло было поручено князю Шварценбергу. Вотъ путь, по которому шелъ онъ и достигъ высшаго поста въ государствѣ. Изъ предъидущаго мы видѣли какимъ образомъ исполнилъ онъ возложенную на него обязанность преобразованія австрійской имперіи, а далѣе увидимъ и плоды, принесенные этимъ преобразованіемъ. Смерть его была почти мгновенна. Въ началѣ апрѣля 1852 года, приготовляясь однажды отправиться на

---

1) Во время бала, бывшаго по этому случаю въ домѣ австрійскаго посольства, случился пожаръ, въ которомъ погибла мать Ф. Шварценберга.

обѣдъ къ своему брату, онъ вдругъ упалъ безъ чувствъ въ своей уборной. Усилія докторовъ оказались безполезными; чрезъ полчаса его не стало. Когда императоръ поспѣшилъ, чтобы сказать нѣсколько успокоительныхъ словъ своему министру, то нашелъ одинъ бездушный трупъ. Францъ-Іосифъ былъ сильно опечаленъ смертію министра, который такъ энергически пережилъ переворотъ, отличившій первые два года его царствованія. Въ рескриптѣ своемъ къ Адольфу Шварценбергу, брату покойнаго, онъ выразилъ публично, какъ чувствительна была для него эта потеря.

Вопросъ о томъ, кто долженствовалъ занять мѣсто перваго министра, сильно занималъ умы всего государства, втеченіе первыхъ дней, до новаго назначенія. Носились слухи, что императоръ, не надѣясь найти человѣка, который въ состояніи былъ бы сосредоточить въ одномъ себѣ столь обширную власть, хотѣлъ раздѣлить ее и поручить одну часть барону Кюбеку, предсѣдателю государственнаго совѣта, другую же графу Рехбергу, бывшему въ то время интерпунціемъ въ Константинополѣ, или графу Буолю-Шауенштейну, посланнику въ Лондонѣ. Слухи эти оправдались, но только отчасти: министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ графъ Буоль. Что же касается предсѣдательства въ совѣтѣ министерства, то должность эта была упразднена. Взамѣнъ этого императоръ объявилъ, что всѣ государственные дѣла будутъ обсуживаемы коллегіально подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, а въ случаѣ его отсутствія, мѣсто его долженствовалъ занимать министръ внутреннихъ дѣлъ, Бахъ, какъ старшій членъ кабинета. Очевидно было, что принявъ такое рѣшеніе, императоръ хотѣлъ устранить то неограниченное вліяніе на дѣла, какое было связано съ властію умершаго министра. Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ сосредоточить въ своей особѣ всю безусловную власть въ государствѣ. Что же касается личной обстановки г. Баха, то мы должны сказать, что мѣра, принятая императоромъ, имѣла также свое особенное значеніе. Этотъ министръ, имѣя множество враговъ, только одной дружбѣ князя Шварценберга былъ обязанъ своимъ присутствіемъ въ министерствѣ. Думали, что со смертію его покровителя, Бахъ въ свою очередь лишится

занимаемаго имъ мѣста, а между тѣмъ вмѣсто немилости со стороны императора, онъ вдругъ получилъ въ помянутомъ назначеніи новый знакъ его высокаго довѣрія. Это обстоятельство ясно показало, что система его предшественника ничуть не будетъ оставлена. И дѣйствительно, съ первыхъ же дней Бахъ показалъ, что онъ твердо рѣшился идти по стопамъ князя Шварценберга. Касательно внутренней политики, Бахъ, подобно Шварценбергу, стремился къ централизаціи. Въ дѣлахъ внѣшнихъ сношеній, графъ Буоль, находясь посломъ въ Лондонѣ, ни въ чемъ не противорѣчилъ старому князю. Вскорѣ оба эти министра дѣйствуя, рука объ руку, показали, что остаются вѣрными мысли своего предшественника. Въ началѣ 1852 года введены были двѣ административныя мѣры, явно клонившіяся къ усиленію единства и централизаціи. Это были примѣненіе уголовнаго уложенія во всѣхъ областяхъ имперіи и законъ о книгопечатаніи.

Кодексъ австрійскихъ уголовныхъ законовъ былъ первоначально введенъ въ 1803 году. Второе его изданіе, пересмотрѣнное и исправленное, появилось подъ вліяніемъ идей, внесенныхъ въ гражданское законодательство со времени 1848 года. Декретомъ же 29 мая 1852 г. постановлялось, что новое уголовное уложеніе имѣетъ войдти въ силу во всѣхъ областяхъ имперіи съ 1 сентября того же года. Уложеніе 1803 года было примѣнено только къ эрцгерцогству австрійскому, въ Чехіи и Италіи. Что же касается новаго уложенія, то оно долженствовало войдти въ силу въ Венгріи, Кроаціи, Трансильваніи и въ Воеводинѣ.

Въ одно и то-же время былъ изданъ и законъ о книгопечатаніи. Правительство не возстановляя цензуру, тѣмъ не менѣе ввело предупредительную мѣру относительно газетъ и другихъ сочиненій. Эта мѣра заключалась въ предварительномъ представленіи изданій въ особую коммиссію, за часъ времени до ихъ появленія, не выпуская ихъ изъ типографіи, такъ что въ случаѣ запрещенія, все изданіе могло быть конфисковано въ одну минуту.

Важнѣйшая часть государственнаго благоустройства, на которую было обращено болѣе всего вниманіе новаго австрійскаго правительства, это была часть финансовая. Со

времени волненій 1848 и 1849 годовъ она ослабла до того, что требовала самыхъ дѣятельныхъ мѣръ и радикальныхъ преобразованій, чтобы поправить ошибки и возстановить нормальный бюджетъ государственныхъ доходовъ и расходовъ. Министръ финансовъ, Баумгартенъ, желалъ рѣшительнымъ переворотомъ выйдти изъ этого кризиса, и намѣревался представить финансовымъ людямъ и капиталистамъ настоящее положеніе дѣлъ, не скрывая отъ нихъ всѣхъ недостатковъ и жалкаго положенія финансовъ; вслѣдствіе чего въ *Вѣнской Газетѣ* явилась статья, хотя и безъ подписи автора, но единогласно приписываемая самому министру. Въ статьѣ этой финансовый кризисъ Австріи прослѣженъ былъ во всемъ своемъ развитіи, начиная съ 1845 года, на который авторъ указываетъ, какъ на исходный пунктъ до постепеннаго упадка австрійской финансовой системы. Въ этомъ году государственный доходъ восходилъ до ста шестидесяти одного милліона гульденовъ съ восемью милліонами дефицита. Въ слѣдующемъ 1846 году безпорядки, возникшіе въ Галиціи вынудили усиленный наборъ и вооруженіе, которыя грозили серьезною опасностію бюджету имперіи, а событія 1847 — 1849 годовъ разстроили его совершенно. Втеченіе этихъ трехъ послѣднихъ годовъ, дефицитъ постепенно возрасталъ отъ семи до сорока пяти милліоновъ, и дошелъ наконецъ до ста двадцати пяти милліоновъ гульденовъ. Параллельно съ увеличеніемъ расходовъ, уменьшались и доходы почти въ одинаковой пропорціи. Въ 1850 году, не смотря на то, что съ возстановленіемъ спокойствія увеличились и доходы государства до ста восьмидесяти милліоновъ, необходимость однакожъ, въ какой была Австрія держать свою армію въ полномъ военномъ составѣ, потребовала до двухъ сотъ пятидесяти одного милліона гульденовъ, такъ что и въ этомъ году дефицитъ представилъ болѣе семидесяти милліоновъ. Впродолженіе четырехъ лѣтъ весь дефицитъ Австріи возросъ до огромной суммы въ двѣсти пятдесятъ милліоновъ гульденовъ, или сто пятдесятъ милліоновъ рублей серебромъ. Правительство, чтобы отклонить приближавшійся въ столь страшныхъ размѣрахъ кризисъ, допустило выдачу банковыхъ суммъ, и кромѣ того прибѣгло къ обыкновенному въ подоб-

ныхъ случаяхъ средству — бумажнымъ деньгамъ съ усиленнымъ курсомъ. Средство это имѣло послѣдствіемъ то, что вся звонкая монета почти мгновенно исчезла. Въ такихъ обстоятельствахъ, чтобы уменьшить обращеніе бумажныхъ денегъ, правительство прибѣгло къ первому займу; но сумма, пріобрѣтенная отъ этого займа не была обращена къ предположенной цѣли, а послужила для погашенія части дефицита. Министерство убѣдилось наконецъ, что только по заключеніи мира и по уменьшеніи расходовъ, можно будетъ предпринять что-либо рѣшительное для поправленія финансовъ имперіи. Въ 1852 году правительство думало, что обстоятельства позволяли ему наконецъ предпринять рѣшительную мѣру, въ основѣ которой все-таки лежалъ планъ займа, который предназначался къ покрытію существовавшаго еще дефицита, къ выкупу ассигнацій, бывшихъ еще въ обращеніи и къ уплатѣ банковыхъ облигацій. Обнародовавъ мѣры, посредствомъ которыхъ министръ Баумгартенъ имѣлъ намѣреніе пополнить пустоту государственныхъ кассъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не отчаявался раскрыть въ самомъ государствѣ новыя производительныя силы и тѣмъ обезпечить его будущность. По этимъ даннымъ, предположенные доходы на 1852 годъ долженствовали возвыситься до двѣсти двадцати пяти милліоновъ гульденовъ, что составило бы цифру двадцатью милліонами болѣе той, которая была въ 1851 году, сорока милліонами болѣе дохода 1850 года и шестидесятью милліонами болѣе 1845 года. Чтобы достигнуть этой цѣли, министръ финансовъ объявилъ, что онъ не намѣревался прибѣгать ни къ какимъ усиленнымъ мѣрамъ, ни къ возвышенію податей и налоговъ, а напротивъ, онъ надѣялся, что самое общественное благосостояніе будетъ тѣмъ источникомъ, отъ котораго произойдетъ финансовое возрожденіе имперіи. Этой новой мѣрѣ не менѣе содѣйствовали также внутренній заемъ и распущеніе большей части арміи. Еще предшественникъ Баумгартена, Краусъ, имѣлъ намѣреніе уменьшить расходы, и чтобы достигнуть этой экономической цѣли, онъ первый возымѣлъ мысль отдать въ залогъ желѣзныя дороги австрійской имперіи. Хотя мѣра эта и не принесла желанныхъ выгодъ, однакожъ Баумгартенъ рѣ-

шился снова пустить ее въ ходъ, такъ что, прежде нежели *Вѣнская Газета* опубликовала новый планъ для усиленія финансовыхъ средствъ Австріи, императоръ уже утвердилъ докладъ министра, по которому новый заемъ обеспечивался залогомъ всѣхъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, вмѣстѣ съ тѣми, которыя были проектированы и утверждены, и которыя простирались на четыреста нѣмецкихъ миль, представляя въ сложной цѣнности двѣсти милліоновъ гульденовъ. Заемъ долженствовалъ производиться впродолженіе десяти лѣтъ, по двадцати милліоновъ ежегодно; казна же съ своей стороны намѣревалась въ то-же время пустить въ обращеніе пяти-процентныя облигаціи, которыя долженствовали быть уплачены съ погашеніемъ долга въ 1862 году, въ эпоху, когда предполагалось окончить всѣ недостроенныя желѣзныя дороги Австріи.

Каковы бы ни были усилія залѣчить раны государства, ему предстояло еще много труда, быть можетъ невозможныхъ попытокъ, возродить государственный организмъ тамъ, гдѣ самые элементы способствовали уже къ его разложенію. На первомъ планѣ внутренняго зла были, какъ и всегда, только что усмиренные народы Италіи и Венгріи. Со времени революцій въ этихъ странахъ, положеніе ихъ жителей было въ высшей степени не надежнымъ, такъ что вѣнское правительство относительно Италіи рѣшилось продлить военное занятіе, а что касается Венгріи, окончательно отказать въ возвращеніи ей древней ея конституціи. Чтобы убѣдиться въ какой мѣрѣ необходимы преобразованія въ этихъ странахъ, императоръ рѣшился лично осмотрѣть тѣ провинціи, которыя болѣе всего пострадали во время войны 1848—1849 года. Весной 1852 года Францъ-Іосифъ отправился въ Ломбардію. Современныя газеты оповѣстили тогда, что путешествіе это, хотя и не принесло никакихъ существенныхъ пользъ странѣ, совершенно опустошенной послѣдней войной, по милости императора, оставили по себѣ нѣкоторую надежду въ сердцахъ его итальянскихъ подданныхъ. Въ іюнѣ Францъ-Іосифъ отправился въ Венгрію

Можно ли было повѣрить, что послѣ столькихъ неудавшихся попытокъ мадяръ, возвратить себѣ прежнія права,

послѣ столькихъ рѣшительныхъ отказовъ со стороны правительства предоставить Венгріи прежнее ея значеніе и преимущество надъ народностями обитающими на ея почвѣ, путешествіе императора не вызвало бы какой-либо демонстраціи со стороны недовольнаго населенія? Мысль эта не была чужда и самому Францу-Іосифу и лицамъ, его окружавшимъ. Она, въ самомъ дѣлѣ, возбуждала нѣкоторыя опасенія и нужно было употребить уловку, которая расположила бы къ восторженной встрѣчѣ императора, если не высшее дворянство, то, по крайней мѣрѣ, довѣрчивую толпу низшихъ классовъ народа. Если въ Ломбардіи населеніе не показало явнаго неудовольствія, то какая-то мрачная безропотность и безучастность явно проглядывала въ народѣ. Но въ совершенно другихъ условіяхъ находилась Венгрія, недавно еще шумная, гордившаяся своей минутной свободой, полная горькихъ воспоминаній о своемъ пораженіи. Поэтому правительство, хотя и не имѣло еще явныхъ, осязательныхъ причинъ безпокоиться, завсѣмъ тѣмъ хотѣло особою мѣрою расположить хотя народъ къ пріему своего императора. Вслѣдствіе этого, правительство предпослало посѣщенію Франца-Іосифа объявленіе, въ которомъ путешествіе императора по Венгріи имѣло особенною цѣлью *освидѣтельствовать на мѣстѣ нужды страны и народа*. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ объясняется это путешествіе въ полуоффиціальной австрійской газетѣ—Oesterreichische Correspondenz: «Предстоящее свиданіе императора съ его подданными Венгріи, предпринято съ тою цѣлію, чтобы доставить населеніямъ этой прекрасной страны, случай, изъявить своему государю покорность, любовь и почтеніе, который съ своей стороны, всегда готовый милостиво принять разумно-выраженныя желанія, конечно не упуститъ случая, чтобы не обезпечить за Венгріей гарантіи прочнаго ея благосостоянія. Путешествіе это сгладитъ печальныя воспоминанія послѣднихъ годовъ и будущія поколѣнія благословятъ день, въ который была отпразднована взаимная любовь наслѣдственнаго государя и его венгерскаго народа». Слова эти были тѣмъ болѣе замѣчательны, что, хотя и не ясно, все-таки однакожъ обѣщали венграмъ возстановленіе прежняго порядка вещей и пробудили въ нихъ нѣкоторую надежду.

Восторженная натура мадярскаго племени легко поддается первому впечатлѣнію, въ-особенности, если съумѣть польстить ея національной гордости. Такъ случилось и теперь. Увидѣвъ въ своей средѣ императора, народъ не усомнился, что онъ несетъ съ собою и ихъ прежнія вольности и преобладаніе надъ кроатами и румынами, къ чему они такъ жадно стремились. Францъ-Іосифъ, сверхъ всякаго ожиданія, встрѣтилъ всеобщій восторгъ особенно въ Пестѣ, и восторгъ этотъ, какъ мы сказали, легко можетъ объясниться изъ страстной натуры мадяра. Въ противоположность народной радости, высшая аристократія нѣкоторыхъ комитатовъ и особенно пестскаго выказала весьма замѣтную холодность. Нужно сказать, что обиды и гоненія, понесенныя высшей аристократіей венгерской совершенно другаго рода нежели тѣ, которымъ подвергалось остальное дворянство имперіи. Въ самомъ дѣлѣ, лишая дворянство феодальныхъ его правъ надъ крестьянами, уничтожая его провинціальныя вольности, правительство озаботилось однакожъ, въ особенной жалованной грамотѣ отъ 31 декабря 1851 года, обеспечить за нимъ нѣкоторыя привиллегіи, такъ, напримѣръ, установленіе маіоратовъ и фидеи-коммисы, равно и исключеніе большихъ владѣльческихъ имѣній изъ обыкновеннаго общиннаго росписанія. Въ той-же грамотѣ объявлено также о составленіи особеннаго положенія, въ которомъ опредѣлены будутъ привиллегіи наслѣдственнаго дворянства. Преимущества эти могли быть достаточны и удовлетворительны для провинціальнаго дворянства, которое, до 1848 года, не имѣло особенныхъ политическихъ правъ. Но какимъ образомъ удовлетворить дворянство Венгріи? Магнаты этого королевства, низведеннаго на степень простой провинціи, не смотря на то, что оно сохранило свое историческое названіе, не могли безъ глубокаго сожалѣнія вспоминать о тѣхъ потеряхъ, которыя понесли они въ послѣднее время, и хотя правительство старалось обнадежить ихъ, они все-таки не могли ожидать полнаго возстановленія своихъ прежнихъ правъ. Какъ бы то ни было, путешествіе Франца Іосифа по Венгріи въ правительственномъ отношеніи было вполнѣ удовлетворительнымъ. Правительство пришло къ тому убѣжденію, что съ небольшими пожертвованіями, разумѣется

на однихъ словахъ, могло не только успокоить народъ и среднее сословіе, но и привлечь его на свою сторону.

Совершивъ это путешествіе по Венгріи, и возвратившись въ Вѣну, Францъ-Іосифъ хотѣлъ предпринять другое, именно, — онъ желалъ посѣтить своихъ, какъ онъ выражался, *вѣрныхъ* и храбрыхъ кроатовъ. Путешествіе это не представляло никакихъ предубѣжденій, никакихъ недоразумѣній, и вѣнскій дворъ, на основаніи предъидущаго образа дѣйствій кроатовъ, въ правѣ былъ ожидать со стороны этого народа самаго лестнаго пріема. Не было никакого сомнѣнія, чтобы народъ, пролившій, въ 1848 и 1849 годахъ, кровь свою за имперію, не будетъ готовъ встрѣтить своего молодого императора, восшествію котораго на престолъ онъ такъ мощно содѣйствовалъ, съ знаками живѣйшей любви и сочувствія. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно было думать, если судить о чувствахъ кроатовъ къ новому правительству по вышеизложеннымъ причинамъ. На дѣлѣ однакожъ было иначе: австрійскіе славяне и въ-особенности кроаты, взявъ сторону правительства во время венгерской революціи, проливали кровь свою не для того только, чтобы спасти имперію и вмѣстѣ съ нею Габсбурговъ; у нихъ была своя затаенная мысль, и мы видѣли, что именно побуждало ихъ такъ усердно ратовать за вѣнскій престолъ. Они не менѣе итальянцевъ, не менѣе мадяровъ сгарали желаніемъ сохранить свою національность, и если, вопреки всякому ожиданію, стали подъ знамя германизма, то единственно потому, что думали и видѣли въ этомъ торжество своихъ провинціальныхъ правъ и привиллегій. Принявъ сторону нѣмцевъ, кроаты не только избавлялись отъ преобладанія мадяръ, которыхъ владычество было такъ для нихъ невыносимо, но полагаясь на обѣщанія вѣнскаго кабинета, съ которымъ прямыя сношенія ведены были баномъ Іеллачичемъ, они надѣялись послѣ побѣды пользоваться особенными милостями императора. Самыя блестящія надежды поддерживали кроатовъ во время борьбы ихъ съ венграми. Но вскорѣ они не могли не разочароваться, когда увидѣли, что вмѣсто областной свободы, они должны были подчиниться централизаціи, связавшей ихъ не менѣе мадярскаго владычества. Кроація расчитывала на независимую администрацію, подобную

той, какою пользовалась Венгрія до 1848 года. Но вслѣдствіе началъ, изложенныхъ въ конституціи 4-го марта 1849 г., и позднѣе — въ жалованной грамотѣ 31-го декабря 1851 года, они должны были отказаться отъ всякой надежды, и не скрывали болѣе своего неудовольствія. Когда Францъ-Іосифъ прибылъ въ Кроацію, то ему не былъ оказанъ пріемъ, встрѣтившій его въ Венгріи. Не смотря на всѣ усилія гражданскихъ и военныхъ властей скрыть отъ вниманія императора холодность населенія цѣлой области, императоръ однакожъ не могъ не замѣтить ея, и поспѣшилъ выѣхать въ Вѣну. Убѣдился ли онъ, что борьба централизаціи съ историческими преданіями и племеннымъ вопросомъ, составляетъ, и долго еще будетъ составлять исключительный характеръ внутренняго состоянія австрійской монархіи?

Если Австрія, какъ показано было выше, успѣла возстановить свое вліяніе въ итальянскихъ областяхъ, которое имѣла она тамъ до 1848 года, то нельзя сказать, чтобы это вліяніе не вызвало никакого сопротивленія правительственнымъ ея видамъ. Доказательствомъ этому служатъ смуты, которыя возникли вскорѣ послѣ того въ Ломбардіи. 6-го февраля 1853 года возмущеніе вспыхнуло въ Миланѣ. Изъ разныхъ концовъ города бросился народъ на гауптвахту и другіе военные посты, и началъ воздвигать баррикады. Многіе ворвались въ замокъ, причемъ было убито и ранено нѣсколько офицеровъ. Но вскорѣ подоспѣвшіе полки, окруживъ мятежниковъ, успѣли потушить и самое возстаніе. За исключеніемъ нѣсколькихъ солдатъ, убитыхъ на улицахъ, попытка этого возстанія не имѣла болѣе серьезнаго значенія. Правительство не знало, что движеніе это было возбуждено Мадзини. Прокламація, подписанная имъ, Саффи, Квадріо, Агостини и назначенная для ломбардскаго населенія, не ограничивалась одними только возгласами. Она указывала также на планъ дѣйствій, направляя ихъ на слабыя стороны непріятеля.

Въ одно время съ этой прокламаціей Мадзини, послѣдовала и другая, подписанная Кошутомъ, *отъ имени венгерской націи солдатамъ, находящимся въ Италіи.* Легко было узнать въ ней мадярскаго трибуна по его гиперболическимъ

выраженіямъ, какъ легко можно было узнать и Мадзини по его гуманному мистицизму. Чтобы возбудить бо̀льшее сочувствіе въ итальянцахъ, воззваніе Кошута выѣзжало на возгласахъ, подобныхъ слѣдующимъ: что ни одинъ народъ не сочувствуетъ мадярамъ такъ сильно, какъ итальянцы; что Венгрія составляла правое крыло арміи Кошута, а Италія лѣвое; что въ тотъ день, когда было поднято знамя міровой свободы, итальянскій солдатъ въ Венгріи и мадярскій воинъ въ Италіи долженствовали соединиться, чтобъ поддержать правое дѣло итальянскихъ братій. — Прокламація эта, какъ мы сказали, была приписана Кошуту, а между тѣмъ, вскорѣ послѣ ея появленія, онъ помѣстилъ въ англійскихъ журналахъ письмо, въ которомъ объявлялъ, что съ негодованіемъ узналъ объ обнародованіи отъ его имени воззванія по случаю миланскихъ смутъ 6 февраля, въ которомъ призывалъ венгровъ принятъ участіе въ неудавшейся попыткѣ ломбардцевъ. Изъ этого письма Кошута ясно было видно, что онъ, хотя и не отказывался отъ роли агитатора, тѣмъ не менѣе находилъ, что время еще не настало для возбужденія Венгріи, и что онъ не принялъ никакого участія въ вспышкѣ 6 февраля.

Но послѣ этого, какимъ образомъ объяснить прокламацію, распространенную подъ его именемъ? Не была ли она уловкою Мадзини? Обстоятельство это не замедлило вскорѣ объясниться и объясненіе далъ самъ Мадзини. Прокламація была дѣйствительно написана Кошутомъ, но гораздо прежде миланскаго возмущенія, на всякій случай. Мадзини, безъ вѣдома Кошута, думалъ, что настало время пустить её въ ходъ, и измѣнивъ нѣсколько словъ, выставивъ февраль 1853 года, думалъ этимъ приписать себѣ счастливыя послѣдствія возмущенія. Но если Кошутъ рѣшился отказаться отъ всякаго участія въ дѣлѣ 6 февраля, онъ не могъ однакожъ отвергнуть подлинности воззванія, носившаго его подпись. Послѣ этой, такъ сказать, домашней расправы, оба трибуна кончили тѣмъ, что помирились, продолжая восхвалять другъ друга, въ журналахъ. Не одинъ Кошутъ протестовалъ противъ злоупотребленія своего имени. Цезарь Агостини, имя котораго было, какъ мы видѣли, подписано рядомъ съ име-

немъ Мадзини подъ итальянской прокламаціей, въ свою очередь объявилъ, что онъ рѣшительно не принималъ участія во всемъ этомъ дѣтски затѣянномъ дѣлѣ. И вотъ люди, считавшіеся передовыми дѣятелями на пути возрожденія своего отечества!

Эта несчастная вспышка въ Миланѣ, — иначе и назвать ее нельзя, — навлекла на Ломбардію новыя строгости. Низкая попытка убить императора, случившаяся въ Вѣнѣ, почти одновременно съ безумнымъ предпріятіемъ Мадзини, еще болѣе долженствовала усилить мѣры строгости, въ которыхъ правительство не имѣло недостатка. Ломбардія, и въ-особенности Миланъ, были объявлены въ строжайшемъ военномъ положеніи. Лучше всего можетъ объяснить это положеніе прокламація фельдмаршала Радецкаго отъ 11 февраля того же года, въ которой онъ объявляетъ жителямъ ломбардо-венеціанскихъ областей, что при малѣйшемъ признакѣ, при малѣйшемъ подозрѣніи въ какой бы ни было попыткѣ ихъ противъ мѣстныхъ властей, онъ немедленно употребитъ для ихъ усмиренія не только всю строгость законовъ, но и самую неограниченую жестокость, разрѣшенную ему императоромъ. Кромѣ того были приняты мѣры къ конфискаціи недвижимостей итальянскихъ эмигрантовъ, что подало поводъ къ обмѣну между туринскимъ и вѣнскимъ кабинетомъ нѣсколькихъ довольно энергическихъ нотъ, потому что, между конфискованными имуществами были и такія, которыя принадлежали піэмонтскимъ подданнымъ.

Миланское возмущеніе породило также нѣкоторыя неудовольствія между Австріей и швейцарскимъ союзомъ. И прежде этого обстоятельства неоднократно происходили между двумя правительствами непріязненныя столкновенія, по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ относившихся къ международному праву. Такъ, напримѣръ, въ августѣ 1852 года, Австрія, по случаю принятыхъ тессинскимъ совѣтомъ мѣръ относительно управленія семинарій въ Поледжіо и Асконѣ, потребовала, чтобы управленіе ихъ вошло снова въ юрисдикцію миланскаго архіепископа. Швейцарское правительство отклонило отъ себя положительный отвѣтъ, который дало только въ маѣ слѣдующаго года. Затѣмъ произошли новыя

неудовольствія и новыя столкновенія между вѣнскимъ кабинетомъ и Швейцаріей по случаю настоятельнаго требованія Австріи изгнать изъ тессинскаго кантона иностранныхъ капуциновъ. Къ этимъ затруднительнымъ спорамъ присоединилось и миланское возстаніе. Австрійское правительство, изобличая тессинскій кантонъ въ покровительствѣ итальянскимъ заговорщикамъ, объявило его въ осадномъ положеніи. Съ февраля мѣсяца правительство швейцарскаго союза и графъ Карницкій, уполномоченный со стороны Австріи, вели по этому случаю довольно живые переговоры. Карницкій объявилъ притязанія Австріи относительно тайныхъ сношеній тессинскаго кантона съ Ломбардіей. Онъ упрекалъ этотъ кантонъ въ его поступкахъ, *не соотвѣтствовавшихъ ему, какъ доброму сосѣду.* Въ глазахъ Австріи преступленіе *сосѣда* было явно: онъ, принялъ и пріютилъ у себя государственныхъ преступниковъ австрійской имперіи. Этимъ не ограничились нападки Карницкаго; онъ вмѣнилъ тессинцамъ въ преступленіе и то обстоятельство, что они, независимо отъ гостепріимства, даннаго ломбардцамъ, приняли даже нѣкоторыхъ изъ нихъ въ число своихъ гражданъ и доставили имъ случай отправлять общественныя должности. Изъ тессинскихъ типографій выходило также множество возмутительныхъ брошюръ, которыя распространялись въ Ломбардіи посредствомъ контрабанды и поддерживали въ народѣ тревожный духъ революцій. Въ 1848 году тессинскіе волонтеры, снабженные оружіемъ и снарядами изъ общественнаго арсенала, явились на помощь къ ломбардцамъ. Швейцарское знамя, развѣвавшееся тогда въ Миланѣ, служило неопровержимымъ доказательствомъ тессинскому вмѣшательству. Въ Венеціи швейцарскіе кондотіери, до самой капитуляціи не переставали поддерживать въ народѣ духъ сопротивленія. Далѣе, въ 1849 году, во время перемирія, тессинскіе волонтеры, предводимые Раймондомъ Каммоцо, ворвавшись чрезъ швейцарскую границу въ Ломбардію, пытались возмутить Комо, Бергамо, Брешію и Валентину. Правду сказать, между Австріей и швейцарскимъ союзомъ былъ заключенъ особый договоръ, по которому союзъ обязывался не держать въ своихъ предѣлахъ людей, обвиненныхъ въ государственной

измѣнѣ Австріи; но швейцарцы подъ разными предлогами постоянно уклонялись отъ исполненія этого договора. Графъ Карницкій доказывалъ также, что въ тессинскомъ кантонѣ заблаговременно знали уже о предстоящемъ возмущеніи 6 февраля, и указывалъ на швейцарскія газеты, которыя еще 4 февраля, упоминая о предстоявшемъ движеніи, предлагали не принимать въ немъ никакого участія. Въ подобныхъ случаяхъ не слѣдовало ли тессинскому правительству, *какъ доброму сосѣду*, тотчасъ извѣстить ломбардскія власти о приближавшейся опасности? Все это было изложено графомъ Карницкимъ въ особой нотѣ отъ 15 марта швейцарскому союзу, который, получивъ въ свою очередь донесеніе отъ посланнаго въ тессинскій округъ чиновника, для изслѣдованія на мѣстѣ притязаній австрійскаго кабинета, отвѣчалъ послѣднему въ столь сильныхъ выраженіяхъ, что резидентъ австрійскаго двора, находившійся въ Бернѣ, получилъ приказаніе временно оставить свой постъ. Не смотря на это, формальнаго разрыва непослѣдовало. Швейцарскій союзъ послалъ съ своей стороны приказаніе повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ прекратить всякія сношенія съ императорскимъ правительствомъ. Графъ Буоль поспѣшилъ успокоить его тѣмъ, что вызывая, какъ онъ говорилъ, изъ Берна графа Карницкаго, вѣнскій кабинетъ вовсе не имѣлъ въ виду разрыва съ союзомъ и что сношенія между обоими правительствами по прежнему остаются тѣже. Это объясненіе заставило союзъ отмѣнить намѣреніе относительно отзыва изъ Вѣны своего повѣреннаго въ дѣлахъ.

Вліяніе Австріи въ дѣлахъ внѣшней ея политики были гораздо успѣшнѣе на Востокѣ, куда былъ посланъ графъ Лейнингенъ. Два важныя обстоятельства вызвали вмѣшательство Австріи на этомъ поприщѣ и въ обоихъ случаяхъ изворотливый дипломатизмъ ея торжествовалъ побѣду. Смуты въ Черногоріи, которой сторону такъ неожиданно приняла Австрія, и еще болѣе важный вопросъ относительно святыхъ мѣстъ, поднятый Россіей, были причиной поѣздки графа Лейнингена въ Константинополь. Успѣшное окончаніе черногорскихъ дѣлъ объясняется тѣмъ, что австрійское правительство не могло равнодушно смотрѣть на возраставшее

вліяніе Россіи между православными племенами юго-востока Европы. Не предчувствовала ли она готовившееся тогда посольство въ Константинополь относительно религіозныхъ дѣлъ Востока? Какъ бы то ни было, графъ Лейнингенъ, прибывъ въ Константинополь 20 января 1853 года съ собственноручнымъ письмомъ императора къ султану, на другой же день отправился къ великому визирю и къ министру иностранныхъ дѣлъ. Представившись за тѣмъ султану на особой аудіенціи, Лейнингенъ сообщилъ портѣ ноту, въ которой главный вопросъ касался дѣлъ черногорскихъ. Австрійскій посолъ объявилъ, что мѣры, принятыя султаномъ въ отношеніи черногорцевъ, долженствовали быть приведены въ дѣйствіе по предварительномъ согласіи съ вѣнскимъ кабинетомъ, чего порта съ своей стороны не сдѣлала. Австрія тѣмъ болѣе доказывала свое удивленіе и неудовольствіе, что распря Турціи съ Черногоріей принимала характеръ священной войны, почему и требовала категорическаго объясненія, съ какою цѣлію ведется эта война. Другая, не менѣе важная причина посольства Лейнингена, изложенная въ нотѣ, поданной дивану, была присутствіе въ войскѣ и штабѣ Омеръ-паши венгерскихъ эмигрантовъ, которыхъ удаленія онъ требовалъ немедленно и настоятельно. Далѣе черезполосныя земли, на которыхъ стоятъ Клэкъ и Сотторино, находящіяся во власти Турціи и раздѣляющія въ двухъ мѣстахъ Далмацію, были также предметомъ искательства со стороны графа Лейнингена. Онъ объявилъ, что австрійское правительство настойчиво требуетъ самаго положительнаго разрѣшенія со стороны Высокой Порты всѣхъ этихъ затрудненій. Отвѣтъ послѣдовалъ чрезъ нѣсколько дней. Порта объявила, что она удивляется почему австрійское правительство придало столько важности военнымъ дѣйствіямъ противъ Черногоріи. Если бы усмиреніе этой страны могло быть достигнуто съ меньшими силами противъ тѣхъ, которыя въ настоящее время тамъ стянуты, то она и не подумала бы увеличить число своихъ войскъ на черногорской границѣ. Но съ другой стороны турецкое правительство увеличило это число единственно съ тою цѣлію, чтобы устранить христіанское населеніе и предотвратить всякое кро-

вопролитіе. Такъ какъ эти распоряженія не могли причинить какого-либо безпокойства столь сильному государству, какова Австрія, то Порта и не думала, чтобы вѣнскій дворъ могъ питать въ этомъ отношеніи малѣйшее подозрѣніе. Кромѣ того военныя движенія были предварительно сообщены въ особой запискѣ австрійскому посольству въ Константинополѣ, когда извѣщали его о блокадѣ береговъ Скодры. Если бы австрійскій уполномоченный пожелалъ ранѣе узнать причину этихъ передвиженій, то порта не замедлила бы дать самое удовлетворительное объясненіе. Какъ бы то ни было, турецкое правительство и теперь не отказывается объявить, что никогда, ни въ какихъ случаяхъ не имѣло намѣренія чѣмъ-либо огорчить австрійскій кабинетъ. Даже въ инструкціи, врученной предводителю военныхъ силъ, направленныхъ противъ Черногоріи, настоятельно требовалось всячески уважать границы Австріи. Что же касается мнимаго значенія настоящей войны, поднятой будто бы мусульманами въ видѣ священной противъ христіанъ, то подобная мысль, какъ доказывалъ Фуадъ-Эффенди, не могла быть допущена въ правленіе султана, который неоднократно давалъ самыя явныя доказательства, съ какимъ попеченіемъ старается онъ о благоденствіи всѣхъ своихъ подданныхъ безъ исключенія. «Правительство султана, продолжалъ Фуадъ-Эффенди, съ негодованіемъ отклоняетъ отъ себя подобныя нареканія. Ему «не трудно доказать самыми ясными доводами, что всѣ эти «обвиненія не имѣютъ никакого основанія. Но самое поло«жительное оправданіе, какое можетъ привести Порта, это «то, что большая часть иррегулярнаго войска, находящаяся «теперь въ походѣ, состоитъ изъ волонтеровъ, христіанскихъ «подданныхъ султана.» Послѣ этого оправданія въ отношеніи Черногоріи, слѣдовалъ отвѣтъ Порты на второе притязаніе Австріи, относительно венгерскихъ эмигрантовъ, преимущественно офицеровъ, находившихся въ арміи Омеръ-паши. Дѣйствительно, Порта не отказывалась признаться, что эмигранты точно находятся въ дѣйствующей ея арміи, но чтобы дать новое доказательство своихъ искреннихъ и дружественныхъ отношеній къ австрійскому кабинету, она готова немедленно отправить приказъ выслать всѣхъ офецеровъ-вы-

ходцевъ, во внутрь турецкой имперіи. Что же касается вопроса относительно портовъ Клэка и Сотторино, министръ иностранныхъ дѣлъ Фуадъ-Эффенди отвѣчалъ, что права на нихъ Порты не подлежали никакому сомнѣнію, и что она изстари владѣла ими. Еще во время посольства барона Оттенфельса, въ 1832 году, Австрія признала оба эти пункта за оттоманскою Портой. Напоминая этотъ случай, турецкое правительство выразило желаніе войти съ Австріей въ новые переговоры по этому предмету.

Австрійскій посолъ не былъ вполнѣ удовлетворенъ отвѣтами Высокой Порты. Онъ предложилъ проектъ ноты, требуя, чтобы втеченіе трехъ дней диванъ согласился принять его, въ противномъ случаѣ угрожалъ разрывомъ. Смыслъ предложеннаго проекта ноты былъ слѣдующій: Порта долженствовала объявить, не нарушая своихъ владѣтельныхъ правъ на Черногорію, что она не имѣла никакого намѣренія отступить отъ statu quo ante bellum, и что она немедленно оттянетъ свои войска отъ предѣловъ Черногоріи. Далѣе Порта долженствовала обязаться назначить коммиссію для изслѣдованія, точно ли мѣстныя начальства не возбуждали религіозный фанатизмъ турокъ противъ христіанъ. Что же касается портовъ Клэка и Сотторино, то диванъ, въ надеждѣ на дружественное соглашеніе по этому предмету, какъ и самъ предлагалъ, не станетъ предпринимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ даже въ такомъ случаѣ, если представится по этоту предмету какое-либо недоразумѣніе между двумя правительствами. Наконецъ, Порта обязывалась внести въ австрійскую интернунціатуру 200,000 гульденовъ въ вознагражденіе убытковъ австрійскихъ подданныхъ, которыхъ контракты для рубки лѣса въ Босніи, были противузаконно уничтожены по приказанію Омеръ-паши. Таковы были требованія австрійскаго посла, и Порта, сознавая справедливость нѣкоторыхъ изъ нихъ, рѣшилась окончить ихъ полюбовно, чтобы отклонить угрожавшій ей разрывъ съ Австріей, котораго послѣдствія могли бы быть для нея невыгодными. Не смотря на это, она не рѣшилась принять безусловно проектъ ноты, такъ нецеремонно продиктованный графомъ Лейнингеномъ. Соглашаясь на предложеніе относительно Черного-

ріи, Клэка и Сотторино, Порта рѣшила однакожъ, чтобы права ея относительно этихъ мѣстъ, были бы вполнѣ обезпечены и не подлежали бы никакому сомнѣнію. «Высокая «Порта, сказано было между прочимъ въ турецкой нотѣ, при«знавая за собою всѣ права, которыя имѣетъ надъ Черно«горіей, объявляетъ, что она вовсе не имѣетъ намѣренія по«куситься на какія-бы то ни было измѣненія въ этой стра«нѣ, ни относительно ея внутренней администраціи, ни въ «отношеніи измѣненія ея территоріи. Вслѣдствіе чего, от«томанское правительство немедленно сдѣлаетъ нужное ра«споряженіе, чтобы войска его отступили отъ границъ этой «области.» Подобно этому и остальныя требованія австрійскаго правительства были немедленно удовлетворены, вслѣдствіе чего графъ Лейнингенъ отправился изъ Константинополя 14 февраля и чрезъ Каттаро прибылъ въ Вѣну, окончивъ свое порученіе съ полнымъ успѣхомъ.

Не много времени спустя послѣ отъѣзда графа Лейнингена прибылъ въ Константинополь князь Меньшиковъ. Посольство его было такъ неожиданно, что Австрія пришла въ сильное недоразумѣніе, тѣмъ болѣе, что въ Константинополѣ интернунціатура ея не была никѣмъ замѣщена. Со времени военнаго вмѣшательства Россіи въ 1849 году, Австрія уже начинала тяготиться своею признательностію къ этой державѣ. Малѣйшее дипломатическое движеніе къ югу, малѣйшее вниманіе, обращенное Россіей на внутреннія дѣла Турціи относительно христіанскаго ея населенія, хотя бы и простое напоминаніе дивану объ исполненіи его обязательствъ по договорамъ, уже достаточно было, чтобы возбудить въ австрійскомъ дворѣ самыя нелѣпыя подозрѣнія, относительно расширенія предѣловъ Россіи къ Дунаю. Ниже мы будемъ имѣть случай привести систематическое подготовленіе самой Австріи со времени Маріи-Терезіи, къ обладанію дунайскими княжествами, и непомѣрное честолюбіе этой державы постоянно рисовало напуганному ея воображенію походы русскихъ полковъ за Прутъ и къ Дунаю. Послѣднее занятіе княжествъ въ 1854 году, казалось, было торжествомъ преслѣдуемой австрійскимъ дворомъ мысли относительно Молдавіи и Валахіи, но разочарованіе долженствовало неминуемо

послѣдовать. Находясь постоянно подъ этою господствующею мыслію преобладанія на нижнемъ Дунаѣ, могла ли Австрія оставаться спокойною сосѣдствомъ Россіи, державы, къ которой дунайскіе народы и по племенному единству и по вѣрѣ чувствуютъ болѣе нежели къ ней естественное влеченіе. Разрывъ, вызванный посольствомъ князя Меньшикова, поставилъ Австрію между двумя огнями. Съ одной стороны благодарность къ Россіи, съ другой угрозы западныхъ державъ, принявшихъ сторону Турціи. Но личный ея интересъ, — а время показало, какъ невѣрно былъ разсчитанъ этотъ интересъ, — взялъ верхъ, и Австрія *удивила міръ своею неблагодарностію.*

IV.

Если станемъ принимать безусловно видимы тыкефа, не обращая вниманія на ихъ послѣдствія, то политика австрійскаго правительства въ восточномъ вопросѣ была самымъ счастливѣйшимъ моментомъ въ новой исторіи этого государства. Съ 1848 года вѣнскій кабинетъ, осажденный страшными революціями, поддерживаемый своимъ, преимущественно славянскимъ населеніемъ, спасенный окончательно славянскою державою, успѣлъ также счастливо извернуться и въ Италіи и въ Германіи отъ временныхъ неудачъ, постигшихъ его такъ неожиданно.

Но это временное торжество Австріи въ восточномъ вопросѣ было не полно: она тяготилась великодушною помощію сосѣда, на которую смотрѣла какъ на упрекъ своимъ замысламъ относительно дунайскихъ княжествъ.

Положеніе Австріи, которое заняла она въ началѣ восточнаго вопроса, было для нея не предвидѣннымъ. Она сама, если вспомнимъ, находилась не совсѣмъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Турціей, христіанское населеніе которой, угнетаемое мѣстными властями, не однократно вызывало посредничество Россіи. Въ эпоху же посольства князя Меньшикова случилось обстоятельство, которое не могло не удивить южныхъ славянъ, привыкшихъ смотрѣть на Австрію, какъ на отъявленную гаспительницу славянскихъ народностей.

Странный случай этотъ, какъ мы видѣли, состоялъ въ томъ, что Австрія безкорыстно приняла сторону черногорцевъ, какъ бы предупреждая на этомъ пути тоже самое намѣреніе со стороны Россіи. Но это доброжелательство австрійскаго двора къ горсти славянскаго племени, и еще православнаго, не вдругъ обрисовалось вполнѣ, а постепенно, и не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно высказалось сначала, а между Дунаемъ и Прутомъ, въ румынскихъ княжествахъ Молдавіи и Валахіи, куда вступили уже наши войска послѣ формальнаго разрыва съ Турціей.

Одновременно съ военными дѣйствіями на Дунаѣ, не менѣе дѣятельно развивалась и кипѣла другая война, война дипломатовъ, главнымъ проводникомъ которой была австрійская политика. Она съ изумительнымъ умѣньемъ двигала и направляла движеніями западныхъ державъ, содѣлалась необходимою посредницею между Россіей и союзными правительствами и всѣ свои дѣйствія съумѣла направить къ тому, что бы занять наше мѣсто въ княжествахъ, которыя спасти отъ ея вліянія можно было посредствомъ весьма серьезныхъ мѣръ.

Не станемъ останавливаться на подробностяхъ конференцій, бывшихъ въ Вѣнѣ, на трактатахъ Австріи съ Пруссіей и Портой Оттоманской и на обмѣнѣ дипломатическихъ нотъ съ Франціей и Англіей. Вся эта дипломатическая дѣятельность австрійскаго правительства клонилась къ одной неизбѣжной цѣли, — къ скорѣйшему занятію Молдавіи и Валахіи. Главный шагъ ея къ этому занятію былъ сдѣланъ протоколомъ 9-го апрѣля 1854 года, который окончательно сблизилъ ее съ западными державами. Австрія этимъ неограничилась. Принимая нужныя мѣры, чтобы занять княжества, она старалась также склонить на свою сторону Пруссію, чтобы, въ случаѣ занятія княжествъ, оградить границы свои отъ вторженія русскихъ войскъ. Это было причиной заключенія между ею и Пруссіей оборонительнаго и наступательнаго союза, подписаннаго въ Берлинѣ 20-го апрѣля 1854 года. Въ этомъ трактатѣ Австрія, только въ такомъ случаѣ предполагала возможность прямаго разрыва съ Россіей, когда эта послѣдняя держава, отказавшись очистить

княжества, двинетъ войска свои къ Балканамъ. Тогда только Австрія имѣла намѣреніе начать свои наступательныя дѣйствія. Вслѣдствіе этого тайнаго трактата, вынужденнаго, какъ послѣ оказалось, у прусскаго кабинета, графъ Буоль предложилъ петербургскому двору, *во имя германскихъ интересовъ*, очистить княжества, не назначая впрочемъ срока выступленія оттуда войскъ нашихъ. Не ожидая рѣшительнаго отвѣта на это предложеніе, вѣнскій кабинетъ поспѣшилъ заключить съ Турціей особенный трактатъ (отъ 14-го іюня), для временнаго занятія княжествъ. Полки ея готовились уже перейти границу Трансильваніи, когда Пруссія первая воспротивилась этому вторженію и грозила, въ случаѣ занятія княжествъ, разорвать трактатъ, заключенный въ Берлинѣ. Угроза эта, только на весьма короткое время отсрочила австрійское вторженіе въ княжества. Войска Австріи продолжали стягиваться къ трансильванскимъ границамъ, а вѣнское правительство открывало внутри имперіи заемъ въ триста шестдесятъ милліоновъ гульденовъ, чтобы быть въ состояніи поддержать предстоявшую войну, къ которой оно такъ энергически готовилось. Австрія старалась увѣрить, что, занимая княжества, она дѣлала это единственно для того, чтобы стать вооруженною посредницей между Россіей и союзными державами. Роль эту совѣтовала ей принять Пруссія; но вѣнскій кабинетъ, имѣя, быть можетъ, тоже намѣреніе, понялъ однакожъ, что оно было невозможно въ настоящемъ случаѣ. Желаніе Австріи было сохранять миръ, и только путемъ мира поставить Россію въ невозможность вредить ей. Желая разрѣшить окончательно вопросъ о свободѣ плаванія по Черному морю и Дунаю, и объ отмѣненіи протекторства надъ дунайскими княжествами, Австрія не замедлила схватиться обѣими руками за этотъ случай, достаточный, чтобы обезсмертить правленіе молодаго ея императора. Это самое было предметомъ новой ноты 8-го августа 1854 года, которою обмѣнялся вѣнскій кабинетъ съ Франціей и Австріей, безъ содѣйствія Пруссіи. Вскорѣ австрійскія войска, сосредоточенныя въ Трансильваніи, стали подвигаться къ театру войны и грозить тылу нашей арміи. Впрочемъ эта угроза вовсе не предвѣщала прямаго нападе-

нія. Не смотря на первый отказъ Россіи относительно очистки княжествъ, Австрія, къ всеобщему удивленію, не рѣшилась начать военныхъ дѣйствій, такъ храбро провозглашенныхъ въ берлинскомъ трактатѣ.

Послѣднему занятію княжествъ австрійцами, уже издавна предшествовало систематическое подготовленіе къ ихъ завоеванію, или присоединенію къ имперіи, подобно тому, какъ была присоединена Буковина *). Объ этомъ самомъ обстоятельствѣ неизлишне будетъ упомянуть здѣсь, тѣмъ болѣе, что оно или вовсе не было доселѣ извѣстно, или мало обращало на себя вниманіе историковъ и публицистовъ.

Еще не давно общее вниманіе Европы было устремлено на то обстоятельство, какъ Австрія противилась всѣмъ мѣрамъ, клонившимся къ установленію благосостоянія дунайскихъ княжествъ. Не менѣе удивлялись упорству, съ какимъ она держала въ 1856 году войска свои въ княжествахъ и скрытно увеличивала ихъ, вмѣсто того, чтобы уменьшать, или окончательно вывести ихъ оттуда, не смотря на то, что Франція и Англія не однократно протестовали противъ этого. Австрія заняла румынскія княжества подъ благовиднымъ предлогомъ защищать ихъ отъ нападенія русскихъ, а между тѣмъ сама не хотѣла ихъ оставить. Это очевидное нарушеніе парижскаго трактата возбудило къ ней недовѣріе. Въ ея отговоркахъ нельзя было не видѣть тайныхъ замысловъ ея. Всѣ ея дѣйствія отъ начала войны, повторяемъ, были направлены къ тому, чтобы присоединить дунайскія княжества къ остальнымъ областямъ имперіи.

Если мы разсмотримъ ея дѣйствія одно за другимъ, если прослѣдимъ исторію австрійскаго дома, то всѣ наши сомнѣнія легко разрѣшатся. Въ настоящее время Австрія не желаетъ, чтобы благоденствіе, тишина и единство царствовали въ дунайскихъ княжествахъ, потому что это самое въ состояніи утвердить ихъ существованіе и ускоритъ моментъ, въ который будутъ онѣ наслаждаться полною самостоятельностію. Вѣнскій дворъ всегда искалъ жертвъ. Честолюбіе движетъ его къ увеличенію своей территоріи. Онъ стре-

---

*) См. *Румынскія господарства Валахія и Молдавія.* Спб. 1859 года.

мится пріосѣнить и молдаво-валахскій народъ тѣмъ же *отеческимъ* покровомъ, подъ которымъ онъ держалъ еще такъ не давно Италію. Занятіе дунайскихъ княжествъ не есть впрочемъ для Австріи, какъ мы сказали, новое явленіе. Она еще за восемьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ высказывала подобныя намѣренія, сохранившіяся въ оффиціальномъ документѣ, изъ котораго мы намѣрены сдѣлать краткое извлеченіе. Въ 1771 году, во время занятія княжествъ русскими войсками, Марія-Терезія безцеремонно овладѣла Буковиной. Это былъ первый удавшійся шагъ къ болѣе обширнымъ пріобрѣтеніямъ. Но императрица не хотѣла довольствоваться такою малостію, поэтому она послала на лѣвый берегъ Дуная коммиссію, которой было поручено изслѣдовать страну во всѣхъ подробностяхъ и опредѣлить какія можно будетъ извлечь выгоды изъ ея завоеванія. Члены коммиссіи были офицеры главнаго штаба, что доказываетъ, какую важность придавали этому порученію. Инструкція, данная этой коммиссіи, состояла изъ пяти пунктовъ, въ видѣ вопросовъ, на которые экспедиція должна была представить категорическіе отвѣты. Два первыхъ вопроса заключали въ себѣ обозрѣніе мѣстности для дороги, которую предполагалось провести чрезъ оба княжества, и замѣчательно, что Австрія говорила объ этомъ, какъ о пріобрѣтеніи уже совершившемся. Другіе пункты не менѣе важны; мы приведемъ ихъ здѣсь въ подлинникѣ.

Пунктъ третій. Австрійская монархія, присоединивъ, съ Божіею помощію, такъ или иначе, эти провинціи, и если она найдетъ въ нихъ для себя существенныя выгоды, то надобно будетъ исчислить пространство, народонаселеніе и осмотрѣть свойство почвы. Надобно будетъ также опредѣлить на деньги стоимость всей страны, для того, чтобы можно было знать, какія необходимыя издержки потребуются для ея пріобрѣтенія.

Пунктъ четвертый. Если бы Австрія послѣ этого изслѣдованія рѣшилась овладѣть страною, то надобно узнать, полезно ли будетъ это приращеніе территоріи для какой-либо изъ ея провинцій, принесетъ ли выгоду цѣлой имперіи, и въ чемъ будутъ состоять тѣ выгоды, которыя она извлечетъ изъ нихъ.

Пунктъ пятый. Какой вредъ причинитъ Турціи и Россіи потеря этихъ провинцій, если бы заставить ту и другую державу отказаться отъ нихъ? Наконецъ, въ какомъ расположеніи находятся жители: показываютъ ли они привязанность или нерасположеніе австрійскому правительству?

Вопросы эти, какъ видно, довольно послѣдовательны, а поэтому и отвѣты офицеровъ главнаго штаба были таковыже. Обнародованные въ первый разъ Шлецеромъ въ 1781 году, они съ неопровержимостію документа даютъ намъ возможность представить все это обстоятельство въ свѣтѣ, не подлежащемъ никакому сомнѣнію, и не прибѣгая ни къ какимъ предположеніямъ *). Но отвѣты австрійскихъ офицеровъ представляютъ слишкомъ обширный документъ, такъ что мы здѣсь не можемъ сообщить ихъ во всей подробности, а намѣрены представить возможно-полное ихъ содержаніе, ограничиваясь выпискою однихъ только важныхъ мѣстъ. Изъ отчета видно, что изслѣдованія коммиссіи простирались до самаго Днѣстра, поэтому видно, что и Бессарабія постоянно возбуждала честолюбивые замыслы австрійскаго дома. Что же касается самого свойства почвы, то одна только третья ея часть казалась годною къ воздѣлыванію. Безплодныя горы, болота, ровныя пространства, которыя впродолженіе зимы бываютъ покрыты водой, составляютъ остальную часть означенной мѣстности. Коммиссія оцѣнила ее въ двадцать милліоновъ гульденовъ. «Если бы захотѣли денежнымъ образомъ опредѣлить народонаселеніе этихъ областей, то принявъ во вниманіе то обстоятельство, что жители ихъ состоятъ въ подданствѣ великой Порты, можно было оцѣнить каждое семейство среднимъ числомъ въ пятьдесятъ флориновъ, — цѣна за которую трансильванскіе дворяне постоянно продаютъ своихъ рабовъ. Та-

---

*) Съ 1781 года Шлёцеръ началъ издавать свои *Staats-Anzeigen.* Документъ, о которомъ идетъ рѣчь, напечатанъ въ первой тетради этого повременнаго изданія подъ заглавіемъ *Bukowina.* Въ началѣ этого документа между прочимъ сказано: Es sind demnach zwei Stabs-Officiere von dem grossen General-Stab dahin (то есть, въ Молдавію и Валахію) abgesandt worden, die Gegend zu recognosciren, und über diese fünf vorgelegten Fragen den Bericht zu erstatten.

кимъ образомъ всэ населеніе этой страны стоило бы не болѣе какъ двадцать одинъ милліонъ пять сотъ тысячъ гульденовъ».

Что же касается выгодъ, которыя можно получить отъ присоединенія дунайскихъ княжествъ къ имперіи, то коммиссія ихъ раздѣляетъ на три рода: въ отношеніи военномъ, финансовомъ и торговомъ. Агенты австрійскіе, какъ люди военные, обращали преимущественно вниманіе на стратегическія выгоды, которыя представляетъ Молдавія и Валахія, въ отношеніи защиты имперіи со стороны Востока. «Въ этомъ направленіи, говорятъ они, трансильванскія горы раздѣляютъ на двѣ части австрійскія границы. Вѣнскій дворъ владѣетъ ихъ западнымъ склономъ, другая же часть, обращенная въ противоположную сторону, принадлежитъ Турціи». Но австрійскіе коммиссары ссылаются на то, что эта позиція весьма не удобна, если смотрѣть на нее съ точки стратегической. Армія расположенная у подошвы горы, или на ея отлогостяхъ, и которой аванпосты занимаютъ вершины, не въ состояніи защитить эту позицію отъ непріятельскаго вторженія. Даже патрули въ этомъ случаѣ не могутъ принести большой пользы; потому что множество ущелій и горныхъ долинъ, прорывающихъ эту горную мѣстность, легко могутъ служить непріятелю во время его вторженія, и онъ не замѣтно можетъ пройдти этимъ путемъ, устроеннымъ самою природой. «Чтобы защащать Австрію съ востока нужно овладѣть восточнымъ склономъ горъ, которыя составятъ тогда точку опоры для австрійской арміи и въ случаѣ потери сраженія можетъ облегчить ея отступленіе. Вершины горъ будутъ служить обсерваціоннымъ мѣстомъ, откуда можно будетъ наблюдать за непріятелемъ и слѣдить за всѣми его движеніями. Обезпечивъ такимъ образомъ тылъ, можно будетъ выступить за настоящія границы и держаться внѣ ихъ до самой минуты пораженія. Молдавія и Валахія вполнѣ удовлетворяютъ продовольственнымъ потребностямъ войска, чего нельзя встрѣтить въ горахъ, чрезъ которыя необходимо будетъ перевозить съѣстные припасы, что можетъ стоить огромныхъ издержекъ. Посему необходимо расширить къ востоку границы имперіи.

Чтобы достигнуть этого, не лучше ли будетъ раздвинуть границы во время мира при помощи трактата или другимъ какимъ-нибудь образомъ, чѣмъ дожидаться послѣдней минуты? *Одно передвиженіе столбовъ недостаточно, почему и необходимо употребить средства болѣе дѣйствительныя* *).

«Владѣніе Молдавіей будетъ имѣть особенную важность. Оно приведетъ въ прямое сообщеніе съ Трансильваніею недавно пріобрѣтенныя провинціи Галиціи и Ладомиріи. Армія будетъ проходить изъ одной области въ другую гораздо скорѣе и удобнѣе. Нѣкоторые горные проходы будутъ служить удобнымъ путемъ для артиллеріи и тяжелой кавалеріи. Войска, набранныя въ этой странѣ, будутъ во время войны прикрывать движенія главной арміи. Хотя Молдавія и Валахія не принесутъ государственной казнѣ значительныхъ доходовъ, но онѣ будутъ имѣть особенную важность въ торговомъ отношеніи.—Вся торговля Турціи съ Польшей, Украйной, Россіей, Германіей въ настоящее время производится чрезъ Букарестъ и Яссы. Съ завоеваніемъ этихъ областей, торговый путь измѣнитъ свое направленіе, и пойдетъ чрезъ Трансильванію, что гораздо удобнѣе и быстрѣе. Букарестъ обратится въ складочное мѣсто, откуда товары пойдутъ на Терцбургъ, Кронштатъ, Быстричъ или же на Германштатъ, Черновичъ и Сіатинъ. Валахія и Молдавія кромѣ того обилуютъ богатыми мѣдными рудниками, которыхъ жилы не скрыты въ глубинѣ земли, и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно распознать ихъ по цвѣту земной поверхности. Если они

---

*) *Staats-Anzeigen.* Отвѣтъ на четвертый вопросъ. Стр. 47. Здѣсь мы должны объяснить это передвиженіе межевыхъ столбовъ, которое едва ли не было исключительнымъ изобрѣтеніемъ австрійской политики. Мирабо въ сочиненіи своемъ De la monarchie Prussienne sous Frédéric le Grand, напечатанномъ въ Лондонѣ (т. VI, 1788), приводя въ переводѣ документъ Шлёцера, указываетъ на то обстоятельство, что Австрія, еще до своего коварнаго изслѣдованія дунайскихъ княжествъ, стала употреблять совершенно новый способъ разграниченія, именно то, что ночью переставляла тайно столбы на отмежеванномъ уже пространствѣ, что приводило въ совершенное недоумѣніе турецкихъ и румынскихъ коммиссаровъ. Cette poussée des aigles, — замѣчаетъ Мирабо, — pour marquer les limites en avant, s'est-elle faite secrettement, et à l'insu des voisins? Cela serait fort étrange; mais sous ce rapport même et pour donner à connoître l'esprit du cabinet de Vienne, cette pièce est très-curieuse. Ib. p. 287.

до-сихъ-поръ не были разработываемы, какъ слѣдуетъ, и если господари и бояре скрывали отъ турокъ ихъ существоніе, то это было по той причинѣ, что не хотѣли привлекать жадности мусульманъ. Кромѣ того дунайскія княжества владѣютъ еще каменно-соляными копями и многочисленными соляными озерами. Они снабжаютъ ими палатинскія и брацлавскія равнины, часть очаковскаго уѣзда, почти всю Молдавію, Валахію и Болгарію. Нѣкоторые округа княжествъ производятъ прекрасное вино. На ихъ плодоносныхъ степяхъ плодятся многочисленныя стада лучшихъ породъ. И эти-то торговыя выгоды, мѣдные рудники и соляныя копи, должны преимущественно обратить вниманіе нашего правительства».

«Если принимать во вниманіе съ какой стороны Австрія наиболѣе подвержена непріятельскому нападенію, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что восточная ея сторона наиболѣе другихъ требуетъ быть укрѣпленною. Такимъ образомъ, Австрія будетъ со временемъ въ состояніи расширить свои владѣнія даже по ту сторону дунайскихъ княжествъ, и еще болѣе увеличить свою территорію. Потому что, если Россія вздумаетъ овладѣть оттоманскою имперіей, наводнить ее своими войсками и разгромить ея береговыя укрѣпленія флотомъ, долженствующимъ для этого обогнуть почти всю Европу прежде достиженія цѣли своей, мы, какъ сосѣди, втеченіе одного только дня въ состояніи распространить власть свою отъ Орсовы до Силистріи. Если отъ этого послѣдняго мѣста протянуть боевую линію къ Варнѣ, на Черномъ морѣ, и затѣмъ отъ впаденія рѣки Подгорцы въ Днѣпръ, до устья послѣдняго, мы легко можемъ и съ большей для насъ выгодою овладѣть западнымъ берегомъ Чернаго моря».

Удовлетворивъ честолюбивыя мечты Австріи, коммиссія показываетъ затѣмъ, какія невыгоды произойдутъ какъ для турокъ, такъ и для русскихъ, когда она утвердится въ дунайскихъ княжествахъ, и на берегахъ Чернаго моря. Вопросъ этотъ не представляетъ особеннаго интереса, и мы не намѣрены входить въ дальнѣйшія объясненія по этому предмету, изложенныя въ донесеніи г.г. офицеровъ австрійскаго генеральнаго штаба.

Остается узнать, какое расположеніе имѣютъ жители

этихъ провинцій къ Австріи. Агенты этого государства раздѣляютъ народонаселеніе княжествъ на три класса: на духовенство, дворянство и земледѣльцевъ. «Нужно предполагать, — говоритъ донесеніе, — что первое изъ этихъ сословій должно чувствовать сильную антипатію къ австрійскому владычеству, и причины этому заключаются въ различіи религій, въ безпокойствѣ касательно ихъ имуществъ, и въ страхѣ потерять отчасти вліяніе, которое они имѣютъ на народъ. Всѣ эти причины могутъ внушать имъ одно отвращеніе къ Австріи. Даже счастливыя слѣдствія новыхъ преобразованій не въ состояніи не только ихъ тронуть, но даже не могутъ быть понятыми ихъ полудикимъ состояніемъ. Бояре въ одно и тоже время и боятся, и желаютъ австрійскаго завоеванія. Они боятся его, потому что этимъ окончится ихъ произвольное владычество надъ земледѣльцемъ, судьба котораго совершенно зависитъ отъ ихъ произвола. Однимъ словомъ они также подвержены страху, который чувствуетъ и духовенство».

«Жители деревень, болѣе расположены къ намъ. Не зная до настоящей войны соразмѣрнаго платежа податей, не имѣя средствъ приносить свои жалобы и не надѣясь пользоваться плодами своего труда, не имѣя даже въ виду доставить благосостояніе своимъ семействамъ, они усердно желали занятія княжествъ русскими, всегда надѣясь, что какова бы ни была перемѣна, судьба ихъ все-таки улучшится. Но въ настоящее время, видя что и русское занятіе для нихъ тягостно, они болѣе расположены къ намъ, и не смотря на сопротивленіе духовенства, взываютъ къ Австріи, потому что наконецъ поняли, какъ у насъ покровительствуютъ земледѣльцевъ, взимаютъ съ нихъ самыя умѣренныя подати и доставляютъ имъ жизнь спокойную, и во всѣхъ случаяхъ поступаютъ съ ними законно и справедливо».

«Мы увѣрены, что убѣжденіями и объясненіями можно будетъ склонить самое духовенство въ нашу пользу, которое въ свою очередь въ состояніи образумить и бояръ. Поэтому необходимо объяснить имъ, что притѣсняя земледѣльцевъ, они уменьшаютъ тѣмъ источники ихъ собственнаго богатства, отчего можетъ пострадать общественное благоденствіе,

упадокъ котораго поведетъ рано или поздно, къ конечному раззоренію».

«Когда же, такимъ образомъ, свѣтъ истины проникнетъ въ различные классы народа, то онъ съ радостію и любовію припадетъ къ скипетру нашихъ государей, славящихся своею гуманностію и правосудіемъ.»

Кажется ничего яснѣе и положительнѣе не можетъ быть, какъ этотъ документъ. Онъ весьма понятенъ и вѣнскій дворъ вовсе не думаетъ скрывать своихъ замысловъ. Мы сказали, что Буковина была первымъ шагомъ австрійскаго двора къ расширенію своихъ владѣній на востокѣ, который выжидаетъ только удобнаго случая, чтобы осуществить планъ Маріи-Терезіи касательно присоединенія Молдавіи и Валахіи.

Во время занятія въ 1854 году этихъ княжествъ, Австрія думала, что настало наконецъ время исполнить давно-ожидаемое, и почти на цѣлое столѣтіе отсроченное ея намѣреніе. Тайные ея замыслы возрастали все болѣе и болѣе и она упорно держалась въ княжествахъ, не смотря на не однократныя напоминанія со стороны европейскихъ державъ въ 1856 году очистить ихъ. Надѣялась ли Австрія, что Франція, Великобританія и Россія дадутъ ей полное право на это владѣніе? не думала ли она, что вся кровь, пролитая этими державами, всѣ милліоны, которые растратили онѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ, послужатъ единственно къ удовлетворенію честолюбія габсбурговъ? И не ужели эта война столь кровопролитная и столь дорогая, долженствовала доставить только австрійскому дому прямыя выгоды, а мощныхъ дѣятелей этой неслыханной брани обратить въ орудіе завистливыхъ стремленій австрійской державы? Нѣтъ сомнѣнія, что вѣнскій кабинетъ почти на вѣрное разсчитывалъ временное занятіе княжествъ, обратить въ постоянное владѣніе, и только настоятельныя требованія западныхъ державъ заставили Австрію отказаться отъ своей добычи. Но и съ-тѣхъ-поръ она не переставала дѣйствовать двусмысленно въ отношеніи этихъ княжествъ, потому что, когда наступила минута организаціи Молдавіи и Валахіи, когда эти господарства громко выразили желаніе имѣть собственную администрацію и одного владѣтельнаго князя, вѣнскій дворъ употребилъ всѣ свои

средства, все свое вліяніе, чтобы не допустить осуществиться сліянію обоихъ княжествъ, въ страхѣ, чтобы это соединеніе не дало бы имъ возможности возродить національную жизнь румынскаго народа. Но Австрія никогда не откажется отъ своей политики, потому что ей хочется, рано или поздно, овладѣть дунайскими княжествами, какъ хотѣлось завладѣть всею Италіею отъ Альповъ до Тарентскаго залива, стремленіе пріостановленное, и Богъ вѣсть, не отсроченное-ли только, — послѣднею войною. Она упорно слѣдуетъ по старому пути и никогда габсбургскій домъ не удовольствуется своими владѣніями; никогда онъ не теряетъ изъ виду своего надменнаго девиза: Austriae est imperare orbi Universo!

V.

Рядомъ съ стремленіемъ къ централизаціи, Австрія выступила въ государственной своей дѣятельности еще съ другою мѣрою, не менѣе первой подтверждающую собой то непреложное обстоятельство относительно неизмѣнной вѣрности ея къ традиціональной своей политикѣ, о которой мы неоднократно говорили въ предшествовавшихъ главахъ. Новая мѣра эта состояла въ возстановленіи духовнаго владычества со всѣмъ его фанатическимъ произволомъ, вызваннымъ въ формѣ извѣстнаго *конкордата*. Мы приведемъ ниже то дѣйствіе, которое этотъ конкордатъ произвелъ въ Германіи; но предупреждаемъ, что только въ Германіи, преимущественно протестантской, произвелъ онъ глубокое впечатлѣніе; у насъ же въ Россіи, онъ не обратилъ на себя надлежащаго вниманія, прошолъ почти незамѣченнымъ, и кромѣ летучихъ газетныхъ извѣстій, не вызвалъ никакихъ особенныхъ, спеціальныхъ сужденій. Не большая книга, вышедшая въ Вѣнѣ и озаглавленная: Studien über das oesterreichische Conkordat, уже по одному своему появленію въ столицѣ Австріи не могла быть принята безусловно. Это мѣра австрійской дипломатики есть верхъ торжества ея административной дѣятельности на пути гражданской и политической нивелировки народностей, обитающихъ въ предѣлахъ этого государства.

Но этотъ пресловутый конкордатъ не есть новое явленіе въ государственной жизни, или вѣрнѣе, въ государственномъ броженіи Австріи. Предшествовавшая историческая его судьба такъ любопытна, что не излишне будетъ посвятить ей нѣсколько страницъ предварительнаго разбора. Очевидна тайная его связь съ бывшимъ владычествомъ іезуитовъ, но связь эта совершенно была разорвана новыми идеями французской политики, — которыя начали проникать въ Австрію уже современи Іосифа II. Не смотря на усилія этого государя преобразовать Австрію, онъ на каждомъ шагу встрѣчалъ сильную оппозицію, такъ что и предъ смертью своею онъ ясно видѣлъ, какъ его лучшіе планы разрушаются одинъ за другимъ, какъ его самыя спасительныя мѣры не приводятся въ исполненіе. Еще Леопольдъ II поддерживалъ нѣкоторыя изъ его преобразованій, но скончавшись въ 1792 году, онъ оставилъ наслѣднику своему Францу II и канцлеру Тугуту свободный просторъ возстановить прежнюю политику. Изгнанные изъ имперіи іезуиты оставили послѣ себя свою систему, которая и во время ихъ отсутствія продолжала управлять народами, обязанными ей своею грубостію, и, руководствовать высшими классами, которые она такъ легко успѣвала развращать. Съ возстановленіемъ ихъ вліянія, вначалѣ нашего вѣка, іезуиты могли съ гордостью сказать, что труды ихъ не погибли. Дѣло шло здѣсь о томъ, чтобы во-что бы ни стало снова завладѣть властію и для этой цѣли они не пренебрегали никакими средствами. Усилія ихъ были увѣнчаны полнымъ успѣхотъ. Они господствуютъ и въ настоящее время подъ австрійскимъ покровительствомъ, они заставили его подтвердить религіозный договоръ 1855 года, — возбудивъ этимъ Австрію противъ Піемонта, потому что Сардинія изгнала 25-го августа 1848 года и конфисковала всѣ ихъ недвижимыя имущества *).

Разсмотримъ этотъ рядъ грустныхъ событій духовнаго преобладанія, начиная съ 1780 года до времени введенія конкордата. Подписанный 18-го августа, обнародованный 5-го

---

*) Можно сравнить, по этому случаю, манифестъ папы, изданный противъ Піемонта въ 1855 году.

ноября 1855 года, австрійскій конкордатъ имѣлъ слѣдствіемъ возбужденіе въ Германіи богословскихъ страстей. Страна Іоанна Гусса, Лютера и Меланхтона снова была возмущена, какъ бы приближающеюся грозою, конецъ которой нельзя было ни предвидѣть, ни измѣрить всю силу ея опустошенія. Протестанты, кальвинисты, и другія секты, порожденныя реформаціей, начали сильно волноваться.

Кровавыя воспоминанія о тридцати-лѣтней войнѣ возникли снова въ воображеніи германскихъ народовъ; потому что австрійскій конкордатъ, служилъ непреложнымъ доказательствомъ самой униженной покорности, какую только могъ получить папскій престолъ отъ свѣтской власти. Со времени жестокой зимы 1077 года, когда ледъ покрывалъ Рейнъ отъ ноября до апрѣля, и когда императоръ Генрихъ IV провелъ цѣлыхъ три дня, стоя босыми ногами, въ одной покаянной рубахѣ, безъ пищи, па дворѣ замка Каносса, испрашивая себѣ прощенія у фанатическаго Григорія VII, — съ-тѣхъ-поръ міръ не видалъ ничего подобнаго этому конкордату. Приверженцы его не только не стараются скрыть, но даже не думаютъ и ослаблять его громаднаго значенія. Въ упомянутой выше брошюрѣ, изданной въ Вѣнѣ безъ имени автора, носящей однакожъ всѣ признаки оффиціальнаго голоса, находимъ эти замѣчательныя строки: «пространно изложенные конкордаты, касающіеся самыхъ существенныхъ вопросовъ, опредѣлили въ 1851 году духовныя дѣла Испаніи и Тосканы; но австрійская конвенція 18-го августа сего года имѣетъ совершенно другой смыслъ и есть, по всей справедливости, единственная въ своемъ родѣ. Она совершенно уничтожаетъ тѣ притязанія свѣтской власти, которыя возбуждены были въ Германіи примѣромъ галликанской церкви и возвращаетъ католицизму его прежнія права, находившіяся столь долго въ униженіи *)».

Появленіе этой брошюры не менѣе было любопытнымъ и внѣ Австріи. «Конкордатъ есть актъ, — сказано далѣе, — которому суждено занять не послѣднѣе мѣсто въ нашей исторіи. Императоръ и папа съ одинаковымъ удовольствіемъ

*) Studien über das österreichische Concordat. 1856. Wien, p. 41.

подписали его; потому что онъ утвердилъ миръ и спокойствіе, устранивъ тѣмъ большія недоразумѣнія».

«Императоръ имѣлъ поводъ быть довольнымъ. Онъ составилъ актъ единодушнаго равенства, память о которомъ будетъ служить ему славнымъ вѣнцомъ до послѣднихъ нашихъ потомковъ, и который поставилъ его на ряду съ *Константиномъ* и *Карломъ-Великимъ*, прославившимися въ исторіи своимъ покровительствомъ православной церкви, въ чемъ и заключается все ихъ истинное величіе *).

«Верховный первосвященникъ также имѣетъ причину быть довольнымъ. Онъ долженъ надѣяться, что изъ этого новаго сѣмени родится и произрастетъ лучшее будущее для Австріи. Чего добивался Пій VI въ своемъ замѣчательномъ и трудномъ путешествіи, то, по милости небесной, досталось въ удѣлъ Пію IX. Если бы конкордатъ 1848 году, былъ также радикальнымъ, то, быть можетъ, мнимая реформа не взволновала бы цѣлый міръ своими ужасными переворотами и кровавыми слѣдствіями».

Явленіе конкордата болѣе всего произвело волненіе въ Пруссіи. Здѣсь увидѣли въ немъ ловушку для протестантизма, въ которую онъ неминуемо долженъ попасть, по крайней мѣрѣ въ областяхъ австрійской имперіи. И не для однихъ протестантовъ Австріи раскинуты эти предательскія сѣти; онѣ равно угрожаютъ и православному населенію этого государства, которое неминуемо подпадетъ подъ торжествующій католицизмъ апостольской державы. Даже въ самой Австріи слышатся жалобы. Множество людей, какъ свѣтскаго такъ и духовнаго чина, остались вѣрными церковнымъ правиламъ, введеннымъ Іосифомъ II и распространеннымъ въ сѣверной Германіи втеченіе его двадцатилѣтняго царствованія. Николай Гонтгеймъ викарій архіепископа трирскаго, издалъ въ 1763 году безъимянное сочиненіе **) подъ заглавіемъ: «О состояніи церкви и законномъ владычествѣ римскаго первосвященника», въ одной книгѣ, изданной Іустиномъ Феброніемъ.

---

*) Worin wesentlich ihre ganze Grösse wurzelt. Ibid.

**) Justini Febronii, De statu Ecclesiae et legitima potestate Pontificis, liber singularis.

Это имя, какъ видно, было псевдонимомъ, но оно сохранилось въ его послѣдователяхъ, которые сдѣлались извѣстны въ Германіи подъ именемъ Фебронiанъ. Въ основаніи системы Фебронiа лежатъ слѣдующія начала: *во-первыхъ*, совершенная независимость государей въ дѣлахъ свѣтскихъ; главы церкви не могутъ отрѣшать ихъ ни прямо, ни косвенно, ниже освобождать ихъ подданныхъ отъ повиновенія имъ. *Во-вторыхъ*, высшая власть соборовъ, долженствуетъ быть утверждена на соборѣ константскомъ, котораго правила были одобрены самимъ папою. Правила эти заключали въ себѣ то, что если бы папа, или какое-либо другое лицо, оказываютъ неповиновеніе опредѣленіямъ соборовъ, *то таковые ослушники должны подвергнуться наказанію, соразмѣрному ихъ винѣ и должны быть наказаны такъ, какъ они заслуживаютъ того. А въ случаѣ недостаточности каноническаго права для прiисканія ослушникамъ заслуженныхъ наказаній, можно будетъ прибѣгать къ уголовнымъ законамъ. Въ-третьихъ*, хотя папа и имѣетъ прямое вліяніе на дѣла вѣры, но рѣшенія его не могутъ имѣть силы, если онѣ не утверждены всею церковью. *Въ-четвертыхъ*, апостольская власть не можетъ преступать законовъ вдохновенныхъ Святымъ Духомъ и освященныхъ общечеловѣческимъ къ нимъ благоговѣніемъ, такъ что постановленія и обычаи, принятые въ христіанскихъ державахъ, должны оставаться неизмѣнными. Таковы были постановленія католической церкви въ 1682 году, что произвело нѣчто въ родѣ демократическаго переворота въ ея нѣдрахъ. Великій первосвященникъ, съ потерею своей безусловной власти былъ устраненъ отъ вліянія на свѣтскія дѣла, и принужденъ былъ ограничиться одною церковною властію.

Фебронiанизмъ уменьшилъ власть папъ къ великой радости протестантовъ, видѣвшихъ въ этомъ сближеніе католицизма съ ихъ идеями. Князья-архіепископы майнцкій, трирскій, кельнскій и архіепископъ зальцбургскій нашли это согласнымъ съ ихъ желаніемъ; потому что этимъ они сами освобождались отъ римскаго владычества. Въ 1786 году они имѣли въ Эмсѣ совѣщаніе по этому предмету, слѣдствіемъ котораго было окончательное принятіе ученія Фребонія.

Ученіе это нѣсколько лѣтъ волновало всю Австрію. Едва

только взошелъ на престолъ Іосифъ II, въ 1780 году, какъ тотчасъ пожелалъ внести въ свое государство начала, распространенныя мыслителями XVIII вѣка, и поэтому случаю онъ поспѣшилъ издать эдиктъ вѣротерпимости, возстановлявшій равенство вѣроисповѣданій. Протестанты, доселѣ гонимые, пріобрѣли право проповѣдывать свое ученіе публично. Іосифъ позволилъ имъ даже воздвигать свои храмы. Евреи были допущены ко всѣмъ государственнымъ должностямъ. Что же касается католиковъ, то они по возможности были отдѣлены отъ римскаго престола. Императоръ велѣлъ закрыть семь-сотъ монастырей и употребилъ ихъ доходы на пользу бѣлаго духовенства. Онъ возложилъ на монахинь благотворительные труды, запретилъ продажу индульгенцій и аммулетокъ, однимъ словомъ, число лицъ низшаго духовенства въ его царствованіе уменьшилось до тридцати тысячъ. Наконецъ онъ велѣлъ исключить изъ служебника молитву папы Григорія VII, которая такъ долго напоминала униженіе Генриха IV.

Такія нововведенія, приведенныя въ дѣйствіе тотчасъ по ихъ обнародованіи, сильно потрясли римскій дворъ. Папа посылалъ письмо за письмомъ, но его увѣщанія не произвели никакого дѣйствія. Тогда Пій IV рѣшился лично отправиться въ Вѣну. Каносское событіе повторилось снова, но уже на оборотъ: въ XI вѣкѣ свѣтская власть преклонялась предъ надменностію власти духовной; теперь же католичество было вынуждено предстать униженнымъ просителемъ предъ императорскимъ престоломъ.

Іосифъ II, подобно Григорію VII, былъ неумолимъ. Папа былъ принятъ вѣжливо, со всѣми знаками глубокаго уваженія, но тѣмъ не менѣе онъ ничего не выигралъ. Рѣшеніе монарха-философа оставалось неизмѣннымъ, и ни французское вторженіе, ни вѣнскій конгресъ, ни послѣдующія за тѣмъ три десятилѣтія не уничтожили созданія Іосифа II. Оно составило церковный кодексъ, въ которомъ помѣщены были церковныя постановленія отъ начала имперіи до 1849 года. и только рескриптомъ теперешняго государя 23 апрѣля 1850 года былъ нанесенъ первый ударъ церковнымъ постановленіямъ Іосифа II. Но послѣ семидесятилѣтняго существованіи постановленія эти не могутъ же совершенно погибнуть, ея

оставивъ послѣ себя слѣдовъ. Феброниизмъ или іозефизмъ, какъ его еще называютъ, имѣетъ и до-сихъ-поръ въ австрійскихъ владѣніяхъ многочисленныхъ послѣдователей, порицающихъ конкордатъ. Правительство не можетъ пренебрегать ихъ возраженіями, потому что они основываются на началахъ достойныхъ уваженія и освященныхъ уже временемъ. Полемика поднятая по этому случаю въ Австріи, нужно признаться, ведется съ большимъ знаніемъ дѣла и весьма осторожно. Низшее духовенство не могло читать безъ явнаго опасенія трактатъ, заключенный съ римскимъ престоломъ. Этотъ трактатъ защищаетъ всѣ права и интересы высшаго духовенства, но не заключаетъ въ себѣ ничего въ пользу клира; онъ не оставляетъ ему никакой защиты отъ своеволія высшихъ духовныхъ властей. Эти власти имѣютъ полное право давать своимъ подчиненнымъ самыя прибыльныя мѣста, отставлять ихъ отъ должностей, наказывать, подвергать заключенію, однимъ словомъ распоряжаться ими по собственному произволу. Въ числѣ недовольныхъ конкордатомъ находится и Брукъ, министръ финансовъ. Огромныя уступки, сдѣланныя папскому правительству, устрашили и этого государственнаго мужа. Не только для него, но и для нѣкоторыхъ другихъ конкордатъ предзнаменуетъ ужасную грозу, не смотря на то, что вѣнскій дворъ, по ихъ мнѣнію, находится въ какомъ-то роковомъ самообольщеніи. Францъ-Іосифъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ недовольныхъ, допустилъ въ своихъ владѣніяхъ господство такой власти, которая неминуемо пересилитъ его собственное могущество или, по крайней мѣрѣ, станетъ оспаривать у него первенство власти. Близкая борьба неизбѣжна. Какіе важные перевороты могутъ произойти отъ подобнаго столкновенія! Еще въ апрѣлѣ 1856 года раздавались первые раскаты грома. Императоръ созвалъ соборъ, на которомъ предсѣдательство предполагалъ отдать вѣнскому архіепископу; между тѣмъ Пій IX собралъ тотъ же соборъ, но не упомянулъ ничего о министерскомъ циркулярѣ, а что касается до архіепископа Отмара, то этотъ святитель долженствовалъ явиться не какъ предсѣдатель, а какъ членъ церкви. Мы приводимъ это для того, чтобы показать, какъ, даже въ самой Австріи смотрѣли и еще смотрятъ на безусловное возста-

новленіе духовной власти въ формѣ конкордата. Не говоримъ уже о томъ смятеніи, которое произвелъ онъ въ народномъ образованіи, въ литературѣ и семейномъ быту. Всѣ эти явленія гражданской жизни должны подчиниться епископской власти и ея рѣшеніямъ. Австрійское правительство съ своей стороны не оставляетъ безъ вниманія ни возраженій, ни жалобъ; напротивъ, оно отвѣчаетъ на нихъ въ журнальныхъ статьяхъ и брошюрахъ, тщательно обработанныхъ. Эти сочиненія объясняютъ смыслъ конкордата, показываютъ намѣренія Австріи, выставляютъ ея планы и проекты. Чтобы понять ихъ, для этого не требуется особеннаго усилія. Они доказываютъ, что настоящій договоръ есть одинъ изъ самыхъ важныхъ современныхъ явленій, какъ въ мірѣ умственномъ, такъ и въ политическомъ.

Нельзя не удивляться, какъ дѣтски вѣруетъ Австрія въ зданіе, которое силится построить на конкордатѣ. Мечты ея въ этомъ отношеніи такъ странны, такъ наивны, что не могутъ не составлять замѣчательнаго явленія въ современной ея политикѣ. Послѣ тридцати вѣковаго опыта, послѣ столькихъ событій, запечатлѣнныхъ кровію и слезами, неужели можно еще обольщаться подобными несбыточными мечтами? Простаго взгляда достаточно, чтобы убѣдиться, какъ онѣ ничтожны, какое разочарованіе готовятъ онѣ вѣнскимъ дипломатамъ. Однакожъ постараемся продолжать наше безпристрастное повѣтствованіе, посмотримъ, какъ наяву бредятъ австрійскіе публицисты, какія надежды возлагаютъ они на конкордатъ, на который смотрятъ какъ на предвѣстника золотого вѣка, но который въ сущности есть скорѣе предвѣстникъ военныхъ смутъ, угрожающихъ Европѣ.

Преобразованія, произведенныя габсбургскимъ домомъ, со времени побѣды, одержанной императорской партіей, не могли обойтись, говорятъ приверженцы конкордата, безъ того, чтобы не подорвать и не сокрушить множество зданій въ существующемъ порядкѣ государственной жизни. Нужно сознаться, говорятъ они, что подобныя преобразованія не обходятся безъ жертвъ и сотрясеній; но договоръ 18-го августа предупредитъ могущія произойти катастрофы. Съ его введеніемъ установится единство во всемъ внутреннемъ

управленіи. Всѣ мѣры, всѣ повелѣнія истекающія отъ верховной власти, не будутъ однимъ пустымъ голосомъ, но множество трудолюбивыхъ дѣятелей, разсѣянныхъ повсюду, однимъ словомъ множество духовныхъ лицъ, будутъ всегда готовы осуществлять мысль и намѣреніе своего государя. Нечего страшиться, говорятъ приверженцы конкордата, тѣхъ преимуществъ, которыя предоставлены римскому престолу трактатомъ 18-го августа. Предоставляя римской духовной власти ближайшее и свободное общеніе съ австрійскимъ духовенствомъ, нельзя думать, чтобы Римъ употребилъ во зло это сближеніе. Все это послужитъ только къ благоденствію Австріи, послужитъ къ тому, чтобы исправить и сдѣлать болѣе нравственнымъ ея духовенство. Преемникъ святаго Петра имѣетъ своей первою нуждою, чтобы всѣ пастыри были образцами добродѣтели? Тогда только онъ можетъ разсчитывать на ихъ повиновеніе и преданность; тогда только будетъ въ состояніи управлять этимъ воинствомъ Церкви. Такимъ образомъ папа будетъ бодрствовать надъ духовенствомъ Австріи, онъ свяжетъ его строгою дисциплиною и поведетъ стезею правды, а епископы и священники Австріи обратятся въ ангеловъ чистоты и самоотверженія.

Но, спросятъ, — какія выгоды можетъ найти народъ въ этомъ религіозно-политическомъ договорѣ? Какую пользу можетъ доставить конкордатъ тѣмъ различнымъ національностямъ, которыя сгруппированы вокругъ престола Франца Іосифа? На это австрійскіе дипломаты даютъ слѣдующій отвѣтъ: что никогда, ни какое постановленіе не было такъ счастливо для народа какъ конкордатъ, который одинъ въ состояніи разлить потоки милостей на населеніе всей страны. Отвѣтъ ихъ, какъ видно, чрезвычайно оригиналенъ. Если вѣрить этимъ господамъ, то австрійскій конкордатъ пропитанъ весь либеральными идеями, есть нѣчто въ родѣ свободной хартіи австрійской имперіи. Но если внимательно присмотрѣться, такъ эта свободная хартія 18-го августа выгодна не для одной Австріи. Она подобно древнему Янусу двулична и обращена одной стороной внутрь государства, а другою къ державамъ, гдѣ католицизмъ владычествуетъ

во всей своей силѣ. Вызвавшись быть верховнымъ протекторомъ католицизма при помощи полумилліона штыковъ, голосъ австрійскаго монарха далъ знать Риму, что Церковь Запада нашла наконецъ въ немъ могущественнаго защитника, способнаго во всякомъ случаѣ поддержать ея вліяніе и защитить ея интетересы. При этомъ неожиданномъ извѣстіи вся протестантская Германія пришла въ движеніе. Необходимо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи господствующая религія народа не соотвѣтствуетъ исповѣданію верховной власти. Эта разница вѣры между народомъ и государями, появилась со времени вѣнскаго конгреса, который подчинилъ нѣкоторыя католическія княжества протестантскимъ владѣтелямъ и обратно. Съ-тѣхъ-поръ явилось постоянное стремленіе приверженцовъ реформы тайно подкапывать въ своихъ владѣніяхъ католичество, чтобы достигнуть единства вѣрованій. Теперь, когда католическіе подданные этихъ государствъ видятъ въ Австріи вооруженную защитницу своего вѣроисповѣданія, они не покорятся ни какимъ угрозамъ и не поддадутся ни какимъ хитростямъ. По сему надобно будетъ, въ случаѣ если они не измѣнятъ своихъ намѣреній, употребить противъ нихъ силу. Надобно будетъ, какъ объ этомъ говорилъ недавно франкфуртскій журналъ, изгнать епископовъ изъ ихъ епархій и конфисковать ихъ имущество. Но въ такомъ случаѣ Австрія, чувствуя свою силу, воодушевленная духомъ католицизма, потребуетъ исполненія условій вестфальскаго мира *). «Тѣмъ лучше! вос-

*) Вестфальскій миръ (1645), окончившій знаменитую тридцатилѣтнюю войну, утвердилъ, какъ извѣстно, въ Европѣ систему политическаго равновѣсія, которое держалось впродолженіе почти полутора столѣтія, до временъ французской революціи. Когда на этомъ конгресѣ были улажены внѣшнія политическія отношенія Германіи, приступили къ обсужденію важнѣйшаго пункта, то есть, къ религіи, которая была, если не единственною причиною, то главнымъ поводомъ, главнымъ предлогомъ и конечно одною изъ сильнѣйшихъ внутреннихъ пружинъ тридцатилѣтней войны. Дипломаты составлявшіе конгресъ, при всемъ своемъ искусствѣ, совсѣмъ не выполнили своего высокаго призванія. Религіозный вопросъ вестфальскаго мира такъ важенъ, что заставляетъ насъ войти въ нѣкоторыя подробности по этому предмету. Столь важное дѣло, какъ религіозная свобода совѣсти, члены конгреса обсудили поверхностно, рѣшили на скорую руку. Положено было возвратиться къ аугсбургскому миру 1555 года, съ тѣмъ только распростра-

клицаетъ панегиристъ австрійскаго конкордата, «слава и торжество орламъ императора, если онъ вынужденъ будетъ обнажить мечь свой!» Подобное объясненіе понятно; не прямая ли это угроза, не явный ли вызовъ цѣлой Европѣ, и преимущественно лютеранамъ и кальвинистамъ? Вотъ каковы задушевныя мысли Австріи, и тѣ плоды, которые она обѣщаетъ принести своимъ договоромъ съ Римомъ. Все это ясно изложено въ ея полуоффиціальныхъ книгахъ поэтому предмету изданныхъ, а также и въ окружной грамотѣ ар-

---

неніемъ, что и реформаты признаны были въ равныхъ правахъ съ лютеранами. Для рѣшенія, гдѣ какое вѣроисповѣданіе должно считаться господствующимъ, назначенъ былъ 1624 годъ, какъ нормальный. Земли, которыя въ началѣ этого года были католическими, признаны и теперь такими же; что жъ касается до взаимнаго разграниченія лютеранъ и реформатовъ, то оно произведено было независимо отъ нормальнаго года на основаніи современнаго состоянія. При господствующемъ вѣроисповѣданіи два прочія пользовались большею или меньшею терпимостью, смотря уже по мѣстнымъ учрежденіямъ, независимо отъ общаго порядка. Такимъ образомъ свобода совѣсти, въ собственномъ смыслѣ, предоставлена была только политическимъ частямъ имперіи и ихъ владѣтелямъ; народъ долженъ былъ пользоваться ею, не какъ личнымъ правомъ, но какъ случайнымъ преимуществомъ страны, или какъ милостью правительства. Взаимное отверженіе и презрѣніе другъ къ другу съ обѣихъ сторонъ не прекратились; этого нельзя было сдѣлать посредствомъ протокола. По крайней мѣрѣ, съ-тѣхъ-поръ права и повинности гражданъ признаны были независимыми отъ различія вѣроисповѣданій. Въ равныхъ обстоятельствахъ, при равныхъ условіяхъ всѣ одинаково подлежали суду и милости закона. Для водворенія совершеннаго равновѣсія въ этомъ отношеніи, положено было во всѣ коллегіальныя собранія допускать по равному числу членовъ всѣхъ трехъ признанныхъ вѣроисповѣданій. Что же касается до имперскаго сейма, гдѣ подобное равенство не могло имѣть мѣста, то не только во всѣхъ собственно религіозныхъ совѣщаніяхъ, но и всегда, какъ только голоса дѣлились по религіознымъ партіямъ, рѣшеніе опредѣлялось уже не простымъ большинствомъ голосовъ. Все это было разсчитано очень искусно и повидимому обезпечивало религіозную независимость. Но, во-первыхъ, самая эта искусственность въ приложеніи подавала поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ; во-вторыхъ, это былъ не живой организмъ, а машина, которая, при всей хитрости своего устройства, отъ перваго случая могла повредиться и разрушиться. Впрочемъ, и слѣдствіемъ отчасти этой механики, отчасти общаго направленія умовъ, котораго она сама была выраженіемъ, религіозный энтузіазмъ вскорѣ охладѣлъ до такой степени, что зданіе вестфальскаго мира въ этомъ отношеніи не испытало никакой опасности. Нельзя сказать, чтобы тридцатилѣтняя война была послѣднимъ заревомъ религіознаго фанатизма; вотъ почему протестантскіе публицисты предугадываютъ въ стремленіяхъ австрійскаго конкордата возстановить условія вестфальскаго мира.

хіепископа Отмара. Какимъ же образомъ государственные люди, посѣдѣлые въ дѣлахъ, могутъ обольщать себя подобными мечтами, могутъ обманывать себя такими несбыточными надеждами?

Всѣ эти мечты, всѣ эти пустыя надежды имѣютъ въ основаніи ту дѣтскую мысль, будто бы эти новыя права, и новыя преимущества данныя австрійскому духовенству, поставятъ народъ, аристократію, самого императора и духовныя лица, выше всякой человѣческой природы; что все это поведетъ къ уничтоженію пороковъ, къ искорененію честолюбивыхъ и другихъ преступныхъ желаній; что граждане и ремесленники украсятся всевозможными добродѣтелями, и самое дворянство содѣлается болѣе воздержнымъ, послушнымъ, благочестивымъ. Поэтому Австрія въ скоромъ времени содѣлается обѣтованною землею, гдѣ золотой вѣкъ покажетъ всѣ свои чудеса, и тѣ, которымъ не суждено будетъ родиться на берегахъ Дуная, Дравы или Тиссы, станутъ жаловаться на свою судьбу, отказавшую имъ въ этомъ блаженствѣ.

Неужели есть люди, которые будутъ утверждать, что католическіе священники находились доселѣ въ совершенной зависимости, что они постоянно занимали самое низшее положеніе въ государствѣ? Лѣтописи среднихъ вѣковъ повѣствуютъ совершенно противное. Лѣтъ двѣсти тому назадъ католическое духовенство владѣло тѣми же привиллегіями, которыми снова его жалуютъ. Впродолженіе многихъ вѣковъ оно господствовало въ Европѣ, неоднократно заставляя царей преклонять предъ нимъ свои колѣни. Неоднократно поднимало оно во имя Христа цѣлые народы, самовластно господствуя надъ умами и совѣстію сильныхъ міра сего. Но въ этой безусловной власти своей сохранило ли оно безкорыстіе, милость, правоту? Убійства альбигойцевъ, варфоломеевская ночь, казни совершенныя Филиппомъ II, Борджіи, тридцатилѣтняя война, инквизиція, іезуиты, нантскій эдиктъ, гоненія воздвигнутыя французами и австрійцами на протестантовъ, — все это доказываетъ противное, все это обнаруживаетъ горькую истину, что привиллегіи не облагородили тѣхъ, которые ими владѣли. Всего лучше доказываетъ

это внутренняя исторія католическаго духовенства. Въ средніе вѣка развращеніе нравовъ было столь велико, что съ каждымъ днемъ оно все болѣе и болѣе внѣдрялось въ самые монастыри. Это всеобщее растлѣніе вызывало чрезъ каждыя пятнадцать или двадцать лѣтъ новыя преобразованія. Петръ Даміани, итальянскій епископъ XI вѣка, написалъ цѣлую книгу, въ которой подробно изображены нравы духовенства, заставляющіе краснѣть даже людей самаго легкаго поведенія. Папа Викторъ II принялъ мѣры для исправленія этого всеобщаго разврата, но возбудилъ противъ себя всѣхъ римскихъ пастырей, составившихъ противъ него заговоръ. Одинъ иподіаконъ влилъ ему въ чашу вино, смѣшанное съ отравой, но не будучи въ состояніи сохранить присутствіе духа во время оскверненія святыни, онъ самъ измѣнилъ себѣ, былъ обличенъ въ преступленіи и сложилъ голову свою на плахѣ. Церковная власть Запада не только что охватила огромное пространство европейской территоріи, она не только что показывала ненасытную алчность, наклонность къ безумной роскоши и запретнымъ удовольствіямъ, владѣя, вопреки Евангелію, толпою рабовъ, но она еще стремилась ступить ногою на главу вѣнчанныхъ кесарей. Требованія эти были заявлены папами еще со времени IX вѣка. Григорій IV и Николай I открыли тотъ путь, на который ихъ преемники долженствовали выступить въ торжественной колесницѣ. Григорій VII, установивъ въ нѣдрахъ церкви не ограниченную власть, добился всемірнаго владычества и внѣ ея предѣловъ. Иннокентій III упрочилъ начатое его предшественниками, а Бонифацій VIII увѣнчалъ полнымъ успѣхомъ дѣло, начатое двумя Григоріями. Знаменитая папская булла, In coena Domini *), — изданная въ 1568 году, пока-

*) Буллы *in coena Domini* принадлежали къ разряду буллъ, такъ называемыхъ, *экскомуникаціонныхъ* (отлучительныхъ), противъ еретиковъ и преступниковъ, противъ морскихъ разбойниковъ, оскорбителей прелатовъ, возмутителей и противниковъ духовной власти, которыхъ всѣхъ проклинали. Буллы эти провозглашались въ *чистый четвергъ* кардиналомъ діакономъ, въ присутствіи папы и конгрегаціи; оттого и получали онѣ наименованіе буллъ *in coena Domini*. Этотъ всенародный соблазнъ былъ прекращенъ въ 1770 году Климентомъ XIV.

зала, что папы никогда и не думали отказываться отъ своихъ стремленій къ религіозно-политическому преобладанію надъ міромъ. Триста лѣтъ минуло съ-тѣхъ-поръ и содержаніе конкордата показываетъ, что надменный геній Григорія VII не переставалъ воодушевлять Церковь Запада.

Пора теперь изложить и самое содержаніе конкордата, который, какъ мы неоднократно упоминали, былъ окончательно заключенъ съ римскимъ дворомъ въ 1855 году. Ознакомившись достаточно съ тѣмъ положеніемъ, въ какое было поставлено австрійское духовенство съ конца прошедшаго столѣтія, мы ясно видѣли, что Ватиканъ смотрѣлъ на іозефизмъ, какъ на величайшаго своего врага. Законы императора Іосифа II, не произведя въ положеніи Церкви въ Австріи столь радикальной перемѣны, какую революція произвела во Франціи, крайне однако стѣснили сношенія членовъ католическаго духовенства въ Австріи, какъ между собою, такъ и съ римскимъ дворомъ; а общее положеніе Церкви въ австрійской имперіи, было для папы постояннымъ предметомъ скорби и жалобъ. Измѣнить это положеніе было тѣмъ труднѣе, что государство находило въ немъ свою выгоду, и что само духовенство легко уживалось съ нимъ, вслѣдствіе той независимости, которую оно давало ему относительно римскаго двора. Наконецъ та и другая сторона свыклись съ этимъ порядкомъ вещей, который, будучи освященъ временемъ, казался тѣмъ болѣе прочнымъ, что былъ въ духѣ современныхъ идей. Но событія 1848 года произвели въ Австріи глубокое впечатлѣніе, можетъ быть еще большее, чѣмъ въ остальной Европѣ. Философскія ученія, стремившіяся разрушить общества и измѣнить карту Европы, заставили искать защиты въ религіозномъ авторитетѣ, какъ самомъ прочномъ основаніи порядка и самомъ могущественномъ консервативномъ средствѣ. Притомъ молодой императоръ, воспитанный вѣнскимъ архіепископомъ, вступая на престолъ, обнаружилъ особенную склонность къ религіознымъ идеямъ. Самая излишняя подозрительность въ предосторожностяхъ, принятыхъ для охраненія преимуществъ государства въ отношеніяхъ его къ Церкви, оправдывая мысль преобразованія этихъ законовъ, облегчала всякую попытку

къ переговорамъ съ Римомъ объ этомъ предметѣ. Переговоры между обоими правительствами начались, какъ мы указали съ 1850 года, и уже тогда императоръ Францъ-Іосифъ увѣрилъ папу въ своемъ намѣреніи условиться съ нимъ въ измѣненіи положенія католической Церкви въ Австріи, измѣненіи болѣе сообразномъ съ желаніями его святѣйшества.

Это важное порученіе было возложено папою на кардинала Віале-Преля, самаго замѣчательнаго въ настоящее время представителя римской дипломатіи; со стороны же Австріи былъ назначенъ вѣнскій архіепископъ Раушеръ. Переговоры эти, хранившіеся въ глубокой тайнѣ до времени своей развязки, ускользаютъ въ настоящее время отъ гласности, и потому мы должны ограничиться изложеніемъ ихъ результатовъ. Конкордатъ былъ подписанъ 18-го августа 1855 года. Этотъ трактатъ, обнимающій всѣ отношенія Ватикана, какъ къ австрійской церкви, такъ и къ государству, состоитъ изъ 36 статей, написанныхъ вообще коротко, афоризматически. Нельзя было сказать, что католическая церковь будетъ государственною религіею, такъ какъ австрійская имперія заключаетъ въ своихъ обширныхъ провинціяхъ различныя національности, исповѣдующія не одну католическую вѣру. Это затрудненіе было искусно обойдено. Статья 1-я постановляетъ, что католическая, апостольская и римская религія будетъ постоянно хранима на всемъ протяженіи австрійской имперіи и во всѣхъ провинціяхъ ее составляющихъ, въ совершенномъ согласіи со всѣми правами и преимуществами, которыми она должна пользоваться въ силу порядка, установленнаго Богомъ и каноническими законами. Статья 2-я уничтожаетъ воздвигнутыя Іосифомъ II преграды между папою и австрійскимъ духовенствомъ. Она говоритъ, что такъ какъ римскому первосвященнику принадлежитъ по божественному праву первенство юрисдикціи во всей церкви, то взаимныя сношенія епископовъ, и духовенства съ Ватиканомъ во всемъ, что касается духовныхъ дѣлъ, не будутъ подчинены необходимости получать утвержденіе высшей власти и будутъ совершенно свободны. Точно также, по статьѣ 3-ей, архіепископы или епископы и прочій клиръ, могутъ свободно сообщаться, для исполненія своей пастырской обязанности, съ духовен-

ствомъ и народомъ своихъ епархій. Они безпрепятственно могутъ обнародывать свои инструкціи и предписанія въ церковныхъ дѣлахъ. Статья 4-я даетъ архіепископамъ и епископамъ право рукополагать священниковъ и благословлять на служеніе низшій церковный причтъ по предварительномъ снесеніи съ его императорскимъ и королевскимъ величествомъ, учреждать, соединять или раздѣлять приходы, созывать областные соборы и епархіальные синоды, равно какъ и обнародывать ихъ акты. Статья пятая, касающаяся народнаго образованія, имѣетъ большое значеніе. Она постановляетъ, что образованіе всего католичекаго юношества во всѣхъ школахъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, будетъ сообразно съ ученіемъ католической церкви. Епископы, сообразно съ обязанностями ихъ пастырской должности, будутъ руководить религіознымъ воспитаніемъ во всѣхъ общественныхъ и частныхъ учебныхъ и ученыхъ заведеніяхъ, и съ величайшею бдительностію должны смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ преподаваніи нэ было ничего противнаго католической вѣрѣ и ея догматамъ. По статьѣ шестой, выборъ профессоровъ богословія и все къ нимъ относящееся предоставлено епископамъ. Статья седьмая, объясняетъ подробнѣе пятую. Въ гимназіяхъ и среднихъ школахъ, назначенныхъ для католическаго юношества, профессорами или учителями будутъ избираемы только католики, и общій порядокъ преподаванія въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ долженъ клониться къ тому, чтобы вселять въ сердцахъ юношества законы христіанской жизни. Епископы, условившись между собою, рѣшатъ, какія книги должны быть употребляемы въ школахъ для религіознаго обученія. Что касается до выбора учителей закона Божія въ общественныхъ гимназіяхъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то мудрыя постановленія, начертанныя по этому предмету, останутся во всей своей силѣ. Статья восьмая, примѣняетъ тѣ-же постановленія къ элементарнымъ школамъ. Всѣ учители элементарныхъ школъ, назначенныхъ для католиковъ, будутъ подчинены церковному надзору. Императоръ будетъ назначать инспекторовъ эпархіальныхъ школъ изъ числа лицъ, предложенныхъ эпархіальнымъ епископомъ; еслибы случилось, что въ этихъ шко-

лахъ не было обращено нужнаго вниманія на религіозное образованіе, то епископъ имѣетъ полное право назначить духовное лицо для обученія дѣтей катихизису. «Чтобы имѣть надзоръ за дѣтьми, говоритъ таже статья, необходима чистая вѣра. Кто совратится съ истиннаго пути, тотъ будетъ устраненъ.» Статья девятая, дополняетъ предъидущую, постановляя, что архіепископы или епископы и всѣ мѣстные священники будутъ безпрепятственно пользоваться принадлежащимъ имъ правомъ клеймить своею цензурою книги, опасныя для религіи и добрыхъ нравовъ, и отвращать вѣрныхъ отъ чтенія этихъ произведеній. Съ своей стороны правительство позаботится о томъ, чтобы подобныя книги не распространялись въ имперіи и приметъ надлежащія къ тому мѣры. Статьи 10, 11, 12, 13 и 14 посвящены опредѣленію юрисдикціи епископовъ въ дѣлахъ церковныхъ и ограниченію власти трибуналовъ въ гражденскихъ дѣлахъ, въ которыя замѣшаны духовныя лица. Сообразуясь съ обстоятельствами, говоритъ статья 13-я, его святѣйшество соглашается, чтобы гражданскія дѣла клириковъ, какъ напримѣръ, контракты, долги, наслѣдства, принадлежали вѣдомству свѣтскихъ судей. По той же причинѣ, прибавляетъ статья 14-я, папскій престолъ не противится тому, чтобы преступленія и проступки духовныхъ лицъ, подлежащія наказанію, предписанному законами имперіи, были разсматриваемы гражданскимъ судьею, съ условіемъ, чтобы послѣдній увѣдомлялъ немедленно епископа. Сверхъ того, при арестованіи виновнаго будутъ соблюдены всѣ формы, налагаемыя уваженіемъ къ духовному его сану. Если противъ духовнаго лица будетъ произнесенъ смертный приговоръ или тюремное заключеніе, превышающее пятилѣтній срокъ, то въ обоихъ случаяхъ судебные акты должны быть представлены епископу, который имѣетъ право выслушивать виновнаго до-тѣхъ-поръ, пока будетъ нужно, чтобы быть въ состояніи опредѣлить церковное наказаніе, которому послѣдній долженъ подвергнуться. Тоже будетъ имѣть мѣсто по просьбѣ епископовъ, когда будетъ опредѣлено и менѣе важное наказаніе. Мѣста тюремнаго заключенія духовныхъ лицъ должны быть отдѣлены отъ мѣстъ заключенія мірянъ. Если первые будутъ осуждены только за

проступокъ или нарушеніе законовъ, то будутъ заключаемы въ монастырь или другой церковный домъ. Въ эту статью вовсе не вошли тѣ случаи, которые были разсмотрѣны тридентскимъ соборомъ. Святѣйшій отецъ и его апостольское величество, въ случаѣ необходимости, озаботятся ихъ разсмотрѣніемъ. Статья 15-я подтверждаетъ льготы храмовъ. — Статья 16-я, касается уваженія, которое должно быть оказываемо священникамъ, какъ со стороны служебныхъ лицъ имперіи, такъ и со стороны народонаселеній. Статья 17-я, отдаетъ семинаріи подъ исключительное управленіе епископовъ; если оклады этихъ учрежденій окажутся недостаточными, то они будутъ увеличены въ нужной пропорціи. По статьѣ 18-ой, папа предоставляетъ себѣ право учреждать новыя епархіи, назначать имъ границы, сносясь предварительно по этому предмету съ правительствомъ. Въ своемъ выборѣ епископовъ, императоръ долженъ спрашивать мнѣнія другихъ епископовъ, въ-особенности провинціальныхъ (статья 19-я). Статья 20-я, заключаетъ формулу присяги, которую должны давать императору митрополиты и епископы предъ вступленіемъ ихъ въ управленіе своими эпархіями. По статьѣ 21-ой, духовныя лица, умирая, могутъ располагать своимъ имуществомъ за исключеніемъ церковныхъ украшеній; въ этомъ отношеніи они слѣдуютъ святымъ канонамъ, которые одинаково должны быть соблюдаемы и законными наслѣдниками, наслѣдующими ab intestat. Во всѣхъ митрополичьихъ или архіепископскихъ церквахъ, его святѣйшеству будетъ принадлежать право жаловать первый санъ, если только послѣдній не находится подъ частнымъ свѣтскимъ покровительствомъ, въ каковомъ случаѣ папѣ будетъ принадлежать право жаловать второй санъ. Слѣдующія статьи относятся къ назначенію на мѣста каноническъ и священниковъ, что, смотря по обстоятельствамъ, зависитъ отъ епископовъ, патроновъ и императора. Статья 25-я, опредѣляетъ положеніе монаховъ наиболѣе сообразнымъ образомъ съ принципами церкви. Лица чернаго духовенства, говоритъ эта статья, которыя, по уставамъ ордена, подчинены генеральнымъ начальникамъ, имѣющимъ пребываніе при римскомъ дворѣ, будутъ управляемы самими этими начальниками, согласно съ правилами.

начертанныхъ уставовъ ихъ ордена, за исключеніемъ власти епископовъ, какъ этого требуютъ каноническія постановленія и въ-особенности декреты тридентскаго собора. Такимъ образомъ генеральные начальники могутъ свободно сноситься съ своими подчиненными во всемъ, что касается ихъ должности; имъ также принадлежитъ право визитировать своихъ подчиненныхъ. Впрочемъ, монахи могутъ безпрепятственно наблюдать правила своего ордена, института или конгрегаціи, и принимать послушниковъ и профессоровъ, сообразуясь съ предписаніями Ватикана. Всѣ эти постановленія должны быть одинаково наблюдаемы и въ отношеніи монахинь, на сколько они могутъ быть примѣнимы къ послѣднимъ. Архіепископы и епископы имѣютъ право, основываясь на канонахъ, учреждать въ подвѣдомственныхъ имъ епархіяхъ ордена или религіозныя конгрегаціи; въ этомъ случаѣ они, однако, сообщаютъ о своихъ намѣреніяхъ правительству. Статья 29-я, даетъ церкви право пріобрѣтать всякимъ законнымъ путемъ новыя имущества. Собственность, принадлежащая ей въ настоящее время, или которую она пріобрѣтетъ впослѣдствіи, будетъ торжественно за нею обезпечена. Что касается до старыхъ или новыхъ церковныхъ учрежденій, то они не могутъ быть соединяемы или учреждаемы безъ согласія папскаго двора, за исключеніемъ правъ, даруемыхъ епископамъ тридентскимъ соборомъ. Статьи 30, 31, 32 и 33-я, посвящены примѣненію этихъ постановленій къ различнымъ родамъ интересовъ, которыхъ онѣ касаются. Статья 34-я, постановляетъ, что все относящееся къ церковнымъ лицамъ и вещамъ, и о чемъ не было упомянуто въ предъидущихъ статьяхъ, будетъ опредѣляемо и управляемо согласно съ ученіемъ церкви и съ нынѣ дѣвствующею дисциплиною, одобренною Ватиканомъ. Слѣдующая статья дополняетъ эти постановленія, объявляя недѣйствительными всѣ прежніе несогласные съ ними законы. Наконецъ, послѣдняя 36-я статья относится къ обмѣну ратификацій.

Мы видѣли, какое впечатлѣніе произвело появленіе этого акта въ Европѣ и особенно въ Германіи. Тѣже опасенія обнаружились и въ Италіи, странѣ по преимуществу католической. Тоскана, вслѣдствіе сношеній по этому предме-

ту съ римскимъ дворомъ, отчасти отказывалась отъ леопольдовыхъ законовѣ; но во всякомъ случаѣ она не пошла такъ далеко, какъ Австрія относительно іосифизма, и аналогія положеній заставляла думать, что великогерцогское правительство пойдетъ по этому же пути.

Въ Ломбардіи, впрочемъ, нѣкоторые прелаты, именно миланскій архіепископъ, обнаружили неумѣрную ревность, которая въ началѣ поселила опасенія въ самомъ австрійскомъ правительствѣ. Эти неумѣстныя демонстраціи убѣдили обѣ державы, подписавшія конкордатъ, въ необходимости, какъ можно скорѣе условиться о дальнѣйшемъ развитіи заключавшихся въ этомъ конкордатѣ основныхъ положеній. Съ этою цѣлію, было рѣшено созвать собраніе епископовъ подъ предсѣдательствомъ вѣнскаго архіепископа и апостольскаго кардинала-нунція. Созваніе это послѣдовало со стороны графа Туна и нунція, дѣйствовавшаго отъ имени папы, который, впрочемъ, прямо обратился къ австрійскимъ епископамъ, указавъ имъ на тѣ принципы, которыми они должны были руководиться въ своихъ преніяхъ. Циркуляръ графа Туна былъ отъ 25-го января, 1856 года, и опубликованъ 8-го марта въ Вѣнской Газетѣ. Накапунѣ этотъ оффиціальный журналъ также объявилъ приказъ, составленный въ духѣ конкордата и относившійся къ соблюденію воскресеній и праздничныхъ дней въ Вѣнѣ и округахъ подвѣдомственныхъ полиціи этого города.

Другой не менѣе важный вопросъ былъ поднятъ предписаніемъ вѣнскаго кардинала-архіепископа относительно погребенія мертвыхъ. Чинъ отдѣльнаго погребенія католиковъ и протестантовъ, заключающійся въ этомъ предписаніи, въ сущности нельзя оспаривать. Самые ревностные протестанты едва ли станутъ отрицать его справедливость. Дѣйствительно, было бы не послѣдовательно съ ихъ стороны требовать погребенія на одной землѣ съ католиками, послѣ того, какъ они жили по обрядамъ особой религіи; но собственно затрудненія являются въ примѣненіяхъ этого принципа. Въ Австріи кладбища вообще не составляютъ собственности церквей: онѣ принадлежатъ общинамъ. И потому одному духовенству не можетъ принадлежать право раздѣ-

лять ихъ на разныя части, назначать одну часть для погребенія католиковъ, а другую для погребенія протестантовъ; логика требуетъ, чтобы въ этомъ случаѣ они дѣйствовали въ согласіи съ общинною властію. Съ другой стороны, такъ какъ принципъ общаго погребенія преобладалъ со времени царствованія Іосифа II, то понятно, что фамильные склепы пріобрѣли права, которыя должны быть уважены государствомъ и церковью. Австрійское правительство не могло не понять этого, и, какъ видно, оно, дѣйствительно, рѣшилось сохранить вездѣ statu quo до-тѣхъ-поръ, пока духовенство и общинныя власти не условятся о назначеніи различнымъ вѣроисповѣданіямъ отдѣльныхъ мѣстъ для погребенія.

Собраніе епископовъ, съ перваго же засѣданія, рѣшилось принять названіе епископской конференціи. Это было сдѣлано въ угоду правительству, которое не безъ сожалѣнія согласилось бы на созваніе настоящаго національнаго собора. Что касается до вопроса о предсѣдательствѣ, который по мнѣнію печатныхъ органовъ, долженъ былъ подать поводъ къ столкновеніямъ, то онъ былъ разрѣшенъ какъ нельзя удовлетворительнѣе для обѣихъ сторонъ. Такъ какъ нунцій долженъ былъ присутствовать на засѣданіяхъ, касавшихся общихъ вопросовъ, то и предсѣдательствовалъ на нихъ. Въ остальныхъ же случаяхъ предсѣдателемъ избирался одинъ изъ трехъ австрійскихъ кардиналовъ. Засѣданія эти остались въ глубокой тайнѣ. До-сихъ-поръ извѣстны только рѣчи аграмскаго архіепископа и нунція, произнесенныя въ послѣднемъ засѣданіи (17-го іюня). Судя по словамъ двухъ прелатовъ, видно, что собраніе это выполнило возложное на него порученіе къ обоюдному удовольствію государства и церкви. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать важности этого акта, такъ прямо идущаго на перекоръ духу нашего времени. Оппозиція его движенію тѣхъ идей, которыя начались пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, очевидна, и австрійское правительство, жертвуя папскому престолу твореніемъ Іосифа II, ошибается, если думаетъ этимъ путемъ влить жизненный токъ въ устарѣвшія жилы своего государственнаго организма.

VI.

Событія, пережитыя Австріею въ знаменательную для нея эпоху послѣ революціи 1848 года и до парижскаго конгреса, преимущественно касались двухъ главныхъ стремленій ея преобладанія: религіознаго, выраженнаго въ конкордатѣ, и политическаго, проявившагося въ постоянныхъ ея усиліяхъ удержать за собою верхнюю Италію и въ попыткѣ овладѣть дунайскими княжествами. Вмѣстѣ съ послѣднимъ обстоятельствомъ тѣсно былъ связанъ, такъ называемый, восточный вопросъ, въ которомъ Австрія приняла столь дѣятельное участіе.

Какъ не важенъ былъ конкордатъ, заключенный съ Римомъ 18-го августа, онъ менѣе обратилъ на себя вниманіе Европы, чѣмъ переговоры, начавшіеся съ великими державами по поводу восточнаго вопроса. Положеніе Австріи до прекращенія вѣнскихъ конференцій было, такъ сказать, пассивное. Не нужно было употреблять большихъ усилій, чтобы заставить эту державу отдѣлиться отъ Россіи. Хотя Вѣна и дала свое имя нотамъ, заключавшимъ первую формулу четырехъ гарантій, трактата 2-го декабря 1854 года, и послѣдовавшимъ затѣмъ конференціямъ; хотя этотъ городъ и былъ мѣстомъ переговоровъ съ самаго начала европейскаго кризиса, тѣмъ не менѣе инициатива послѣдовала со стороны Франціи. Парижскій кабинетъ, руководимый Друэнъ-де-Люисомъ, игралъ во всѣхъ случаяхъ главную роль. Какъ скоро былъ заключенъ союзъ съ Англіей, французское правительство употребило всѣ свои усилія для присоединенія къ этому союзу и Австрію. Очевидно, что Друэнъ-де-Люисъ съ этимъ намѣреніемъ постановилъ условіями будущаго мира четыре пункта, изъ которыхъ два были особенно благопріятны для Австріи и должны были необходимо заинтересовать ее и въ успѣхѣ и остальныхъ двухъ, имѣвшихъ болѣе общую цѣль. Эти четыре условія, составленныя такъ, чтобы принять все развитіе, совмѣстное съ размѣрами, которые могла принять война, сдѣлались основаніемъ договора 2-го декабря, котораго подписаніе, настойчиво требуемое отъ Вѣны

Франціею, было въ нѣкоторой степени навязано ею въ Лондонѣ, гдѣ сначала не хотѣли признать его.

Во время вѣнскихъ конференцій счастливая идея была введена въ истолкованіи третьяго пункта, именно идея нейтрализаціи Чернаго моря; она была подана тоже Франціею; ее принесъ въ Вѣну самъ Друэнъ-де-Люисъ, и первые слѣды ея мы видимъ въ одномъ изъ протоколовъ этой конференціи. Сдача Севастополя способствовала ея принятію; но положеніе войны было не рѣшительно, и Австрія не полагала возможнымъ съ своей стороны присоединиться къ столь радикальной комбинаціи, заставляя перваго французскаго уполномоченнаго искать въ искусно задуманномъ тройственномъ трактатѣ тѣхъ гарантій, которыхъ онъ сначала требовалъ для уничтоженія всякаго морскаго укрѣпленія на Черномъ морѣ.

Въ этихъ обстоятельствахъ вѣнскія конференціи были прерваны. Австрія объявила, что не сдѣлаетъ шагу болѣе впередъ, и въ подтвержденіе своихъ словъ, распустила около 60,000 человѣкъ своей наличной арміи. Такимъ образомъ между союзниками 2-го декабря произошли большія несогласія; но узы, соединявшія ихъ, были сильнѣе этихъ несогласій, а именно, это были четыре пункта, основанные на общихъ интересахъ, и которые оставались неприкосновенными. Съ общаго согласія было объявлено, что трактатъ самъ сохраняетъ всю свою обязательную силу. Для будущихъ переговоровъ было готово прочное основаніе, и тѣмъ болѣе прочное, что оно переживало этотъ кризисъ. Эти четыре пункта могли бы принять болѣе обширные размѣры въ день сдачи Севастополя, и тогда идея нейтрализаціи, столь испугавшая Австрію, но о которой послѣдняя помнила, хотя и не съ ея стороны послѣдовала инициатива, естественно дѣлалась въ этомъ случаѣ возможною.

Во всякомъ случаѣ упорство австрійскаго кабинета, который не желалъ видѣть причины къ войнѣ въ несогласіи, выраженномъ Россіею относительно ограниченія своихъ силъ на Черномъ морѣ, доставило германскимъ правительствамъ и особенно Пруссіи, случай отказаться отъ прямаго вмѣшательства и оставаться внѣ всякой борьбы. Австрійскому дво-

ру не трудно было замѣтить вредныя послѣдствія принятаго имъ образа дѣйствій. Онъ также могъ убѣдиться, что общественное мнѣніе, какъ Франціи, такъ и Англіи было раздражено противъ него, и что это раздраженіе должно было отразиться и на правительствахъ двухъ націй.

Вслѣдствіе этого, вѣнскій кабинетъ употребилъ всѣ усилія, чтобы отклонить тѣ пересуды, предметомъ которыхъ могло сдѣлаться его поведеніе, какъ въ Германіи, такъ и у державъ, подписавшихъ трактатъ 2-го декабря 1854 года. Не желая войны, потому что не надѣялся съ успѣхомъ выдержать ее до сдачи Севастополя, онъ искренно желалъ, чтобы результаты непріязненныхъ дѣйствій были какъ можно благопріятнѣе. У всѣхъ еще въ памяти, какъ обрадовалась Австрія сдачѣ Севастополя, и въ новыхъ предложеніяхъ мира, инициатива которыхъ принадлежитъ ей вмѣстѣ съ Франціею и Англіею, она старалась дать четыремъ гарантіямъ возможно большую обширность.

Дѣйствительно эти предложенія, посланныя въ Парижъ и Лондонъ въ ноябрѣ 1855 года, налагали на Россію обязательства, изъ которыхъ даже нѣкоторыя были совершенно неожиданны. Такъ, въ статьѣ, касающейся княжествъ, эти предложенія не только устраняли исключительный протекторатъ Россіи, но и уничтожили всякое частное вмѣшательство въ ихъ внутреннія дѣла.

Окончательному устройству этихъ княжествъ была предоставлена возможно большая свобода; въ основаніи ея положено было только три совершенно законныя условія: на первомъ планѣ была инициатива Турціи, какъ державы-властительницы этихъ княжествъ, далѣе согласіе гарантирующихъ державъ, и наконецъ желаніе народонаселеній этихъ княжествъ. Вѣнскій кабинетъ установлялъ также основной принципъ защитительной системы для Молдаво-Валахіи, освободивъ его отъ всѣхъ преградъ, которыя полагали ему трактаты и обычаи. Цѣль Австріи состояла въ томъ, чтобы сдѣлать изъ этихъ княжествъ первый оплотъ оттоманской имперіи, и мѣры эти, принятыя въ отношеніи защитительной системы княжествъ, примѣнялись также и къ ея собственнымъ границамъ. Постановляя, что необыкновеннымъ мѣ-

рамъ защиты, къ которымъ княжества могутъ обратиться для отраженія всякаго внѣшняго нападенія, не будетъ оказано никакихъ препятствій, Австрія нѣкоторымъ образомъ обезоруживала самое себя, чтобы тѣмъ свободнѣе напасть на Россію въ случаѣ неминуемаго разрыва съ этой державой. Притомъ предложенія вѣнскаго кабинета вводили новую и весьма важную идею, идею новаго разграниченія княжествъ.

Освобожденіе Дуная должно было быть гарантировано учрежденіемъ европейской коммиссіи и присутствіемъ сторожевыхъ судовъ или брандвахтъ различныхъ морскихъ державъ въ устьяхъ этой рѣки. Съ другой стороны территоріальная ректификація дѣлала, плаваніе по дельтѣ, образуемой тремя устьями рѣки Дуная, вполнѣ нейтральнымъ. Что касается до третьяго пункта, то Австрія приняла также нейтрализацію Чернаго моря.

Четвертый пунктъ тоже былъ рѣшенъ въ смыслѣ предложенія австрійскаго кабинета весьма удовлетворительно. Въ Константинополѣ открылись между Портою и ея союзниками конференціи для опредѣленія положенія христіанъ. Было признано, что эти конференціи окончатъ свой трудъ до заключенія мира, такъ что Россія, подписывая послѣдній, изъявила бы только свое согласіе касательно устройства положенія христіанъ, предмета, о которомъ она и прежде трактовала съ Портою безъ всякаго участія западныхъ державъ.

Наконецъ вѣнскій кабинетъ, согласно съ положеніями трактата 2-го декабря, принималъ оговорку, сдѣланную Франціею и Англіею, и состоявшею въ составленіи, для обще-европейской пользы, особыхъ условій сверхъ четырехъ гарантій. Эти предложенія, утвержденныя и точнѣе опредѣленныя въ нѣкоторыхъ пунктахъ Франціею и Англіею, были представлены въ видѣ ультиматума русскому двору австрійскимъ посланникомъ, графомъ Эстергази. Въ то же время императоръ Францъ-Іосифъ приглашалъ Пруссію и нѣкоторыя изъ главныхъ второстепенныхъ государствъ Германіи поддержатъ этотъ ультиматумъ въ видахъ сохраненія мира. Германія сильно желала мира, но видя, что въ числѣ условій, постановленныхъ Австріею, находится уступка терри-

торіи, стала сильно опасаться за пріемъ ихъ въ Петербургѣ. Многія правительства ясно выразили въ своихъ мнѣніяхъ, что эти предложенія были несогласны съ достоинствомъ Россіи, и нѣкоторыя прямо сказали, что не берутся совѣтовать русскому кабинету принять ихъ. Тѣмъ не менѣе австрійское правительство осталось вѣрно обязательствамъ, даннымъ своимъ союзникамъ: не допускать никакихъ перемѣнъ въ этихъ условіяхъ, и требовать подъ страхомъ разрыва, простаго и полнаго принятія ея ультиматума втеченіе трехъ недѣль, начиная съ того дня, когда онъ былъ врученъ канцлеру имперіи. Дѣйствительно, измѣненія въ ультиматумѣ, предложенныя Россіею, не были приняты вѣнскимъ кабинетомъ. Австрія дѣйствовала въ этомъ случаѣ съ разсчетомъ, показывая видъ, что готова разорвать съ Россіей послѣднія связи и объявить ей войну, съ другой же стороны она ловко скрывала предъ западными державами ту опасность со стороны славянскихъ народностей, Венгріи и Италіи, которыя одни и были причиною, удерживавшею ее отъ открытыхъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи. Видя съ этой стороны неудачу, она хотѣла разъиграть, если не первую, то по крайней мѣрѣ, дѣятельную роль въ предстоящихъ преніяхъ по случаю заключеннаго мира. Такимъ образомъ согласно съ мнѣніемъ Англіи и Россіи, или лучше сказать, съ мнѣніемъ всей Европы, Австрія избрала Парижъ мѣстомъ будущаго конгреса. Изъ протоколовъ засѣданій этого конгреса образъ дѣйствій обоихъ австрійскихъ уполномоченныхъ, какъ въ положеніяхъ парижскаго трактата, такъ и въ послѣдовавшихъ затѣмъ спорахъ, почти во всемъ согласовался съ дѣйствіями представителей другихъ державъ. За исключеніемъ вопроса о соединеніи при-дунайскихъ княжествъ, въ которомъ графъ Буоль выразилъ мнѣніе противное мнѣнію графа Валевскаго, оба представителя Австріи во всемъ касавшемся до условій мира дѣйствовали постоянно за-одно съ прочими уполномоченными. Дѣйствительно, мы не видимъ несогласія въ возраженіяхъ, сдѣланныхъ вначалѣ графомъ Буолемъ относительно примѣненія принципа свободнаго плаванія на всемъ протяженіи Дуная. Первый австрійскій уполномоченный не замѣдлилъ присоединиться къ мнѣнію, выра-

женному Франціею объ этомъ предметѣ. Во время преній, послѣдовавшихъ по заключеніи мира, австрійскіе уполномоченные еще разъ были поставлены въ довольно щекотливое положеніе, изъ котораго, впрочемъ, они умѣли искусно выпутаться. Графъ Буоль не былъ смущенъ рѣчами лорда Кларендона и графа Кавура объ итальянскихъ дѣлахъ. Онъ согласился, однако, съ первымъ французскимъ уполномоченнымъ въ необходимости возможно-скорѣйшаго очищенія папскихъ владѣній, какъ австрійскими, такъ и французскими войсками. Независимо отъ большихъ выгодъ, которыя Австрія извлекла изъ мира, согласно съ ея желаніямъ, она должна была радоваться скрѣпленію союза, доставившаго ей эти результаты. Еще во время вѣнскихъ конференцій, Австрія добивалась у Франціи и Англіи обѣщанія заключить между собою отдѣльный трактатъ. Она не упускала изъ виду этого проекта, и важный актъ, основаніе которому было положено въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1855 года, былъ подписанъ въ Парижѣ 15-го апрѣля 1856 года. Этотъ трактатъ, который не былъ обнародованъ ни во Франціи, ни въ Австріи, но былъ сообщенъ англійскимъ кабинетомъ парламенту, имѣлъ цѣлію опредѣлить образъ дѣйствій державъ, подписавшихъ трактатъ, въ случаѣ нарушенія условій парижскаго мира. Статья первая говорила, что договаривающіяся державы гарантируютъ независимость и цѣлость оттоманской имперіи, освященныя парижскимъ трактатомъ. Въ силу второй статьи, державы, подписавшія этотъ трактатъ, всякое нарушеніе условій парижскаго трактата будутъ почитать какъ *casus belli* — поводомъ къ войнѣ. Онѣ имѣютъ условиться съ высокою Портою о принятіи мѣръ, сдѣлавшихся необходимыми и о назначеніи ихъ морскихъ и сухопутныхъ военныхъ силъ. Этотъ тройственный договоръ, предложенный Австріей въ видахъ строгаго соблюденія условій парижскаго трактата можетъ служить новымъ доказательствомъ двусмысленной политики габсбургскаго дома въ отношеніи къ Россіи. Послѣ этого мира, Австрія рѣшилась возвести бывшаго уполномоченнаго въ дѣлахъ при парижскомъ дворѣ барона Гюбнера на степень посланника точно также, какъ и Наполеонъ съ своей стороны, отмѣнивъ французскую лега-

цію въ Вѣнѣ, назначилъ туда посланникомъ барона Буркене. Но эти обоюдные знаки дружбы и уваженія врядъ ли могли служить хорошимъ предзнаменованіемъ для внѣшнихъ отношеній обѣихъ державъ. Не смотря на то, что очень недолгое время спустя, молодой принцъ австрійскаго дома, великій герцогъ Максимиліанъ, братъ императора Франца-Іосифа, прибылъ въ Парижъ для заключенія личныхъ отношеній между обоими дворами, общая молва предсказывала уже непрочность этой дружбы. Горестное состояніе Ломбардо-Венеціи, обязательства Франціи въ отношеніи къ Сардиніи и Піэмонту стояли выше всѣхъ изъявленій дружескихъ чувствъ австрійскаго правительства, которое не въ состояніи было своимъ двуличнымъ дипломатизмомъ отстранить вмѣшательство Франціи въ дѣлахъ сѣверной Италіи.

Съ своей стороны вѣнскій кабинетъ внимательно слѣдитъ за спорами, возникшими въ піэмонтскомъ парламентѣ по поводу итальянскихъ дѣлъ. На него произвели весьма дурное впечатлѣніе рѣчи графа Кавура о взаимномъ положеніи другъ къ другу Австріи и Піэмонта со времени мира. Онъ отправилъ по этому случаю къ остальнымъ государствамъ полуострова циркуляръ, въ которомъ протестовалъ противъ намѣренія туринскаго кабинета подымать голосъ отъ имени Италіи.

Парижскому конгресу оставалось еще рѣшить другой вопросъ, вопросъ объ устройствѣ дунайскихъ княжествъ, который весьма замедлилъ бы мирные переговоры. Нужно было позаботиться объ этомъ. Вѣнскій кабинетъ тревожно смотрѣлъ на всеобщее желаніе, которое высказывалось въ пользу соединенія этихъ княжествъ. Имѣя въ виду племенное единство, существующее между Молдаво-Валахіею и трансильванскими румынами, австрійскій дворъ думалъ, что его выгоды требовали не поддерживать въ этихъ княжествахъ національнаго чувства, а напротивъ, по возможности, ослаблять его въ пользу турецкаго господства. Мы видѣли уже подъ вліяніемъ какихъ идей была Австрія, когда вмѣсто того, чтобы показать первый примѣръ соблюденія условій парижскаго трактата, она медленно и нехотя отзывала войска свои изъ румынскихъ княжествъ. Ополченія воевавшихъ державъ давно уже очистили мѣста, бывшія театромъ ихъ враждеб-

ныхъ столкновеній, одна Австрія, не пролившая ни капли крови въ этой гигантской войнѣ, вышла оттуда послѣдняя, и то, какъ мы это видѣли, послѣ неоднократныхъ напоминаній.

VII.

Административныя реформы Австріи, которыя мы въ самомъ началѣ представили въ ихъ общемъ очертаніи, требуютъ теперь ближайшаго ознакомленія. Событія, ознаменовавшія 1848 годъ, ни въ одной странѣ, быть можетъ, не имѣли столь важнаго значенія, какъ въ Австріи. Держава эта, бывшая дотолѣ олицетворенною неподвижностію, въ мірѣ политическомъ, слѣпо держалась рутинѣ и прежнему порядку, вытѣсненному давно изъ политической и гражданской жизни прочихъ народовъ Европы. Хотя противъ воли, но Австрія должна была приступить къ преобразованіямъ, иначе она бы не выдержала натиска народныхъ движеній, зашевелившихся въ ея нѣдрахъ. Доказательство этому она ясно видѣла въ томъ всеобщемъ разрушеніи имперіи, которое было порождено вспыхнувшей революціей въ Венгріи. Такимъ образомъ весь прежній порядокъ вещей былъ устраненъ и на очищенномъ отъ прежнихъ учрежденій пространствѣ было построено новое общественное зданіе Австріи. 1848 годъ рѣзко отдѣлилъ двѣ системы управленія и въ политическомъ и въ судебно-административномъ отношеніи. Если верховная власть, осиливъ революціонное движеніе, снова вошла въ прежнія свои права, она все-таки не рѣшилась воспротивится новымъ стремленіямъ. Послѣдующія ея преобразованія носятъ въ себѣ ясные слѣды, которые показываютъ, что переворотъ 1848 года не былъ однимъ переходнымъ торжествомъ переходныхъ идей, но что онъ былъ для Австріи началомъ новой эры и въ администраціи и политикѣ, отрицательное проявленіе которой съ каждымъ днемъ становилось яснѣе.

Почти всѣ учрежденія, лежащія въ основаніи современнаго состава австрійской имперіи понесли радикальное измѣненіе, и тотъ, кто желаетъ ближе познакомиться съ этими

учрежденіями, необходимо долженъ изучить три совершенно отдѣльные другъ отъ друга періоды ихъ измѣненій, а именно: состояніе Австріи до 1848 года, переходное время революцій, и преобразованія вызванныя этимъ послѣднимъ переворотомъ. Мы обратимъ преимущественно вниманіе на эти послѣднія; но чтобы уяснить и легче понять ихъ явленіе, скажемъ нѣсколько словъ о двухъ первыхъ. Положеніе Австріи до 1848 года болѣе или менѣе извѣстно. Области, составляющія въ настоящее время Австрію, подпавшія ея владѣнію въ слѣдствіе наслѣдственныхъ правъ, завоеванія или произвольнаго завладѣнія, сохранили большею частію свои національныя особенности. Ихъ историческія преданія, нравы и законы были столь же многоразличны, какъ и племена, которыя вошли въ составъ этой монархіи. Государство это въ своемъ разнородномъ составѣ не имѣло даже имени въ эпоху когда Іосифъ II далъ ему титулъ австрійской монархіи.

Области племенъ германскаго и чешскаго происхожденія имѣли свое представительное правленіе. Въ Венгріи, напротивъ, штаты составляли родъ законодательнаго собранія. Въ Галиціи представительное правленіе было введено современи присоединенія этой области къ Австріи. Въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ конституція 1815 года, образовала провинціальныя общины, бывшія представителями народа. Остальныя провинціи, какъ напримѣръ Далмація и Военная Граница, не имѣютъ сеймовъ.

Административныя власти были также многоразличны, какъ и провинціальныя управленія. Комитаты въ Венгріи и Трансильваніи были подъ управленіемъ коммиссій (municipien), избиравшихся на извѣстное время. Области нѣмецкія, иллирійскія, итальянскія, чешскія и польскія имѣли почти тоже управленіе. Чиновная ихъ іерархія ограничивалась тремя степенями: областнымъ правителемъ, начальникомъ округа и уѣзднымъ судьей. Эти провинціальныя власти имѣли свое средоточіе въ Вѣнѣ, гдѣ находилась канцелярія народнаго суда Венгріи, другая канцелярія для Трансильваніи и такъ называемыя Hofstelle для остальныхъ выше поименованныхъ провинцій. Однимъ словомъ Австрія представляла нѣчто въ

родѣ федераціи различныхъ племенъ, управляемыхъ господствующимъ нѣмецкимъ племенемъ. Не смотря, однакожъ, на этого рода политическую независимость, какою, повидимому, пользовались отдѣльныя народности Австріи, области ея вовсе не были довольны своимъ положеніемъ. Идеи провинціальной независимости и племеннаго равенства были давно возбуждены въ областяхъ не германскаго происхожденія и правительство не рѣшалось явно идти на проломъ этимъ стремленіямъ, изъ опасенія, чтобы самое зданіе имперіи не поколебалось.

Насталъ наконецъ переломъ 1848 года. Въ одно мгновеніе пламя возстанія охватило Австрію съ одного конца до другаго, и племенной вопросъ выступилъ на первый планъ народныхъ притязаній, и уже недостаточна была для нихъ областная свобода въ управленіи: они требовали племеннаго равенства на равнѣ съ правами народа властелина. Статистическія таблицы быстро разнесли числительное преимущество народныхъ племенъ предъ племенемъ нѣмецкимъ и мы видѣли уже, какимъ образомъ законъ племеннаго равенства, или равноправности,— Gleichberechtigung, обозначивъ характеръ революціи, положилъ начало новому царствованію.

Мы видѣли также, какимъ путемъ шло преобразованіе Австріи при князѣ Шварценбергѣ, котораго смерть вовсе не остановила начатыхъ реформъ и весь 1852 годъ былъ посвященъ предварительной обработкѣ новой организаціи. Францъ-Іосифъ принялъ, какъ было сказано, въ свои руки дѣла имперіи и посѣтивъ нѣкоторыя изъ ея областей, чтобы самому удостовѣриться, въ какомъ состояніи онѣ находились, поспѣшилъ издать въ январѣ 1853 года новое уложеніе, опредѣлившее политическую и административную организацію всѣхъ областей Австріи, за исключеніемъ ломбардо-венеціанскаго королевства.

Общій составъ провинціальныхъ учрежденій состоитъ изъ правителя области — Statthalter'a, или президента, — Landespräsident, изъ окружныхъ начальниковъ и изъ уѣздныхъ судей.

Штатгалтерство составляетъ высшую административную власть края, состоя въ прямой зависимости отъ министер-

ства внутреннихъ дѣлъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ сносится съ другими министерствами.

Главныя мѣста правленія суть слѣдующія: *Вѣна* для нижней Австріи, *Линцъ* для верхней, *Инспрукъ* для Тироля и Форалберга, *Грацъ* въ Штиріи, *Тріестъ* для тріестинскаго округа, Истріи и для графствъ Горца и Градиска. *Зара* для Далмаціи, *Аграмъ* или *Загребъ* для Кроаціи и Славоніи, *Прага* для Богеміи, *Брюннъ* для Моравіи, *Лембергъ* для Галиціи, *Темесваръ* для Баната и Сербской Воеводины, и наконецъ *Германштатъ* для Трансильваніи. Всего двѣнадцать областныхъ управленій.

За исключеніемъ областеначальника или штатгалтера, находятся — одинъ вице-президентъ, надворный совѣтникъ, совѣтники штатгалтерства, секретари и канцеляристы.

Губернаторы эти, или штатгалтеры, получаютъ казенную квартиру и содержаніе отъ шести до восьми тысячъ гульденовъ, а иногда добавочнаго жалованья отъ четырехъ до восьми тысячъ гульденовъ. Вице-президентъ штатгалтерства получаетъ пять тысячъ гульденовъ; надворный совѣтникъ четыре тысячи гульденовъ; совѣтники, двѣ тысячи, двѣ тысячи пятьсотъ и три тысячи гульденовъ; секретари тысяча двѣсти и тысяча четыреста гульденовъ.

Штатгалтеръ имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи исполнительную часть, которая поручается ему или императоромъ или министерствами. Присягу онъ приноситъ императору, а остальные чиновники штатгалтерства приносятъ ему въ свою очередь таковую. Полиція области находится въ прямой отъ него зависимости и онъ обязанъ слѣдить за порядкомъ и общественнымъ благосостояніемъ. Для предупрежденія или прекращенія безпорядковъ, онъ можетъ требовать содѣйствія другихъ властей и даже прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Онъ обязанъ также давать подробный отчетъ высшимъ властямъ обо всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, случающихся въ его области и такимъ образомъ ставить высшее правительство въ возможность имѣть немедленныя свѣдѣнія, гдѣ и что именно происходило.

Кромѣ того онъ обязанъ слѣдить за произведеніями литературы, за коммерческими предпріятіями, театрами, паспор-

тами и иностранцами. Отъ него идетъ дозволеніе на открытіе типографій, книжныхъ лавокъ, музыкальныхъ магазиновъ и проч. Отъ него зависитъ также назначеніе гражданскихъ чиновниковъ во ввѣренной его управленію области, за исключеніемъ окружныхъ начальниковъ, коммиссаровъ и чиновниковъ уѣзднаго суда. Онъ же выдаетъ отпуски подвѣдомственнымъ ему чиновникамъ и можетъ утверждать и выдавать награды, не превышающія сто гульденовъ.

Въ штатгалтерѣ сосредоточена высшая власть относительно публичныхъ работъ, содержанія дорогъ и общественныхъ зданій. Наконецъ онъ можетъ рѣшать дѣла первой и второй инстанціи, и тогда только можно аппеллировать уѣздному судьѣ или начальнику округа.

Кругъ дѣятельности каждаго штатгалтерства ограничивается слѣдующими дѣлами:

1) Политическая администрація области во всемъ ея объемѣ. Обнародованіе провинціальныхъ законовъ, пересмотръ и рѣшеніе въ высшей инстанціи тѣхъ дѣлъ, которыя получили рѣшеніе въ низшей. Слѣдствія по поводу самозваннаго дворянства. Попечительство о тюрьмахъ и смирительныхъ домахъ.

2) Дѣла духовнаго вѣдомства и народнаго образованія.

Landespräsident имѣетъ одинаковую власть съ штатгалтеромъ и находится въ прямой зависимости отъ министерствъ и центральныхъ властей. Главнѣйшія мѣста провинціальныхъ президентовъ находятся: въ Клагенфуртѣ для Каринтіи, въ Лейбахѣ для Карніоліи, въ Троппау для Силезіи, въ Зальцбургѣ, въ Черновцахъ для Буковины и въ Краковѣ для западной части Галиціи и краковскаго округа. Эти шесть провинцій вмѣстѣ съ двѣнадцатью вышепоименованными областями составляютъ восемнадцать областей австрійской монархіи.

Начальники округовъ, подвластные штатгалтерству, подчинены въ свою очередь уѣзднымъ судьямъ. Обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы объѣзжать какъ можно чаще уѣзды, или разсылать по разнымъ направленіямъ своихъ чиновниковъ, чтобы имѣть возможность доставлять высшему начальству подробныя свѣдѣнія о состояніи округа. Непо-

средственному ихъ вѣдѣнію принадлежитъ надзоръ за рекрутскими наборами, равно также и надзоръ за станціями, постоями солдатъ и ихъ отпусками. Ихъ вѣдѣнію подлежатъ также дозволенія, даваемыя на построеніе дорогъ, мостовъ и каналовъ; на орошеніе полей, устройство прудовъ, или проведеніе водъ; устройство мельницъ, фабрикъ, шлюзъ, и вообще всѣ постройки относительно водной системы края. Дозволеніе объ устройствѣ дорогъ въ границахъ управляемаго округа, получается не иначе, какъ съ разрѣшенія начальника округа; но если дорога должна проходить и чрезъ другіе округи или же примкнуть къ границѣ государства, начальники обязаны испросить на то разрѣшеніе высшихъ властей. Касательно же постройки церквей, приходовъ, училищъ и проч., начальники округовъ входятъ въ сношеніе съ духовнымъ вѣдомствомъ, чтобы сообща съ нимъ начертать планъ и слѣдить за его исполненіемъ.

Они обязаны также строго наблюдать, чтобы организація общины не противорѣчила ихъ уставу. Споры относительно размежеванія общинныхъ земель начальники округовъ рѣшаютъ въ первой инстанціи.

Они имѣютъ также наблюденіе за взыманіемъ прямыхъ налоговъ; производятъ ревизію кадастра, поземельнаго налога и вообще строго слѣдятъ за своевременнымъ взыманіемъ податей и другихъ налоговъ.

Во главѣ уѣздовъ находится уѣздный судья и его помощники. Содержаніе ихъ слѣдующее: судья получаетъ тысячу, тысячу сто, а иногда тысячу двѣсти гульденовъ, и сверхъ того казенную квартиру. Помощники его, по усмотрѣнію, получаютъ въ сложности отъ семи до восьми тысячъ гульденовъ. Судья обнародываетъ по своему уѣзду государственные законы. Слѣдить за общественнымъ порядкомъ и имѣетъ надзоръ за общинами, находящимися въ его уѣздѣ. Въ случаѣ пожара, наводненія или голода онъ обязанъ всѣми средствами стараться уменьшить или прекратить эти несчастія, вспомоществовать болѣе пострадавшимъ, изслѣдовать причины породившія эти несчастія, предать виновныхъ суду и проч. Онъ слѣдитъ также за исполненіемъ законовъ и предпи-

саній касающихся земледѣлія, лѣсничества, рыболовства и охоты.

Ближайшему и особенному его надзору подлежатъ мѣры полиціи исполнительной. Въ вѣдѣніи его также состоитъ народное образованіе, экономическая часть зданій, принадлежащихъ общественному просвѣщенію, и обо всемъ этомъ онъ даетъ подробный отчетъ высшему начальству.

Вотъ вкратцѣ обязанности и кругъ дѣйствій провинціальныхъ властей въ ихъ трехъ главнѣйшихъ ступеняхъ, постановленныя новой административной организаціей австрійской имперіи. Разница между этой организаціей и главными положеніями конституціи 1849 года, состоитъ въ совершенной независимости провинціальныхъ властей, которыя находятся въ прямой отвѣтственности только передъ центральной властью, между тѣмъ какъ прежде, провинціальные сеймы, собраніе округовъ и уѣздовъ обязаны были ревизовать и даже контралировать дѣйствія остальныхъ властей провинціи.

Съ первыхъ же мѣсяцевъ 1853 года, образовались въ областяхъ австрійской имперіи особыя коммиссіи подъ предсѣдательствомъ штатгалтеровъ или ихъ представителей. Коммиссіи эти, снабженныя особенными инструкціями, составились изъ одного чиновника по финансовой части и изъ одинаковаго числа членовъ гражданской и судебной части. Цѣлью этихъ коммиссій было размежеваніе и разграниченіе уѣздовъ и округовъ и назначеніе мѣстопребыванія для начальниковъ области. Далѣе, опредѣленіе нужнаго числа чиновниковъ, и вообще штатовъ касательно ихъ содержанія. Такимъ образомъ внутренній составъ современной Австріи вслѣдствіе новой ея организаціи легко можно обозрѣть въ отдѣльныхъ ея частяхъ. Начнемъ съ эрцгерцогства.

1) *Австрійское эрцгерцогство.* Вмѣстѣ съ Тиролемъ и Зальцбургомъ оно составляетъ ядро нѣмецкаго населенія имперіи. Такимъ образомъ естественная связь его и привязанность къ верховной власти были причиною, что эрцгерцогство не подверглось особымъ измѣненіямъ въ управленіи. Область эта издревле была въ непосредственномъ вѣдѣніи центральной власти.

Раздѣленное еще до 1848 года на верхнюю или нижнюю Австрію, — *ob der Enns* и *unter der Enns*, — эрцгерцогство сохранило это раздѣленіе и во время новаго провинціальнаго размежеванія до 1849 года. Мы видѣли, что правительство первымъ условіемъ ослабленія вопроса о національностяхъ положило безконечное ихъ раздробленіе на части. Не довѣряя въ этомъ отношеніи и чисто германскому элементу, оно начало примѣнять систему подраздѣленій и къ чисто нѣмецкой части имперіи, а вмѣсто того, чтобы образовать изъ нея одно австрійское эрцгерцогство, правительство удержало разграниченіе Эннса. Оно не удольствовалось этимъ и отдѣлило герцогство Зальцбургское отъ эрцгерцогства, не смотря на то, что племенное отличіе обоихъ населеній, не требовало этого подраздѣленія.

Нижняя Австрія, имѣя пространство въ триста сорокс семъ квадратныхъ миль и населеніе въ 1.095,959 душъ, прежде была раздѣлена на четыре округа. Императорскимъ приказомъ 4-го августа 1849 года она подраздѣлилась на семнадцать Bezirks-hauptmannschaften, и находится доселѣ въ этомъ подраздѣленіи. Новая организація, данная этой области въ ноябрѣ 1853 года, возстановила прежнее раздѣленіе 1848 года. Такимъ образомъ нижняя Австрія состоитъ теперь изъ слѣдующихъ четырехъ округовъ: 1) округъ *Unter-Wienerwald*, съ главнымъ городомъ Виперъ — Нейштатомъ, подраздѣленный на восемнадцать уѣздовъ. 2) Округъ *Ober-Wienerwald* съ главнымъ городомъ Сан-Полтенъ, подраздѣленный также на восемнадцать уѣздовъ. 3) Округъ *Unter-Manhartsberg*, съ главнымъ мѣстомъ Корнейбургъ, имѣетъ пятнадцать уѣздовъ. 4) Округъ *Ober-Manhartsberg* съ главнымъ городомъ Кремсъ, подраздѣленный на девятнадцать уѣздовъ. Вѣна же вмѣстѣ съ городской землей составляетъ средоточіе верховной власти и мѣстопребываніе высшаго областнаго начальства.

Верхняя Австрія, — *ob der Enns*, — заключаетъ въ себѣ пространство въ двѣсти восемь квадратныхъ миль съ населеніемъ 697,454 души. До 1848 года она раздѣлена была на четыре округа: Мюлкрейсъ, Гаусруккрейсъ, Траункрейсъ и Иннкрейсъ. Съ 4-го же августа 1849 года, она была также

подраздѣлена на двѣнадцать Bezirkshauptmannschafte, съ четырьмя округами, а именно: 1) Округъ Линца или Мюлкрейса съ пятнадцатью уѣздами. 2) Округъ Рида или Иннкрейса съ девятью уѣздами. 3) Округъ Штейера или Траункрейса съ девятью уѣздами. 4) Округъ Вельсъ или Гаусруккрейса, съ тринадцатью уѣздами. Мѣсто пребыванія штатгалтерства заключается въ Линцѣ.

Герцогство Зальцбургское, составлявшее прежде округъ верхней Австріи, съ 1849 года раздѣлено на четыре Bezirkshauptmannschafte съ двадцатью уѣздами.

II. *Венгрія.* — Королевство это, болѣе нежели другія области Австріи долженствовало подвергнутся вслѣдствіе, послѣдней революціи, значительнымъ измѣненіямъ относительно его территоріальнаго размежеванія. Въ административномъ отношеніи оно было раздѣлено на верхнюю и нижнюю Венгрію, Кроацію и Славонію. Нижняя Венгрія подраздѣлялась на два округа, расположенные по ту и по сю сторону Дуная, которые въ свою очередь подраздѣлялись на комитаты, *Gespanschafte*, т. е., *жупанства.* Округъ по сю сторону Дуная содержалъ въ себѣ комитаты: Пресбурга, Нейтра, Треншинъ, Арва, Липтау, Цоль, Турочъ, Барсъ, Гранъ, Гроссъ-Гантъ, Пестъ, Нейградъ, Бачъ, округъ малой-Куманіи, и батальонъ чайкистовъ. Округъ же по ту сторону Дуная заключалъ въ себѣ комитаты: Виссельбургъ, Эденбургъ, Эйзенбургъ, Саладъ, Весприм, Раабъ, Коморнъ, Штулвайссенбургъ, Толнъ, Симегъ, и Барани. Каждый изъ этихъ комитатовъ подраздѣлялся еще на Stuhlrichterämte, что соотвѣтствуетъ уѣздамъ — Bezirksämte — другихъ провинцій.

Верхняя Венгрія раздѣлена была также на два округа, по сю и по ту сторону Тиссы. Комитаты по сю сторону этой рѣки были слѣдующіе: Ципсъ, Саросъ, Землинъ, Унгваръ, Берегъ, Аба-Уйваръ, Гёмёръ, Торна, Борсодъ, Хевесъ и округъ Языговъ. По ту сторону Тиссы расположены были комитати: Мармарошъ, Угочъ, Сатма, Саболчъ, Бигаръ, Бекесъ, Шонградъ, Шанадъ, Арадъ, Крамовъ, Темесваръ, Торонталь, Солнокъ, Крассо и Зарандъ, затѣмъ

слѣдовали города Гайдуковъ, округъ Кеваръ и генералатъ Баната.

Наконецъ Кроація была раздѣлена на комитаты: Аграмскій, Крейцскій и Варадинскій: на генералаты: Карлштата, Варадина и Бана, и на уѣздъ Побережье или Küstenland. Въ Славоніи находились комитаты: Воровичъ, Посѣгъ и Сирмія, и военныя поселенія или полки — Петерварадина, Брода и Градиска.

Таковъ былъ составъ Венгріи до 1848 года, изъ котораго видно, что она обладала кромѣ теперешней ея территоріей, частію Трансильваніи и пятью провинціями, составляющими въ настоящее время особыя управленія, а именно: Кроацію, Славонію, Сербское воеводство, Темешскій Банатъ и Военную Границу. Мы уже видѣли, каково было ея политическое состояніе и господствующій духъ въ народѣ и магнатахъ. Сознавая свою національную гордость, мадяры едва признавали императорскую власть. Они сознавали надъ собою только власть *короля Венгріи*, и хотя сама страна была частію австрійской имперіи, но мадяры въ самообольщеніи старались увѣрить себя, что она не имѣетъ ничего общаго съ владѣтельнымъ домомъ Австріи. Событія 1848 года показали ясно, какъ сильно была присуща свобода войнолюбивому сердцу мадяра. Это самое было причиной, что лишь только революція была прекращена силою оружія и Венгрія снова возвращена имперіи, какъ правительство признало необходимымъ сильнѣе стянуть связи, соединяющія ее съ Австріей. Такимъ образомъ Венгрія понесла наказаніе за свою дурно разсчитанную попытку тѣмъ, что она лишена была преобладанія надъ славяно-румынами, входившими въ составъ ея управленія. Слѣдствіемъ этого, какъ мы сказали, было новое раздѣленіе Венгріи. Комитаты красковскій, средне-Солнокъ, Зарандъ и округъ Кёваръ отошли къ Трансильваніи, отъ которой были отдѣлены въ 1835 году. Комитаты: Бачъ, Бодрогъ, Торонталь, Темесъ и Крассо составили Воеводину и Темешскій Банатъ. Наконецъ въ Кроаціи образовались комитаты Аграма, Крейца, Вородина, Побережья и часть Салада. Славонія пріобрѣла комитаты Посѣгу, Воровичъ и часть Сирміи.

Оставались сорокъ два комитата, которые были раздѣлены въ 1850 году на сорокъ пять. Раздѣленіе это было утверждено новою организаціей Австріи.

По примѣру прежнихъ временъ высшая власть Венгріи сосредоточивалась въ лицѣ одного изъ эрцгерцоговъ австрійскаго дома, который носитъ званіе гражданскаго и военнаго губернатора страны, и по своему личному значенію стоитъ выше штатгалтеровъ прочихъ областей имперіи.

По новому устройству Венгрія раздѣлена на пять большихъ округовъ — *Verwaltungsgebiete, Stadthalterei-Abtheilungen,* — главныя мѣста которыхъ находятся въ Пестѣ, Пресбургѣ, Оденбургѣ, Кашау и Гроссварадинѣ. Эти пять округовъ подчинены пяти отдѣльнымъ правителямъ, которые, имѣя равносильную штатгалтерамъ власть, находятся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ гражданскаго и военнаго губернатора. Округи эти раздѣлены на комитаты, или жупанства, по-венгерски *Ispan,* по-нѣмецки *Gespanschaft,* — начальники которыхъ, именуемые *президентами,* имѣютъ тотъ же самый кругъ дѣятельности, какъ и прочіе начальники округовъ. Та же самая форма чиноначалія существуетъ и въ низшей администраціи Венгріи. Вмѣсто уѣздныхъ судовъ комитаты имѣютъ, такъ называемые Stuhlbezirke, начальники которыхъ тѣ же уѣздные судьи, какъ и въ прочихъ областяхъ австрійской имперіи. Они носятъ названіе *Stuhlrichter*'овъ или *Vice-Gespan*'овъ, то есть, вице-жупана.

Округъ Офенъ-Пестъ заключаетъ въ себѣ девять комитатовъ: Борсодъ, Шонградъ, Гранъ, Хевэсъ, Языгію и Куманію, Пестъ-Пилисъ, Пестъ-Солтъ, Штулвейссенбургъ и Солнокъ. Они занимаютъ пространство въ 620 квадратныхъ миль съ 1,653,034 душами населенія.

Пресбургскій (Поссонн) округъ имѣетъ пространство въ 599 квадратныхъ миль при 1,612,203 душъ населенія и раздѣленъ на одиннадцать комитатовъ: Пресбургъ, Оберъ-Нейтра, Унтеръ-Нейтра, Тренчинъ, Арва, Лантау, Барсъ, Гонтъ, Нейградъ, Іолъ и Коморнъ.

Округъ Оденбурга заключаетъ девять комитатовъ: Оденбургъ, Венсельбургъ, Раабъ, Эйзенбургъ, Веспримъ, Халадъ,

Толна, Сомоги и Барани, обнимаетъ пространство въ 615 квадратныхъ миль и имѣетъ 1,782,658 жителей.

Округъ Кашау (Cassovia) состоитъ изъ восьми комитатовъ: Ципса, Гомора, Саромъ, Абани-Торна, Унгвара, Землина, Бегеръ-Огоцъ и Мармарошъ. Пространство его 683 квадратныхъ мили съ 1,410,463 жителями.

Наконецъ округъ Гроссварадинскій, или Nagy-Varad по-венгерски, заключаетъ въ себѣ шесть комитатовъ: Сатмаръ, Саболчъ, Унтеръ-Бигаръ, Оберъ-Бигаръ, Арадъ и Бекесъ-Шанадъ. Пространство его 613 квадратныхъ миль, жителей: 1,459,119 душъ.

Таково раздѣленіе и составъ современной Венгріи. Всѣ пять частей этой огромной области, бывшаго прежде королевства, управляются по новому устройству съ августа 1853 года, когда начальники комитатовъ вступили въ отправленіе своихъ должностей по новому уложенію.

III. *Чехія* или *Богемія*. По новѣйшимъ статистическимъ извѣстіямъ королевство это населено двумя третями славянъ и одной третью нѣмцевъ, что представляетъ въ общей сложности 4,432,474 души его населенія. Область эта, бывшая также нѣкогда независимымъ королевствомъ, въ настоящее время можетъ почитаться средоточіемъ славянскаго населенія Австріи. Такимъ образомъ уполномоченные депутаты чешскіе кремсіерскаго съѣзда явились въ 1848 году самыми горячими приверженцами славянской партіи въ пользу федерализма и свободы національностей Австріи. Они требовали присоединенія Моравіи къ Чехіи, что однакожъ не послѣдовало.

Чехія была прежде раздѣлена на шестнадцать округовъ, а съ 1849 года на семь. Прежніе шестнадцать округовъ были: Каконицъ, Бераунъ, Каурзунъ, Бунгланъ, Бидшовъ, Кениггрецъ, Хрудимъ, Чаславъ, Таборъ, Будвейзъ, Прагинъ, Клатау, Пильзенъ, Альбогенъ, Заацъ и Лейтмерицъ. Семь же теперешнихъ округовъ составляющихъ Чехію, суть: Пражскій, Будвейсъ, Пардубецкій, Гицинскій, Бемишъ-Лейппа, Эгерскій и Пильзенскій. Каждый округъ управляется особымъ штатгалтеромъ, и при каждомъ изъ нихъ состоятъ комисары перваго, втораго или третьяго разряда, смотря по зна-

чительности круга ихъ занятій. Подобно какъ и въ другихъ областяхъ чешскіе округи подраздѣлены также на уѣзды.

IV. *Моравія.* Маркграфство это имѣетъ населеніе въ 1,828,880 душъ, чисто славянскаго племени при незначительномъ числѣ нѣмцевъ. Область эта, находившаяся въ нѣкоторой зависимости отъ Чехіи, была, не смотря на желаніе кремсіерскаго сейма, совершенно отдѣлена въ 1849 году. Прежнее ея раздѣленіе на шесть округовъ (Брюнскій, Градишскій, Иглау, Ольмюцъ, Прерау и Знаимъ), было отмѣнено, и теперь Моравія состоитъ изъ семи округовъ, то есть, къ поименованнымъ шести прибавленъ еще одинъ — Нейтечинскій.

V. *Галиція.* Области Галича и Владиміра, или какъ теперь называютъ ихъ, Галиція и Лодомірія, прежде были раздѣлены на девятнадцать округовъ, въ число которыхъ входила также Буковина. Къ нимъ былъ причисленъ въ 1846 году и вольный дотолѣ городъ Краковъ. Галиція въ настоящее время имѣетъ 4,875,200 жителей, большей части вѣтьви русской и польской, и это племенное отличіе было причиною, что вѣнское правительство предприняло болѣе стѣснительныя мѣры въ организаціи этой области. Вмѣсто сейма Галиціи предоставлены были, такъ называемые, *Landtagskurie*, засѣдавшіе въ Лембергѣ, Краковѣ и Станиславѣ, и которые избирали членовъ *провинціальнаго совѣта*, Landesausschuss. Атрибуты и кругъ дѣйствій этихъ членовъ бывали гораздо ограниченнѣе нежели другихъ провинціальныхъ сеймовъ, а въ сентябрѣ 1850 года Галиція и Лодомірія, герцогства Аушвицъ, Затаръ и Краковъ, были раздѣлены въ отношеніи политической администраціи на три главныя части. Собственно великое герцогство краковское подраздѣлилось на семь округовъ, а именно: Краковъ, Водовичъ, Сандецъ, Торновъ, Бохня, Жечовъ и Ясло. Всѣ они состоятъ подъ управленіемъ *Landespräsident*'а, подчиненнаго губернатору Галиціи. Галиція же и Лодомірія имѣетъ въ своемъ составѣ двѣнадцать округовъ: Пшемысль, Лембергъ, Жолкевъ, Злочовъ, Бжезань, Тарнополь, Чартовъ, Коломея, Стрый, Станиславовъ, Самборъ и Санокъ. Тотчасъ послѣ этого новаго устройства Галиціи, губернаторомъ ея

былъ назначенъ братъ императора, эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ, который имѣетъ мѣстопребываніе свое въ Лембергѣ.

VI. *Буковина*, составлявшая прежде округъ Галиціи, была, какъ сказано выше, отдѣлена отъ нея въ 1849 году, и вмѣсто того, чтобы причислить ее къ прочимъ валахскимъ округамъ, правительство образовало изъ нея новую провинцію, подраздѣливъ ее на шесть округовъ. По новой организаціи округи эти имѣютъ пятнадцать уѣздовъ и управляются на общемъ провинціальномъ основаніи.

VII. *Трансильванія*. Область эта, въ предшествовавшемъ составѣ ея новой организаціи, была раздѣлена на три части: на *земли мадяръ* съ одинадцатью комитатами и двумя округами, *земли секлеровъ* съ пятью Stuhle, и на *земли саксоновъ* съ девятью Stuhle и двумя округами. Императорскимъ декретомъ 12-го мая 1851 года было образовано въ Трансильваніи пять округовъ съ тридцатью шестью Bezirkshauptmannshafte. Новое разграниченіе Трансильваніи было утверждено императоромъ, а въ настоящее время область эта состоитъ изъ десяти округовъ съ слѣдующими городами: Германштатомъ, Кронштатомъ, Удварели, Марошъ-Васарели, Быстричъ, Деесъ, Силаги-Сомліо, Клаузенбургъ, Карлсбургъ и Броссъ. Трансильванія имѣетъ населеніе въ 2,071,645 жителей, раздѣленныхъ на три отдѣльныя племени — румыновъ, мадяръ у саксоновъ.

VIII. *Воеводина*. Сербское воеводство вмѣстѣ съ темешскимъ банатомъ состояли до 1849 года изъ комитатовъ: Темесвара, Крассо, Торонталь, Бачъ-Бодрогъ и Сирміи. Жители преимущественно Сербы, числомъ въ 1.454.635 душъ. Въ 1848 году они первые возстали противъ венгровъ, за что, конституціей 4-го марта имъ была обѣщана свобода вѣроисповѣданія и народности. Въ ноябрѣ слѣдующаго года вмѣсто того, чтобы соединить ихъ съ кроатами, правительство образовало изъ нихъ новую провинцію. Воеводина заключаетъ въ себѣ въ настоящее время пять округовъ: Темесваръ, Лугосъ, Гросе-Бешкерекъ, Зомборъ и Нейзацъ.

IX. *Кроація*. Австрійское владычество застало въ Кроаціи и Славоніи нѣсколько венгерскихъ комитатовъ, которые явились въ этой странѣ еще во время независимости Вен-

гріи. Мы видѣли въ предъидущихъ главахъ какую роль играла Кроація во время правленія бана Іеллачича и послѣдняго венгерскаго возстанія. Кроація заключаетъ въ себѣ до 950,000 жителей иллирійской вѣтви, слѣдовально чистыхъ славянъ. Если Чехія, какъ мы выразились выше, составляетъ средоточіе сѣверныхъ славянъ въ Австріи, то Кроація имѣетъ тоже значеніе для славянъ южныхъ. Въ 1849 году область эта раздѣлена была на шесть комитатовъ, а именно: аграмскій, (загребскій), варадинскій, Крейцъ и Фіуме, Эссекъ и Посѣга. По новой организаціи число комитатовъ уменьшено однимъ, потому что Крейцъ отнесенъ къ Фіуме; прочіе же остались тѣ же. Комитаты эти подраздѣлены на сорокъ три уѣзда. Прежнее названіе Banalregierung, т. е., банское управленіе, замѣнено теперь званіемъ штатгалтерства, которое кромѣ того, состоитъ изъ одного вице-штатгалтера, пяти совѣтниковъ и шести секретарей.

X. *Далмація.* Не смотря на то, что еще до 1848 года кроатскій сеймъ выразилъ твердое намѣреніе соединить Далмацію съ Кроаціей, правительство упорно стояло на томъ, чтобы провинція эта осталась въ прежнемъ своемъ положеніи относительно внутренней своей организаціи. Раздѣленіе ея на семь префектуръ осталось тоже. Префектуры этѣ носятъ названіе городовъ, гдѣ онѣ сосредоточены, а именно: Зара, Себенико, Сѣня, Спалатро, Макарска, Рагуза и Каттаро. Одно только и было сдѣлано измѣненіе, что правительство образовало новыя три префектуры:—Кистань, Бергорацъ и Бизано.

Намъ еще неизвѣстно положительно, въ какой мѣрѣ долженъ разрѣшиться вопросъ объ итальянскихъ провинціяхъ австрійской имперіи. Ломбардо-Венеція, вслѣдствіе новой организаціи Австріи, вызванной революціей 1848 года, представляла одиннадцатую область имперіи, которая впрочемъ не подвергалась новому устройству на равнѣ съ другими областями Австріи. Чтобы дополнить рядъ этихъ областей въ современномъ ихъ составѣ, въ какомъ засталъ ихъ парижскій трактатъ 1856 года, представляемъ въ нѣсколькихъ словахъ и положеніе ломбардо-венеціанскаго королевства. Ломбардія, бывшая послѣ ея пораженія на строгомъ воен-

номъ положеніи, была исключена изъ числа общихъ преобразованій 1849—1850 года. Страна эта, находясь въ постоянной зависимости отъ центральной власти, мало знакомая съ началомъ политической свободы, не возвысила, подобно славянамъ и мадярамъ своего голоса, чтобы наравнѣ съ ними, потребовать новыхъ преобразованій. Положеніе ея до 1853 года, т. е., до времени снятія военной осады, было самое печальное: военно-гражданское губернаторство Радецкаго всею силой тяготѣло надъ этой несчастной страной. Да и послѣ 1853 года положеніе ея ничуть не улучшилось.

До 1848 года, равно какъ и послѣ этой эпохи, Ломбардо-Венеція была раздѣлена на двѣ провинціи, управляемыя особыми губернаторами, имѣвшими пребываніе въ Миланѣ и Венеціи. Каждый изъ нихъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ нѣсколько *делегатовъ* — delegati, завѣдывавшихъ отдѣльными округами, которые назывались и называются еще delegationi. Эти delegationi венеціанской области занимаютъ пространство въ четыреста четырнадцать съ половиною квадратныхъ миль и имѣютъ населеніе въ 2,321,625 душъ. Округи ихъ носятъ названіе городовъ, въ которыхъ сосредоточено окружное правленіе, т. е., Венеція, Падуа, Виченца, Верона, Тревизо, Удино, Ровиго и Беллуне, всего восемь. Что же касается территоріальнаго раздѣленія Ломбардіи, то оно послѣ новѣйшаго раздѣленія, еще не совсѣмъ извѣстно. Пространство этой послѣдней области заключаетъ въ себѣ площадь въ триста семьдесятъ пять квадратныхъ миль, и населеніе ея простирается до 2.774.907 душъ, заключающихся въ девяти округахъ: Миланѣ, Бергамо, Брешіи, Мантуѣ, Кремонѣ, Комо, Лоди и Крема, Павіа и наконецъ Сандріо. Каждый изъ этихъ округовъ обѣихъ областей былъ подраздѣленъ на уѣзды, управлявшіеся комиссарами. Всѣхъ же уѣздовъ было сто два. Таково было территоріальное положеніе Ломбардо-Венеціи, когда застала его послѣдняя война Австріи съ Сардиніей.

До общаго преобразованія имперіи, Австрія находилась въ постоянномъ болѣзненномъ разслабленіи. Время 1848 года было для нея страшнымъ, почти смертельнымъ переломомъ, изъ котораго эта держава вышла далеко не такъ

невредимою, какъ это обыкновенно полагали нѣсколько лѣтъ тому назадъ, потому что вся временная выгода ея новаго положенія была только на сторонѣ ея чисто-нѣмецкой части. Высшая власть встрѣтилась тогда лицомъ къ лицу съ живыми развалинами инородныхъ племенъ, и употребила всѣ усилія устроить ихъ частный и общественный бытъ, не упуская впрочемъ изъ виду своего безусловнаго права. Нужно сказать, что и до 1848 года Австрія чувствовала необходимость преобразованій, и если бы она тогда же приступила къ веденію новой реформы, то навѣрное успѣла бы отстрочить, быть можетъ, на долго, страшный переворотъ такъ неожиданно павшій на ея голову.

Но централизація, къ которой Австрія такъ настоятельно стремится, согласуется ли съ самимъ составомъ этого государства? Многіе рѣшали этотъ вопросъ отрицательно, таково же и наше рѣшеніе, потому что эта форма правленія въ Австріи менѣе нежели въ какой-либо другой странѣ удобопримѣнима. Централизація, какъ сказано выше, при условіи разнородныхъ элементовъ, составляющихъ государство, невозможна; чтобы обратить ее въ непремѣнный законъ, необходимо единство нравовъ и обычаевъ, единство духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ народовъ. Прошло нѣсколько лѣтъ усидчиваго, упорнаго труда австрійской политики къ достиженію этой цѣли, и между тѣмъ не смотря на то, что далеко не видать еще времени, когда славянинъ, мадяръ, румынъ и итальянецъ станутъ сознательно называть себя австрійцами, нужно увивлятся съ какою настойчивостію преслѣдуетъ вѣнское правительство эту неестественную мечту, постоянно чарующую его воображеніе.

Сентябрь. 1859 г

LIBRARY OF CONGRESS
0 019 770 979 0